

Сергей Сергеевич Степанов

Век психологии: имена и судьбы

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=656605

Степанов С. С. Век психологии: имена и судьбы (издание переработанное и дополненное, авторская редакция):

Аннотация

«Век психологии: имена и судьбы» – собрание научно-биографических очерков, посвященных жизненному пути и научным открытиям выдающихся психологов. Используя широкую палитру фактов и гипотез, автор стремится показать, из каких источников черпали вдохновение великие ученые, как перипетии их личной судьбы повлияли на становление их научных воззрений. Вы узнаете много интересного о жизни таких замечательных деятелей, как Э. Фромм, В. Райх, Э. Берн, А. Р. Лурия, И. П. Павлов, Л. С. Выготский, Л. И. Божович и многих других.

Книга будет интересна специалистам-психологам, студентам психологических факультетов и всем, кто интересуется историей психологии.

Содержание

Предисловие	4
Ф. Гальтон	6
В. Вундт	13
Й. Брейер	17
У. Джемс	22
Дж. Сёлли	26
Г.С. Холл	32
И.П. Павлов	38
Г. Эббингауз	45
З. Фрейд	47
В.М. Бехтерев	62
А. Бине	66
Н.Н. Ланге	72
Дж. Дьюи	76
П. Жане	81
Дж. М. Кеттелл	87
Дж. М. Болдуин	91
Г.И. Челпанов	93
Г. Мюнстерберг	97
Р. Вудвортс	101
А. Адлер	105
У. Кеннон	109
А.Ф. Лазурский	116
Э. Торндайк	121
И.Д. Ермаков	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Сергей Степанов

Век психологии: имена и судьбы

(издание переработанное и дополненное, в авторской редакции)

Предисловие

В любой области науки изучение любого вопроса обязательно предусматривает ознакомление с историей вопроса. Эта аксиома имеет особое значение для психологии – науки, находящейся в динамичном (и судя по всему – бесконечном) развитии. Полноценное психологическое образование и самообразование непременно должно включать изучение истории психологии. Как писал наш выдающийся психолог Л.С. Выготский: «Мы должны рассматривать себя в связи и в отношении с прежним; даже отрицая его, мы опираемся на него». К этому хочется добавить: для того, чтобы опереться на идеи прошлых лет, критически их переосмыслить, их надо просто знать.

Сегодня, если спросить сотню случайных прохожих, кого из психологов они знают, то ответы едва ли будут отличаться разнообразием. Большинство опрошенных, вероятно, вообще не вспомнят ни одного имени. Некоторые назовут Зигмунда Фрейда. И это не удивительно: сегодня его имя постоянно упоминается к месту и не к месту. Кто-то вспомнит Дейла Карнеги, хотя к психологам его можно отнести с большой натяжкой. Некоторые знают еще пару имен. Этим средний уровень психологической эрудиции, как правило, и исчерпывается. И это особенно удивительно при том условии, что интерес к психологии сегодня высок как никогда. Однако познания большинства людей в этой области разрозненны и поверхностны. Многие путают психологию с парапсихологией и вообще плохо представляют себе достижения этой науки. Поэтому рассказ о том, чем занимались и чего достигли в этой области выдающиеся ученые, многим будет интересен и полезен.

Читать научные и даже научно-популярные книги, посвященные каким-то серьезным проблемам, любят далеко не все. Зато практически каждому интересен рассказ о людях, особенно выдающихся. Поэтому рассказ о психологии задуман автором как серия «портретов в интерьере», где личность психолога и его воззрения выступают единым, целостным образом.

Конечно, психолог-профессионал своей эрудицией превосходит обычного читателя и без труда сможет перечислить множество имен своих выдающихся коллег. Однако и эрудиция профессионалов как правило односторонняя. Хорошо зная теории и факты, специалисты в области психологии не так уж много знают о личности создателей этих теорий. А ведь во многих случаях понять великого ученого можно только тогда, когда знаешь особенности его характера, этапы жизненного пути, источники его мировоззрения. Поэтому данная книга наверняка окажется небезынтересна и специалистам.

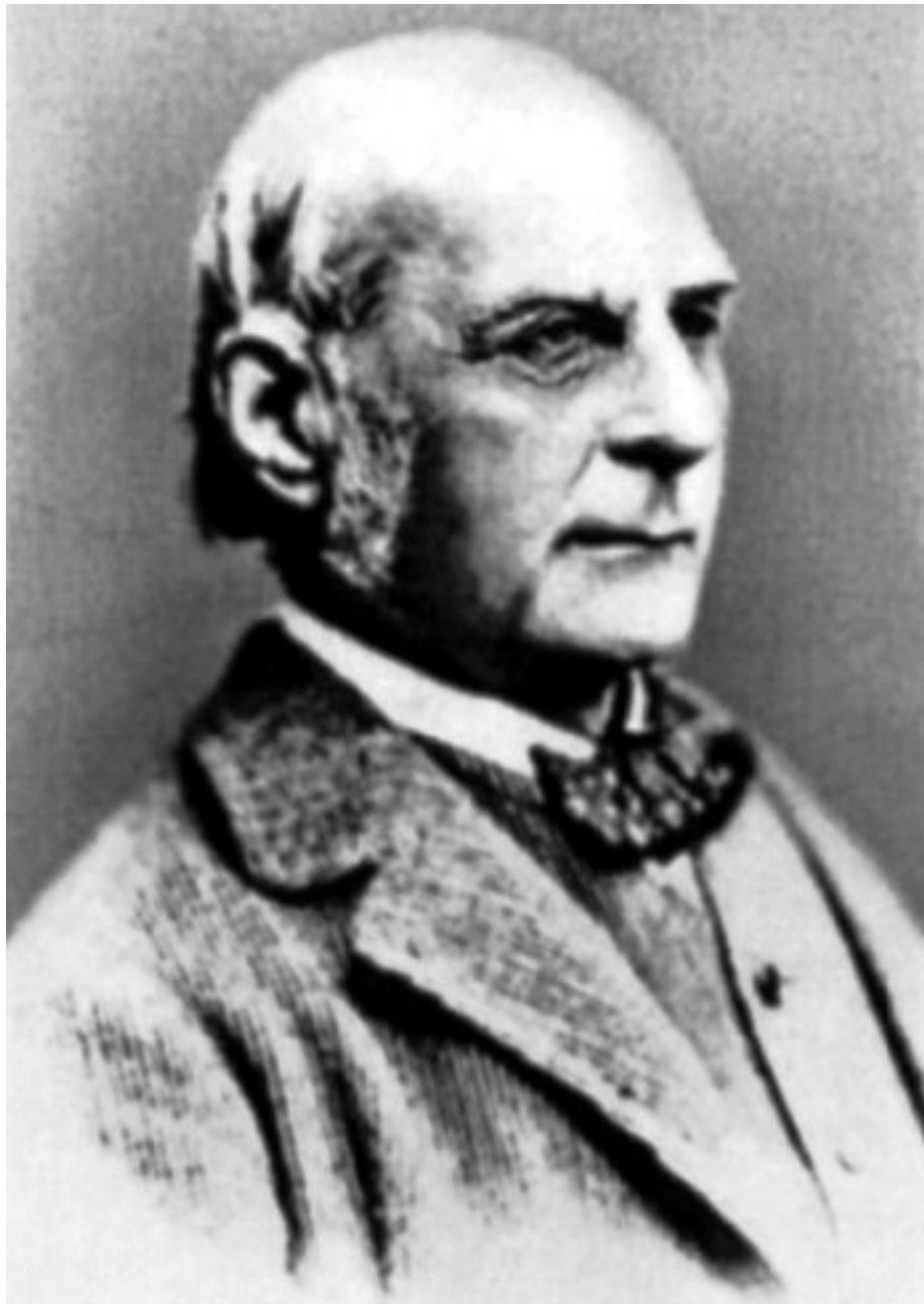
В 2001 г. увидела свет книга «Психология в лицах», в которой были собраны 40 «психологических портретов в интерьере». В предисловии к ней было написано: «Автор отдает себе отчет, что такая книга могла бы быть по объему и вдвое, и вдесятеро больше. И если это издание будет благосклонно встречено читателем, то новое обязательно будет расширено». 10-тысячный тираж «Психологии в лицах» оказался активно востребован читателями. Выполняя обещание, автор значительно дополнил опубликованный ранее материал. Так появилась книга «Век психологии: имена и судьбы» (2002), которую сегодня в продаже также уже не найти. Новая книга представляет собой значительно обновленное и расширенное издание – ее объем в два с половиной раза превосходит объем «Психологии в лицах» и почти на треть

превышает объем «Века психологии». Некоторые главы для данного издания были дополнены и обновлены, иные – полностью написаны заново. В отличие от предыдущих изданий, материал в данной книге сгруппирован по хронологическому принципу – в соответствии с годами рождения ученых. Книга также снабжена именным указателем, построенным по алфавитному принципу, – он включает ссылки на все имена, упомянутые в книге (за исключением имен родственников ученых, ничем кроме этого родства не знаменитых).

Иллюстрациями служат репродукции старых фотографий, качество которых по понятным причинам оставляет желать лучшего. Вопреки возражениям издателей автор настоял на публикации этих снимков, которые, даже не будучи полиграфически безупречными, значительно обогащают содержание книги.

В большинстве случаев в книге представлены материалы малоизвестные и труднодоступные. Автор несколько лет буквально по крупицам собирал их в разных источниках. И если читатель сумеет вынести из этой книги живое и непосредственное впечатление о психологической науке и ее творцах, значит труд автора не пропал даром.

Ф. Гальтон (1822–1911)

Фрэнсис Гальтон – одна из наиболее ярких фигур в мировой психологии, хотя сам себя он психологом не считал ввиду неопределенного статуса этой науки в то время. Тем не менее его исследования на долгие годы определили важные тенденции в развитии психологической мысли, и многие выдающиеся психологи относили себя к его последователям. Это был «один из оригинальнейших ученых-исследователей и мыслителей современной Англии», как писал о нем К.А. Тимирязев в начале XX века.

Жизнь и деятельность Гальтона подробно описаны его учеником и другом Карлом Пирсоном в книге «Жизнь, письма и труды Фрэнсиса Гальтона». Поскольку центральным моментом концепции Гальтона было признание наследственной природы человеческих спо-

собностей, естественно, что его жизнеописание Пирсон начал с генеалогии, которую проследил по пятидесятому колена.

Среди предков Гальтона мы находим такие фигуры, как император Карл Великий, киевский князь Ярослав мудрый, Вильгельм Завоеватель, несколько английских королей. Это предки Гальтона по женской линии. А вот предки по мужской линии были из простых крестьян. Так что генеалогическое дерево лишь отчасти может служить аргументом в пользу его теории. Противоречивые свидетельства мы находим и среди ближайших (в хронологическом отношении) родственников Гальтона. Так, выдающийся ученый Чарлз Дарвин был его кузеном (их дедом был Эразм Дарвин). А вот отец Фрэнсиса, Самуэль, никакими талантами не блистал, как и все его дети, за исключением девятого, младшего, Фрэнсиса.

Фрэнсис Гальтон родился 16 февраля 1822 года в имении Лэрчес близ Бирмингема, принадлежавшем его отцу. Он был значительно младше своих братьев и сестер и в силу этого сравнительно одинок. Фактически его воспитанием и обучением занималась сестра Адель, которая была на 12 лет старше. Одаренность мальчика проявилась очень рано. Сохранилось письмо, написанное им Адели в 1827 году.

Моя дорогая Адель.

Мне четыре года, и я могу читать любую английскую книгу. Я могу назвать все латинские существительные, прилагательные и глаголы 52 строк латинского стихотворения. Я знаю сложение и могу множить на 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11... Я немного читаю по-французски и знаю часы.
Фрэнсис Гальтон

Даже не имея возможности проверить достоверность содержания письма, отметим, что оно написано по-английски с одной-единственной ошибкой. Уже одно это, учитывая сложность английской орфографии, явно свидетельствует о незаурядных способностях автора, которому еще не исполнилось пяти лет.

Школьное образование, судя по скептическому отзыву самого Гальтона, было малопродуктивным. Сменив несколько частных школ, он не преуспел в науках. Пирсон расценивает его школьные годы как застой в развитии. Впрочем, сохранилась рукопись 1835 года «Аэростатический проект Фрэнсиса Гальтона». В ней описана (правда, весьма невразумительно) конструкция крылатого летательного аппарата, что само по себе свидетельствует о неординарности и смелости мысли будущего ученого.

Родители Фрэнсиса прочили ему медицинскую карьеру. Начальную подготовку он получил в бирмингемском госпитале и в Лондонской медицинской школе.

В 1838 г. вместе с товарищами по учебе Фрэнсис предпринял свое первое путешествие по Европе, посетив Бельгию, Германию и Австрию. Впоследствии Гальтон оказался страстным путешественником, этот вояж послужил лишь началом целой серии его странствий.

Осенью 1840 г. Гальтон поступил в Кембриджский университет, в знаменитый Тринити-колледж, где некогда учились Ньютон и Байрон. Здесь он изучал математику и естественные науки, с тем чтобы потом по замыслу отца посвятить себя практической медицине.

Энциклопедические справочники, обычно отмечающие, какое высшее учебное заведение окончил тот или иной деятель, в отношении Гальтона предпочитают формулировку: «Образование получил в Кембриджском университете». Дело в том, что медицинская карьера Гальтона не привлекала. В 1844 г. в возрасте 61 года скончался его отец, с которым Фрэнсис был очень дружен. Это событие потрясло его и заставило пересмотреть свои жизненные цели. Он отказался от необходимой медицинской практики в госпитале Св. Георга в Лондоне, поэтому диплом врача не получил. Вместо этого он решил отправиться в путешествие.

Последующий период своей жизни Гальтон в «Мемуарах» называет годами охоты и стрельбы: охота на тетеревов в шотландских болотах, на тюленей – на Гибридных островах и т. д. и т. п. Казалось, праздный образ жизни затягивает молодого джентльмена.

Но в 1849 г. Гальтон вновь испытал чувство, которое назвал «весенней тревогой». У него снова возникла потребность в исследовательской деятельности и творчестве, и он вернулся к научной работе. Плодом его изысканий стало изобретение печатающего телеграфа, или «телотайпа», как его называл автор. Описание этого прибора явилось его первым научным трудом. Правда, сам прибор так и не был полностью построен.

В 1850–1851 гг. Гальтон предпринял экспедицию в Африку, которая в отличие от его предыдущих, по сути туристических вояжей носила исследовательский характер. Экспедиция длилась около двух лет, было пройдено 1700 миль по труднодоступным и малоизученным районам. В ходе путешествия Гальтон собрал ценные материалы для своих евристических размышлений последующих лет.

По возвращении он опубликовал книгу «Рассказ исследователя тропической Южной Африки», которая была оценена научной общественностью очень высоко. В 1854 г. Географическое общество наградило Гальтона золотой медалью, а в 1856 г. Королевское общество (Академия наук) избрало его своим членом. Чарлз Дарвин также весьма одобрительно отзывался о книге своего кузена.

В 1853 г. Гальтон познакомился с Луизой Батлер и в августе того же года женился на ней. В результате этого события его жизнь приобрела упорядоченность и устойчивость. Дальних путешествий он больше не предпринимал, хотя до самой старости выезжал с женой в разные страны Европы. Гальтон пережил жену на 14 лет. Брак их остался бездетным.

Отчасти в связи с новым укладом жизни упорядочилась и его научная деятельность. Важно отметить, что он был материально вполне обеспечен и работать ради заработка ему не приходилось, поэтому все силы он отдавал науке.

В брошюре Ю.А. Филипченко, вышедшей в 1925 г., отмечается аналогия между главными событиями жизни Гальтона и его родственника Чарлза Дарвина. Оба намеревались стать врачами. Но не осуществили это намерение. В возрасте до 30 лет оба предприняли большое научное путешествие, а потом женились и, перейдя к более основательному образу жизни, целиком предались науке, будучи при этом вполне обеспеченными людьми. Наконец, оба сравнительно поздно выступили со своими главными сочинениями: «Наследственный гений» Гальтона впервые увидел свет, когда автору было 47 лет, «Происхождение видов» было опубликовано пятидесятилетним Дарвином.

Но были, разумеется, и отличия. Дарвин жил уединенно, Гальтон постоянно общался со многими учеными, что благотворно отражалось на его научной работе.

После возвращения из Африки Гальтон в течение нескольких лет занимался научно-практическими разработками в различных областях, ни одной не отдавая предпочтения.

Свой опыт путешественника он изложил в книге «Искусство путешествовать» (1855), представляющей собой практическое руководство по организации дальних странствий. Книга имела большой успех. В 1872 г. появилось уже пятое ее издание. А в 1855 г. на ее основе Гальтон подготовил цикл лекций для английских офицеров. Это было вызвано тем, что, когда в 1855 г. английские войска высадились в Крыму, они столкнулись со множеством бытовых трудностей. Рекомендации Гальтона, касавшиеся походного снаряжения, медицинских средств, разведения огня и т. п., оказались весьма полезными.

С Крымской войной связано и изобретение Гальтоном прибора, названного им «гелиостат», или «алтископ». Это был карманный прибор, позволявший вести наблюдение из укрытия – через стену или через головы толпы. По сути это был аналог перископа. Неизвестно, однако, возник ли перископ под влиянием изобретения Гальтона, либо он был создан независимо от него.

В эти же годы ученый активно занимался климатологией и метеорологией. Он был первым, кто стал публиковать метеорологические карты Европы, обозначая на них осадки, облачность, направление ветра. В 1863 г. им был создан атлас под названием «Метеорографика, или Методы нанесения погоды на карту». Занятия этими вопросами привели его к важному открытию. В его время было известно явление циклона, центр которого отличается низким давлением. Гальтон установил наличие центров с высоким давлением и центробежным движением воздуха по направлению часовой стрелки. Эту систему, противоположную циклону, он назвал «антициклон». Данное понятие сохранилось в метеорологии по сей день.

Страсть Гальтона к созданию новых приборов и приспособлений проявилась и в этой области. Он разработал своеобразные приборы для получения метеорологических карт и чертежей, а кроме того – «волновую машину» для использования энергии морских волн.

Однако основные интересы ученого лежали в иной области. Главной сферой его научных изысканий явилось исследование человеческих способностей.

Фундаментальный труд «Наследственный гений» увидел свет в 1869 году. Ему предшествовали несколько статей аналогичного содержания.

Интересна его статья «Стадность у рогатого скота и человека». В ней, рассуждая о «стадном инстинкте» свойственном человеческому обществу, гальтон утверждал, что в прошлом этот инстинкт был оправдан, но в современных условиях он вреден. Его необходимо преодолеть, чтобы вывести человеческий род на путь морального и интеллектуального прогресса. Средство к этому предлагалось то же, что и для улучшения породы скота, – искусственный отбор.

Такие идеи возникли у Гальтона под впечатлением «Происхождения видов» Ч.Дарвина. Первая статья ученого о наследовании человеческих черт – «Наследственный талант и характер» – появилась в 1865 г. Уже в ней намечены основные принципы, которых он придерживался в последующих изысканиях.

Главное убеждение Гальтона состояло в том, что талант человека и вообще все психические свойства так же наследуются, как и его физические качества.

Для аргументации этого положения им был разработан так называемый близнецовый метод. Впоследствии получивший в психологии чрезвычайно широкое распространение. Сопоставляя степень схожести по ряду параметров монозиготных и дизиготных близнецов, Гальтон еще более укрепился в убеждении, что наследственность играет решающую роль в становлении личности, в условия среды – второстепенную.

Признание наследственности таланта неизбежно направило мысль Гальтона на изучение и измерение ее функций, то есть на психометрические исследования. «Психометрия есть искусство охватывать измерением и числом операции ума, как, например, определение времени реакции у разных лиц... Пока феномены какой-нибудь отрасли знания не будут подчинены измерению и числу, они не могут приобрести статус и достоинство науки». Последняя фраза Гальтона стала впоследствии лозунгом биометрической лаборатории, основанной им в Лондоне.

Психологические исследования, проводимые ученым, были очень разнообразны. Некоторые его наблюдения и эксперименты не укладываются в рамки ни одной теории, как, например, так называемая «знаменитая прогулка сэра Гальтона». Суть этого опыта поистине поучительна.

Однажды сэр Фрэнсис решился на своеобразный эксперимент. Прежде чем отправиться на ежедневную прогулку по улицам Лондона, он внушил себе: «Я – отвратительный человек, которого в Англии ненавидят все!» После того как он несколько минут сконцентрировался на этом убеждении, что было равносильно самогипнозу, он отправился, как обычно, на прогулку. Впрочем, это только казалось, что все шло как обычно. В действительности произошло следующее. На каждом шагу Фрэнсис ловил на себе презрительные и брезгливые

взгляды прохожих. Многие отворачивались от него, и несколько раз в его адрес прозвучала грубая брань. В порту один из грузчиков, когда Гальтон проходил мимо него, так саданул ученого локтем, что тот плюхнулся в грязь. Казалось, враждебное отношение передалось даже животным. Когда он проходил мимо запряженного жеребца, тот лягнул ученого в бедро так, что он опять повалился на землю. Гальтон пытался вызвать сочувствие у очевидцев, но, к своему изумлению, услышал, что люди принялись защищать животное. Гальтон поспешил домой, не дожидаясь, пока его мысленный эксперимент приведет к более серьезным последствиям.

Эта достоверная история описана во многих учебниках психологии. Из нее можно сделать два важных вывода:

Человек представляет собой то, что он о себе думает.

Нет необходимости сообщать окружающим о своей самооценке и душевном состоянии. Они и так почувствуют.

Практически это означает следующее. Если нас что-то не устраивает в нашем мироощущении и поведении, в отношении к нам других людей, надо попробовать это изменить. Но любому изменению поведения должно предшествовать изменение мышления. Хорошее настроение и высокая самооценка способствуют успеху в делах и гармонии в человеческих отношениях.

Гальтоном был осуществлен ряд опытов по измерению функций разных органов чувств человека: реакции кожи на температуру и прикосновение, зрения, слуха, обоняния, вкуса и так называемого мышечного чувства. Для этих опытов Гальтон, обладавший неиссякаемой изобретательской фантазией, создал различные приборы и инструменты, некоторые из них еще долгое время использовались в практике экспериментальной психологии. Среди них так называемый гальтоновский свисток, с помощью которого можно было выявить предельную высоту звука, воспринимаемую конкретным человеком, а также линейка Гальтона для определения способности оценивать расстояния.

Гальтон считал возможным классифицировать людей на основании измерения скорости «образования суждений». Он разработал несложный опыт, который состоял в том, что испытуемый должен был различать альтернативные сигналы А и В, нажимая на ключ в ответ на А правой рукой, на В – левой. Различение сигналов и соответственно рук требовало известного интервала, неодинакового у разных людей. Это время, необходимое для «образования суждения», измерялось. Такой опыт фактически являет собой пример психометрического теста.

Интересно, что представление Гальтона о времени реакции (ВР) как важном показателе протекания психических процессов на протяжении всей истории психологии остается предметом оживленных научных дискуссий и по сей день находит своих сторонников. Так, признанный эксперт в области психодиагностики Г.Ю. Айзенк (ему в данной книге посвящен отдельный очерк) в одной из публикаций последних лет утверждает, что ВР является одним из наиболее существенных критериев уровня интеллектуальной одаренности, тем самым фактически подтверждая давнюю идею Гальтона.

По мнению многих, Гальтона можно назвать основоположником психометрического направления в психологии, первым среди тестологов. Хотя сам Гальтон созданные им методы тестами не называл. Слово «тест» издавна бытует в английском языке в значении «испытание», «проверка», «проба». Для обозначения психометрических методик его впервые употребил американец Джеймс Маккин Кеттелл в своей статье «Умственные тесты и измерения» (1890). Психологическую подготовку Кеттелл первоначально проходил в Лейпциге в знаменитой лаборатории В.Вундта. Однако он быстро разочаровался в подходе Вундта, которому была совершенно чужда идея исследования индивидуально-психологических различий. Кеттелл перебрался в Лондон, где продолжил свою подготовку под руко-

водством Гальтона. Усвоенные представления он активно развивал в США, где выступил первым тестологом. Разработанные Кеттеллом тесты сегодня в практике не применяются, однако появившиеся впоследствии более совершенные американские тесты по своей сути базируются на той же теоретической основе, корни которой можно проследить вплоть до гальтоновских построений.

В 1844 году на Международной выставке здравоохранения в Кенсингтоне Гальтон открыл Антропометрическую лабораторию. Он хотел получить статистические данные об объеме человеческих способностей. За три пенса посетители выставки проходили обследование, состоявшее из 17 различных испытаний. Ассистент Гальтона заносил данные в особые карточки. Лаборатория вызвала большой интерес, в день ее посещало около 90 человек, и в итоге набралось 9337 карточек с индивидуальными результатами. Это был первый эксперимент такого размаха, первое массовое тестирование.

Антропометрическая лаборатория Гальтона после закрытия выставки в 1885 г. переехала в новое, более просторное помещение и там продолжила свою работу. Она послужила образцом для создания подобных лабораторий в Дублине, Итоне, Кембридже и других местах.

Гальтон расширил спектр своих исследований, обратившись, в частности, к анализу отпечатков пальцев. На основе изучения обширного эмпирического материала он пришел к выводу, что пальцевые узоры не меняются в течение всей жизни человека, их разнообразие достаточно велико и каждый человек отличается по узорам своих десяти пальцев от всякого другого человека, эти узоры можно классифицировать. Этим Гальтон создал новую науку – дактилоскопию, по сей день составляющую важный компонент криминалистической экспертизы.

Особая серия работ ученого возникла в связи с его психометрическими исследованиями. Это была попытка выяснить существование какой-либо связи между психикой и физиономией человека. В 1878 г. Гальтон опубликовал статью под названием «Составные портреты».

В те годы фотографирование осуществлялось посредством засветки фотопластинки, причем для нормальной съемки требовалась выдержка в 80 секунд, ибо чувствительность пластинок была очень низкой. Гальтону принадлежит идея совместить в одном изображении портреты нескольких лиц. Так, засвечивая пластинку в течение 10 секунд, можно было получить совокупный портрет 8 персон. Очевидно, что общие семейные черты на таком сводном портрете выступают более отчетливо, тогда как сугубо индивидуальные – нивелируются.

С помощью этой методики Гальтон пытался получить типичный портрет преступника, а также человека, склонного к чахотке, и т. п. Однако данные попытки едва ли можно назвать успешными. Однозначной корреляции между психическими свойствами и особенностями физиономии найдены не были. Впрочем, Пирсон подчеркивает, что и такого рода отрицательный результат имеет научную ценность. Опыты с целью нахождения подобных корреляций многократно проводились и впоследствии, однако ничего не прибавили к негативному результату, полученному Гальтоном.

Интересно, что методика составного портрета в модифицированной форме используется и в наши дни. Так, в конце 80-х годов XX в. в США проводились опыты по изучению привлекательности человеческого лица. материалом служили совокупные портреты, правда созданные уже с помощью компьютера.

Научную деятельность Гальтон продолжал до глубокой старости. Умер он 17 января 1911 г. в Хейлзмире, близ Лондона.

Многие его идеи и разработанные им методы послужили ориентиром для развития психологической науки, и прежде всего, дифференциальной психологии. Оценки его творчества впоследствии давались различные, порой и негативные. Последнее определялось

теми злостными извращениями, которым подвергли его евгеническую теорию разного рода воинствующие фанатики. Что, впрочем, не умаляет достоинств концепции Гальтона, глубоко гуманистической по своей сути.

В. Вундт (1832–1920)

Историю психологической мысли исследователи прослеживают с античных времен, анализируя психологические воззрения Платона, Аристотеля, Демокрита... Само понятие «психология» было введено в научный обиход в конце XVI века. Однако на протяжении всей истории науки психология не выделялась в самостоятельную сферу научного знания, а развивалась в русле философской мысли. Как самостоятельная наука она существует сравнительно недавно – с конца XIX века. Ее рождение в этом качестве историки датируют 1879 годом, когда впервые в мире была основана исследовательская психологическая лаборатория. Эту лабораторию, преобразованную впоследствии в институт, основал Вильгельм Вундт, который по праву считается первым их психологов.

Вильгельм Максимилиан Вундт родился 16 августа 1832 г. в Неккерау близ Мангейма. Он был младшим из детей протестантского пастора Максимилиана Вундта и Мари Фредерики Вундт, урожденной Арнольд. В семье было четверо детей. Двое из них умерли в раннем возрасте, остались только Вильгельм и его брат Людвиг, который был на 8 лет старше.

Жил Людвиг в Гейдельберге, его воспитанием занималась сестра матери. Таким образом Вильгельм оставался в семье в роли единственного ребенка.

Два года он обучался в народной школе, после чего его обучение было поручено викарию – помощнику отца, с которым Вильгельм до этого жил в одной комнате в доме родителей. В своей автобиографии «Пережитое и познанное» Вундт вспоминал: «Этот еще довольно молодой помощник моего отца по имени Фридрих Мюллер и был моим настоящим воспитателем. Он стал для меня ближе, чем отец и мать, и когда через несколько лет он получил собственный приход в близлежащем местечке Мюнцехайм, я настолько затосковал, что родители согласились, в ответ на его предложение, чтобы я жил у него в течение того года, который оставался до поступления в гимназию». За исключением воскресных дней Вильгельм все время проводил в доме викария. При несомненных педагогических способностях викария, его влияние, как вспоминал позже Вундт, имело и негативные черты: обучение, не стесненное программой и дисциплиной, побуждение к безудержному фантазированию не готовило к условиям обучения в гимназии. В возрасте 13 лет Вундт поступил в католическую гимназию в Брухзале. После занятий с викарием гимназия стала для Вундта «школой страданий». Возможно, это объяснялось также ее католической направленностью, чуждой сыну протестантского пастора.

Через год родители перевели его в гимназию в Гейдельберге. Здесь он приобрел друзей, интенсивно занялся чтением. Изучением древних языков – латинского, греческого, древнееврейского, – в общем, вступил на путь познания, на котором ему потом суждено было стать знаменитым.

Когда ему исполнилось девятнадцать, он был готов к поступлению в университет. С этой целью в 1851 г. он прибыл в Тюбинген. Здесь в университете работал его дядя, анатом Фридрих Арнольд. Однако проучившись здесь только один год, он перешел в Гейдельбергский университет, где проучился три с половиной года. Еще в Тюбингене он принял решение стать физиологом. Считая, что именно эта область знания, а не профессия практического врача в наибольшей степени соответствует его интересам и склонностям (подобным образом до него рассуждал и Г.Гельмгольц).

Первый год обучения в Гейдельберге Вундт посвятил изучению анатомии, физиологии, физики, химии и до некоторой степени практической медицины. Под влиянием интересных лекций и демонстраций опытов химика Бунзена Вундт в 1853 г. выполнил свою первую научную работу. На втором году он стал больше внимания уделять практической медицине. Возрос и его интерес к физиологии. Еще через год Вундт стал ассистентом в медицинской клинике в Гейдельберге. Тут ему стало окончательно ясно, что медицина не будет его профессией.

Весной 1856 г. Вундт отправился в Берлин к И.Мюллеру, чтобы изучать физиологию под руководством человека, считавшегося «отцом экспериментальной физиологии». Он нашел, что характер немецкой науки в Берлине отличается от университетов южной Германии. В Гейдельберге наука была слишком практична для его академического темперамента. В Берлине он встретил не только лучшую науку, но и лучшие умы. Помимо И.Мюллера, большое влияние на него оказал Э. Дюбуа-Реймон, стимулировавший его интерес к экспериментальным исследованиям.

В Гейдельберг Вундт вернулся в 1856 г. Здесь он защитил диссертацию по медицине на тему «Исследование нервов в воспаленных и вырождающихся органах». В 1856–1857 гг. он опубликовал три статьи (чисто физиологического содержания), а в 1858 г. – свою первую книгу «Очерки по изучению мускульного движения». В это время интересы Вундта были сосредоточены на проблемах физиологии, хотя психологические идеи занимали его все больше и больше.

В 1858 г. Г.Гельмгольц перешел из Боннского университета в Гейдельбергский. Вундт стал его ассистентом. Личных дружественных отношений между ними не сложилось, возможно – в силу различия темпераментов. Тем не менее их сотрудничество продолжалось 13 лет, пока в 1871 г. Гельмгольц не переехал в Берлин.

Вундт проработал в Гейдельберге до 1874 г. Здесь окончательно оформились его научные интересы. Теперь приоритетным направлением для него выступала психология.

Еще в 1858 г. Вундт опубликовал первую часть «Очерков по теории чувственных восприятий». Последний параграф содержал краткое обсуждение вопроса о бессознательных умозаключениях как механизме восприятия. «Очерки» выходили частями на протяжении 4 лет. А в 1862 г. книга была опубликована полностью с теоретическим введением к ней. Здесь по существу была изложена программа Вундта, подразделявшая психологию на три основных направления: экспериментальная психологи, этническая психология и научная метафизика.

В 1863 г. увидела свет очень важная работа – «Лекции о душе человека и животных», содержащая введение ко многим проблемам экспериментальной психологии, разработка которых растянулась на долгие годы.

В 1867 г. Вундт начал читать лекционный курс по физиологической психологии, фактически положивший начало науке под таким названием. Полное изложение его концепции было дано в книге «Основания физиологической психологии» (в 2-х частях, 1873–74; при жизни Вундта увидело свет 6 изданий этой книги).

В 1874 г. Вундт получил приглашение на кафедру индуктивной философии в Цюрих. Рекомендацию ему дал Гельмгольц; в ней он подчеркивал, что философия должна опираться на естественные науки.

В Цюрихе Вундт проработал недолго. Уже в следующем году он становится профессором кафедры философии Лейпцигского университета. Отныне Лейпцигу предстояло на несколько лет стать колыбелью и столицей мировой психологии.

В 1879 г. состоялось открытие небольшой лаборатории. Оборудование ее составляли несложные приборы для экспериментальной работы, довольно скромной по масштабам. Неожиданно для вундта лаборатория вызвала огромный интерес. В ней собралась группа сотрудников, впоследствии сыгравших важную роль в развитии экспериментальной психологии. Это были ученые не только из Германии (Э.Крепелин, О.Кюльпе, Э.Мейман и др.), но и из Америки (Г.С. Холл, Дж. М.Кеттелл и др.) и других стран, в том числе из России. Через два года лаборатория превратилась в Психологический институт. А в 1883 г. стал выходить первый научный психологический журнал, первоначально носивший название «Философские исследования» (сказывалась давняя традиция развития психологии в рамках философии), измененное в 1905 г. на более адекватное – «Психологические исследования».

В. Вундт (сидит) с сотрудниками в лаборатории

Психологическая концепция Вундта была по сути структуралистской. Он пытался применить естественнонаучный метод в анализе осознаваемого внутреннего опыта, окрестив его «мыслительной материей» и стараясь выявить и описать его простейшие структуры. Таким образом, сознание было разбито на психические элементы, подобно тому как материя делится на атомы. В качестве таких элементов для Вундта выступали ощущения, образы и чувства.

Вундт, в отличие от многих психологов XX века, проживших наполненную яркими событиями жизнь, вел жизнь скромную, упорядоченную и размеренную. Будучи весьма популярным лектором (лекции он читал без конспектов), публичных выступлений не любил, а участия в каких-либо конгрессах просто избегал.

По словам Х.Гефдинга, «история жизни Вундта – это история его научных работ». А важнейший ее итог – институционализация психологии в качестве самостоятельной науки.

Умер Вильгельм Вундт 31 августа 1920 г. в собственном доме в Гросботоне под Лейпцигом.

В его лаборатории ныне находится музей, известный психологам всего мира.

Й. Брейер (1842–1925)

История богата парадоксами. Например, гигантский материк в Западном полушарии был, как известно, открыт отважным генуэзским мореплавателем, который, однако, сам до конца своей жизни, кажется, не отдавал себе отчета в масштабах своего открытия. А название материк получил по имени другого мореплавателя. Америго Веспуччи также, бесспорно, был личностью выдающейся. Однако новый континент был открыт все-таки не им, а Колумбом. Веспуччи лишь прошел по его стопам, тщательно исследовал дальние берега и описал свои путешествия в письмах, поразивших воображение современников. С легкой руки лотарингского картографа Вальдземюллера ему и было приписано открытие Америки, которая с той поры и называется его именем.

В истории психологии нечто подобное происходило не раз. Например, эпохальные открытия Торндайка и Уотсона, давшие жизнь новому научному направлению – бихевио-

ризму, фактически воспоследовали за аналогичными изысканиями Уолтера Пилсбери, которому по справедливости и следовало бы отдать в этой сфере приоритет.

Но самый впечатляющий парадокс такого рода принадлежит, пожалуй, истории психоанализа, и знакомство с ним позволяет лишний раз убедиться в справедливости утверждения: «Все верное в открытиях Фрейда отнюдь не ново, а все новое – вряд ли верно». При всех лаврах, собранных Фрейдом на протяжении прошедшего столетия, Колумбом психоанализа по справедливости следовало бы признать не его, а его старшего товарища Йозефа Брейера. Недооценка Брейера в истории науки связана, вероятно, с тем, что и он, подобно Колумбу, не отдавал себе отчета в масштабах своего открытия и спокойно уступил первенство младшему коллеге. К тому же Брейер не признавал того сексуального «соуса», которым Фрейд обильно сдабривал его открытие и который в итоге превратился в основное блюдо психоаналитической гастрономии. Дабы разобраться в тонкостях этой кухни, рассмотрим внимательнее фигуру Йозефа Брейера и его вклад в становление психоанализа.

Йозеф Брейер родился 15 января 1842 г. в Вене. Он рано потерял мать и воспитывался бабушкой по материнской линии. Впрочем, и его отец, Леопольд Брейер, внес в его воспитание немалый вклад. Начальную школу мальчик не посещал, а вместо этого занимался под руководством отца. Судя по всему, такое домашнее образование отличалось высоким уровнем. В возрасте восьми лет Йозеф был принят в Венскую Академическую гимназию, которую закончил с отличием в 1858 г.

Высшее образование Брейер получил на медицинском факультете Венского университета, где учился у физиолога Эрнста Брюкке и терапевта Йоханна Оппольцера. В 1864 г. он окончил университет и получил степень доктора медицины. Несколько лет он проработал ассистентом Оппольцера, а после его смерти занялся частной практикой. В течение 10 лет – с 1875 по 1885 г. – он также преподавал в университете в должности доцента. Эту должность он оставил, объясняя свое решение тем, что ему недостает клинического материала и вследствие этого лекции даются ему с трудом (поистине достойный шаг, на который способен не каждый). Когда Брейеру предложили звание экстраординарного профессора, он по той же причине это предложение отверг, заявив, что не считает себя достойным этого почетного звания. Доводилось вам что-то подобное встречать в наши дни?

В 1868 г. Брейер женился и до конца дней жил счастливой и благополучной семейной жизнью. В своей краткой автобиографии, написанной незадолго до смерти, он писал: «Если ко всему написанному еще добавлю, что я был счастлив в семейной жизни, что моя любимая жена одарила меня пятью прекрасными детьми, ни одного из которых я не потерял и ни с одним из которых у меня не было серьезных проблем, то, наверное, я могу назвать себя счастливым». Не этим ли простым фактом объясняется то недоверие, которое Брейер испытывал к извращенческим фантазиям Фрейда? И кому можно больше позавидовать – полузабытому Брейеру, прожившему благополучную и счастливую жизнь, или вознесенному на пьедестал Фрейду, чья пламенная страсть к юной невесте превратилась в разочарование матерью своих детей, чьи инфантильные комплексы и завихрения неутоленной похоти нам по сей день приходится брезгливо примеривать на себя?

С Фрейдом Брейер познакомился на профессиональной почве и, похоже, проникся к нему симпатией, усмотрев в нем подающую большие надежды творческую натуру. Несмотря на значительную разницу в возрасте (Брейер был на 14 лет старше) их эпизодическое профессиональное общение переросло в сотрудничество и даже личную дружбу. В письме невесте, Марте Бернайс, Фрейд писал: «Разговаривать с Брейером – все равно что греться в солнечных лучах; он просто излучает свет и тепло. Это поистине солнечная личность и я никак не могу представить, что такого он мог найти во мне, чтобы так по-дружески со мной обращаться. Будет не совсем точно, если мы ограничимся перечислением его достоинств, так как необходимо просто сказать, что у него вообще отсутствует что-либо плохое или недоброе».

Правда, Брейер в этом тандеме явно занимал старшую, почти отеческую роль (тогда как у Фрейда с исполнением сыновней роли всегда были связаны подавленные терзания). Брейер выступал для Фрейда не только профессиональным наставником, но и покровителем в быту. Молодой доктор Фрейд был сильно стеснен в средствах, порой буквально перебивался с хлеба на воду и вынужден был отказывать себе в элементарных удобствах. Великодушный Брейер бескорыстно ссужал его деньгами, по-отчески приглашал к себе домой отобедать и даже... принять ванну. Кстати, последнее было по тем временам очень широким жестом. Брейер жил в доме с водопроводом, а это было роскошью в городе, где даже люди с приличным достатком заказывали себе для мытья чаны нагретой воды, которые им приносили на дом, или нанимали отдельный кабинет в ближайшей бане. В еще одном письме невесте (за годы помолвки их было написано около тысячи) Фрейд восторженно описал ванную Брейера и пообещал, что у них тоже будет такая «и неважно, сколько на это понадобится лет». (Голова идет кругом при мысли о том, в какой роскоши, недостижимой в свое время для Фрейда, мы сегодня живем, да еще при этом продолжаем занудливо жаловаться на скудость своего быта.)

Как врач Брейер имел очень высокую репутацию. Ему принадлежало несколько немаловажных научных открытий – он открыл механизм рефлексов, управляющих дыханием, и выяснил много важного о вестибулярном аппарате и его функции поддержания равновесия человеческого тела. Брейер был домашним врачом многих выдающихся личностей Вены, с которыми его помимо профессиональных связывали и близкие личные отношения. Особенно тесные узы были у Брейера с семьями Вертхаймштайн и Гомперц, в салонах которых вращались звезды живописи, музыки и науки. Многолетняя дружба связывала его с австрийской писательницей Мари фон Эбнер-Эшенбах, известной у нас главным образом своими блестящими афоризмами. («Самая непоправимая беда – беда воображаемая» – это ее слова.)

Иногда Фрейд ходил вместе с Брейером к его больным и потом они обсуждали наиболее интересные случаи. Одной из пациенток Брейера была Берта Паппенгейм, несчастная дочь богатых родителей, страдавшая уникальным комплексом нервно-психических расстройств. В клинической картине этого случая причудливо сочетались кошмары, галлюцинации, раздвоение сознания, провалы памяти, беспричинные приступы гнева, необъяснимо возникающая глухота и даже паралич. Ни у одного человека ни до этого, ни после не наблюдалось такого сочетания симптомов. Тем не менее именно этот случай считается в психоанализе классическим, и почему-то очень немногие задумываются о том, что его исключительность сводит на нет его полезность для теории. По некоторым версиям, достоверность которых сегодня невозможно убедительно ни опровергнуть, ни подтвердить, в основе сложного симптомокомплекса лежали органические нарушения, что и вовсе развеивает психоаналитическую легенду. В описании Брейера и Фрейда речь идет о значительных улучшениях в состоянии пациентки, едва ли не о полном излечении. Хотя согласно данным, полностью обнародованным лишь недавно, несчастная Берта Паппенгейм всю жизнь провела в скитаниях по психиатрическим клиникам и санаториям и умерла в том же плачевном состоянии, от которого ее когда-то лечили. А точнее – недолечили или просто не вылечили, потому что лечили не от того и не так.

Берта Паппенгейм – она же Анна О.

Брейер лечил пациентку два года – в 1880–1882 гг. Он посещал ее каждый день (один исследователь подсчитал, что он провел с нею тысячу часов) и обнаружил, что после обеда она становится сонной и впадает в некое подобие транса, который он назвал самогипнозом. В этом состоянии она часто рассказывала ему о своих фантазиях – «печальных историях». Сама Берта называла эти встречи «прочисткой дымовой трубы», а Брейер называл свой метод катарсисом, то есть очищением, освобождением от ущемленного аффекта.

Фрейд никогда не был знаком с Бертой Паппенгейм (по странному стечению обстоятельств с ней была довольно близко знакома его невеста), о ее странном случае он узнал из рассказов Брейера в 1882 г. По настоянию Фрейда Брейер опубликовал некоторые результаты лечения в предварительном сообщении «О психическом механизме истеричных феноменов». Сам Фрейд начал использовать катартический метод в 1889 г. Результаты наблюдений Брейера и Фрейда были опубликованы в их совместной работе «Этюды об истерии».

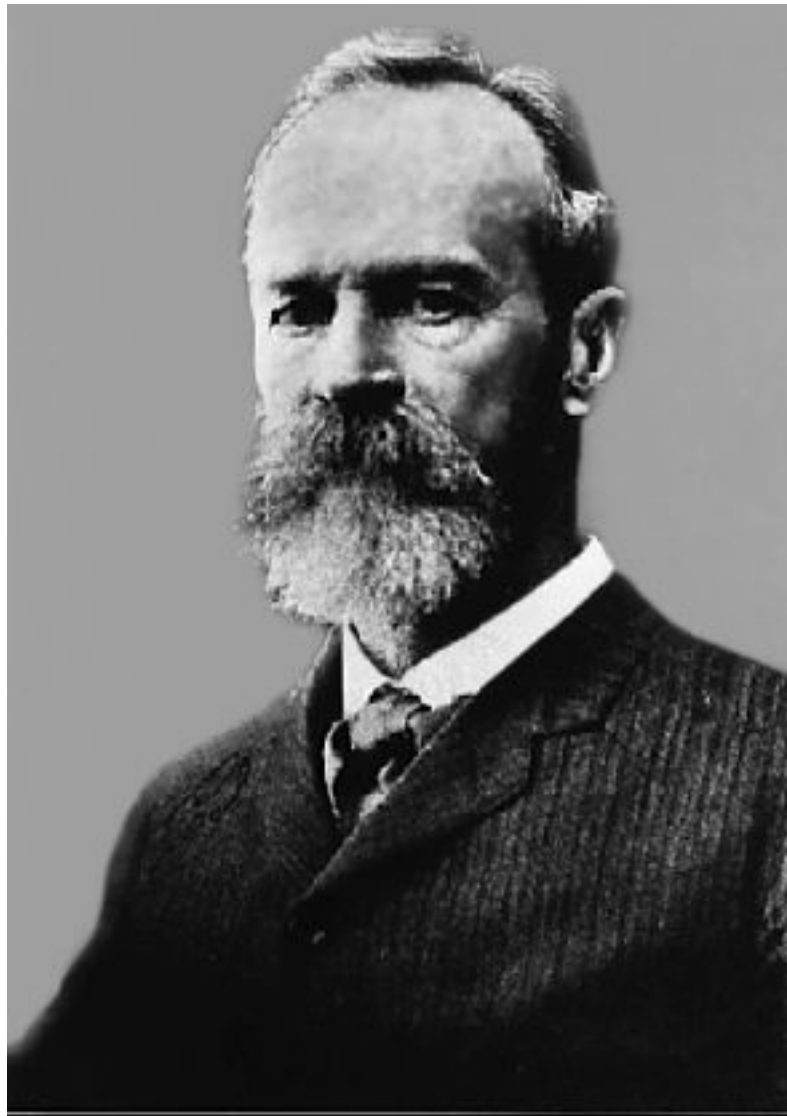
Интересна судьба этой книги, с которой фактически началась карьера Фрейда. Главы, написанные Брейером, не попадают в собрание трудов Фрейда, а одно из сравнительно недавних изданий книги вообще появилось на свет в таком виде, что первым автором на титульном листе указан Фрейд.

Впрочем, это явление объяснимо. Теоретические подходы соавторов к пониманию добытого опыта существенно различались. Брейер, хотя он и сам указывал Фрейду на немаловажную роль сексуальных мотивов в возникновении невротических расстройств, не желал согласиться с мнением Фрейда об исключительной роли этих мотивов. Объединяло их, пожалуй, только общее мнение о том, что истерички (именно к таковым была отнесена Берта Паппенгейм) большей частью страдают от реминисценций (пережитого прежде травматического опыта), и психотерапевтический эффект может быть достигнут путем отреагирования подавленного («ущемленного») аффекта. По сути дела, из этих постулатов, которые трудно оспорить, и выросло психоаналитическое учение. Вот только приоритет Фрейда тут представляется крайне спорным.

Столкновения между Брейером и Фрейдом из-за различных взглядов на проблему этиологии неврозов привели к отчуждению между ними. В «Автобиографии» Фрейд пишет: «Создание психоанализа стоило мне дружбы с Брейером». И еще: «Признание сексуальной этиологии явно шло против его желаний». Правоверные фрейдисты на этом основании даже утверждают, что Брейер был первым, кто принялся бессознательно защищаться от нежелательных психоаналитических откровений. Впрочем, выбор тут невелик – либо стать психоаналитиком, либо его пациентом, либо просто дистанцироваться от этой сомнительной теории. Брейер предпочел последнее. После разрыва с Фрейдом он полностью отдался своей обширной практике терапевта и более не возвращался к исследованиям неврозов. Умер Йозеф Брейер в Вене 20 июня 1925 г.

Сегодня о нем, сказавшем в психоанализе самое главное, вспоминают нечасто. А имя Фрейда гремит. Похоже, людям в самом деле наиболее интересны альковные секреты. А что это, по Фрейду, значит?..

У. Джемс (1842–1910)

«Уильям Джемс возвышается в истории американской мысли – без сомнения, это наиболее выдающийся психолог нашей страны», – писал о своем старшем коллеге американский психолог Гордон Оллпорт. Идеи Джемса, чрезвычайно популярные на рубеже веков, впоследствии оказались в тени набиравших силу психоаналитических и бихевиористских концепций. Сегодня его труды переиздаются и привлекают все большее внимание исследователей. Оказалось, что многие современные представления о душевной жизни предвосхищены пионером американской психологии.

Уильям Джемс родился 11 января 1842 г. в Нью-Йорке. Его дед, протестант кальвинистского толка, эмигрировал в Америку из Ирландии в 1798 г. и нажил неплохое состояние, удачно вложив свои средства в строительство Эри-канала. Отец Уильяма – Генри Джемс старший – снискал известность на ниве теологии. У Уильяма была сестра и трое братьев,

один из которых – писатель Генри Джеймс¹ – не менее своего брата-ученого прославился своими литературными трудами.

В становлении личности Уильяма огромную роль сыграл его отец. Человек религиозный, он был чужд ортодоксального догматизма и всячески поощрял в своих детях независимость суждений. Джеймс-старший полагал, что каждому из его детей предстоит самому выбрать свой путь в жизни и достойно пройти его, опираясь главным образом на собственные силы. В доме часто бывали интересные люди, велись философские беседы. Юный Уильям далеко не всегда находил в рассуждениях старших ответы на интересовавшие его вопросы, однако сама атмосфера этих встреч не могла не способствовать его интеллектуальному росту.

По мнению Джеймса-старшего, в Европе в те годы можно было получить гораздо лучшее образование, чем в Америке. К тому же хорошее образование обязательно предусматривает свободное владение иностранными языками, а язык, как известно, лучше усваивается там, где на нем говорят. В результате для Уильяма и его брата Генри школьное образование вылилось в путешествие по Европе, где они за пять лет сменили несколько частных школ в Англии, Франции, Германии и Швейцарии. В эту пору оформились интересы Уильяма. С одной стороны, он испытывал тягу к естественным наукам, с другой – еще более сильное увлечение искусством, особенно живописью.

К желанию сына стать художником Джеймс-старший отнесся неодобрительно, однако его занятиям препятствовать не стал. Впрочем, вскоре Уильям и сам осознал, что его способностей достаточно лишь на то, чтобы стать весьма посредственным живописцем. Такая перспектива его не прельщала, и он скрепя сердце отказался от художественной карьеры. Тем не менее художественные склонности впоследствии проявились и в его научной деятельности – в пристальном внимании к деталям, в стремлении к изяществу стиля.

В 1861 г. Джеймс поступил в Гарвардский университет. Он начал учиться на химическом факультете, но вскоре занялся сравнительной анатомией и физиологией. В 1864 г. он перешел на медицинское отделение, хотя с самого начала не намеревался стать практикующим врачом (вероятно в силу этого медицинские дисциплины он изучал без энтузиазма). В 1865–1866 гг. вместе со своим научным руководителем Л. Агасси он принял участие в исследовательской экспедиции в Бразилию. Главным итогом экспедиции явилось катастрофическое ухудшение здоровья Джеймса. Так впервые резко проявилась слабость его организма, доставлявшая ему и впоследствии немало огорчений: из-за ухудшения здоровья порой приходилось прерывать научную работу, а периодические поездки в Европу каждый раз, хотя бы отчасти, были продиктованы необходимостью лечения.

Именно такая ситуация побудила Джеймса отправиться в 1867 г. в Германию. Немалую роль сыграло стремление поправить здоровье, пошатнувшееся в экспедиции. Не менее важным явилось желание совершенствоваться в области экспериментальной физиологии.

В июне 1869 г. Джеймс получил ученую степень по медицине. Перед ним открывалась возможность академической карьеры. Однако из-за затянувшейся болезни к работе в уни-

¹ Имена и фамилии зарубежных ученых пишутся по-русски в соответствии с определенной сложившейся традицией. При этом возникает противоречивая ситуация, когда относительно написания имен их известных родственников существует иная традиция. Так, в данном случае фамилия психолога традиционно пишется Джеймс, тогда как его брат-писатель известен как Джеймс. (Впрочем, сегодня иные отечественные авторы и издатели, вероятно – не знакомые с вековой традицией, и психолога именуют Джеймсом, из-за чего порой возникает путаница.) И это не единственный подобный случай. В Большой Советской Энциклопедии мы можем прочесть о писателе О.Хаксли – внуке естествоиспытателя Д.Гексли (Huxley) и т. п. Вероятно, целесообразно придерживаться однажды принятого написания, даже если оно не представляет собой точной транскрипции (в конце концов, и Фрейда правильнее именовать Фройдом, однако подобные попытки иных современных психологов скорее производят впечатление наивного неконформизма). Иначе возникают досадные разночтения. Так, в психологических изданиях последних лет мы встречаем фамилии Сакс, Шах, Сас (Sachs); Ганье, Ганэ, Гэгни (Gagne) и др.

верситете он приступил лишь 3 года спустя. Ослабленность организма усугублялась глубокой депрессией. На протяжении долгого времени Джемс испытывал обостренное ощущение собственной никчемности, несколько раз предпринимал попытки самоубийства. Однако именно мировоззренческие искания, которые привели его в столь плачевное состояние, позволили ему в конце концов и справиться с депрессией. Усилием воли Джемс сознательно положил конец душевным терзаниям. «Моим первым актом свободной воли будет верить в свободную волю. Оставшуюся часть года я буду намеренно культивировать чувство моральной свободы», – записал он в своем дневнике.

На мироощущении Джемса весьма положительно сказалась и женитьба на Алисе Хоу Гиббнс. По оценкам биографов, это событие придало ему оптимизма и жизненных сил.

В 1873 г. он начал преподавать в Гарварде анатомию и физиологию, в 1875 г. – психологию, в 1879 г. – философию. Такая последовательность не отражает эволюции научных пристрастий Джемса. Философия всегда была для него первична, а решение любого конкретного вопроса в той или иной области знания тесно увязано с более общими философскими проблемами.

Среди пионеров психологии Джемсу принадлежит особое место. Он не является основоположником психологической школы или системы. По существу, им обозначен целый ряд перспективных линий развития новой, формировавшейся отрасли. «Не прорабатывая деталей. Джемс наметил четко обрисованный широкий план, показывающий другим, в каких направлениях двигаться и как делать первые шаги», – писал о вкладе джемса английский психолог Р. Томсон, автор одной из известных книг по истории психологии.

Оценивая состояние современной ему психологии, Джемс полагал, что научной психологии пока не существует. Эта область пребывает в ожидании своего Галилея, который преобразует ее в науку. Свою задачу Джемс видел в том, чтобы, следуя аналитическому методу непосредственного самонаблюдения, изучать «первичные данные» – душевные явления в их целостности и связи с обуславливающими их физиологическими процессами.

Наиболее полно психологические взгляды Джемса изложены им в двухтомной монографии «Принципы психологии», увидевшей свет в 1890 г. Сокращенный вариант этого труда в виде учебника психологии вышел два года спустя (в русском переводе – в 1922 г.; новое издание – 1991 г.).

Психологические воззрения Джемса энциклопедичны: в поле его зрения оказывается широкий спектр явлений психической жизни – от функционирования мозга до религиозного экстаза. Причем на всех уровнях его подход отличается гармонией научной глубины и блестящего стиля изложения. Возможно, с этим связан неослабевающий интерес, с каким читают книги Джемса как психологи-профессионалы. Так и обычные читатели.

Центральным в психологии Джемса является понятие сознания, которому он дал оригинальную интерпретацию. Он писал о потоке сознания, подчеркивая динамизм душевных явлений, рассматривая их как постоянно сменяющие друг друга неповторяемые состояния. Если до Джемса сознание представлялось как сумма отдельных элементов (так называемый структурализм), то им в качестве первичного факта выделяется поток сознания как непрерывная динамичная целостность. Членить ее – то же, что резать ножницами воду. «Традиционная психология описывает дело так, будто река состоит из ведер, чаш, бадеек и других емкостей, содержащих воду. Даже если бы ведра и кастрюли действительно стояли в потоке, между ними продолжала бы течь свободная вода. Именно эту свободную воду сознания психологи решительно не замечают».

Неослабевающий интерес привлекает теория личности, разработанная Джемсом. Он выступил сторонником широкого определения личности, выделяя ее физический, социальный и духовный компоненты. Его представления о личности оказали большое влияние на

становление многих областей персонологических исследований, в частности работ по изучению самосознания, самооценки, уровня притязаний.

Одна из наиболее ярких и широко известных страниц психологии Джемса – его теория эмоций. Эта теория была почти одновременно разработана независимо друг от друга двумя учеными – Джемсом в 1884 г. и датским анатомом К. Ланге в 1885 г. – и вошла в историю науки под названием теории Джемса-Ланге. Вот ее классическая формулировка, данная Джемсом: «...Мы опечалены, потому что плачем; приведены в ярость, потому что бьем другого; боимся, потому что дрожим...» Такой парадоксальный подход породил оживленную научную дискуссию, которая не стихает по сей день и сама по себе свидетельствует о наличии в этой теории рационального компонента.

Психологические изыскания Джемса носили не только умозрительный характер. В 1892 г. им совместно с Г. Мюнстербергом была основана первая в США лаборатория прикладной психологии.

В 1894 г. Джемс был избран президентом Американской Психологической Ассоциации. В этом отразилось признание научной общественностью его роли в институционализации психологии в качестве самостоятельной науки, отличной как от неврологии, так и от философии.

В 1906 г. Джемс оставил Гарвард. Но до конца жизни он продолжал писать, выступать с лекциями. Его выступления были главным образом посвящены прагматизму – основанному им философскому направлению, рассматривавшему практическую пользу как критерий истины. Оригинальные идеи и блестящий стиль изложения снискали ему широкую популярность.

Уильям Джемс умер от инфаркта 26 августа 1910 г. Его идеи продолжают вдохновлять все новые поколения психологов.

Дж. Сёлли (1843–1923)

История психологической мысли на многочисленных примерах убеждает в правоте избитой истины: новое – это хорошо забытое старое. Современные психологи нередко «изобретают велосипеды», сконструированные давным-давно, – в чем нетрудно убедиться, перелистав пожелтевшие страницы забытых книг. Сегодня лишь немногие энтузиасты знают имена пионеров мировой психологии, а их труды вековой давности пылятся невостребованные на библиотечных полках. Среди таких фигур – основатель английской детской психологии Джеймс Селли², чьи идеи были очень популярны на рубеже 19–20 веков во всем просвещенном мире, в том числе и в нашей стране, а ныне прочно забыты. Так давайте сдуем пыль с вековых страниц и познакомимся с ученым, проложившим тот путь, которым сотни и тысячи исследователей следуют поныне.

В 1843 г. в небольшом городке Бриджуотер в семье коммерсанта появился на свет девятый (и далеко не последний) ребенок – Джеймс Селли, ставший впоследствии одним из лидеров британской психологии.

Из автобиографии Селли «Моя жизнь и мои друзья. Воспоминания психолога», изданной им на склоне лет, мы узнаем, что первоначальное образование он получил, закончив Йоувильский частный колледж, а затем по настоянию отца занялся коммерцией и посвятил этому делу три года своей жизни. Подешевле купить, подороже продать – упоительное занятие для людей определенного склада. Селли к таким людям явно не принадлежал. В конце концов он забросил спекуляцию и отправился в Лондон, чтобы продолжить свое образование. Кроме традиционного для той поры изучения древних языков основное внимание он уделял знакомству с трудами Дж. С.Милля, Г.Спенсера, А.Бэна. В 1866 г. он получил степень бакалавра философии. Для завершения своего философского образования он в 1867 г. отправился в Германию, в Геттингенский университет. По возвращении домой год спустя он получил ученую степень магистра. Одним из его экзаменаторов выступил его кумир А.Бэн, по предложению которого соискатель был награжден золотой медалью. По протекции Бэна Селли также начал сотрудничать с редакцией «Двухнедельного обозрения» (*Fortnightly Review*), в котором в дальнейшем были опубликованы несколько его статей по проблемам философии и психологии.

Психологическая проблематика все более увлекала Селли, однако он понимал, что для занятий в этой сфере ему недостает естественнонаучной подготовки. В ту пору психология оформлялась в качестве самостоятельной науки на пересечении философской мысли и биологических знаний. Убедившись в недостаточности своих знаний по физиологии, Селли решил вновь отправиться в Германию – в знаменитую школу физиологической психологии В.Вундта.

Еще в начале 60-х гг. у Селли возникло увлечение эволюционной доктриной Г.Спенсера. Его мечтой было написать статью об эволюции в очередное издание Британской энциклопедии. Творческие планы часто осуществляются, но редко – в полном соответствии с замыслом. В девятом издании Британской энциклопедии появилась статья Селли об эволюционных взглядах Т.Гексли³, а также статья «Мечты» – скорее научно-популярная, чем

² Именно такое написание английской фамилии Sully было принято в переводах работ ученого на русский язык, вышедших в конце 19 – начале 20 в. В наши дни знатоки транскрипции наверняка назвали бы его Салли – подобно тому, как Соломон Аш ныне именуется Эш, Джемс – Джеймс, да и Фрейда скоро повсеместно начнут звать Фройдом. Но про Селли сегодня вряд ли вспомнят, так что можно безбоязненно последовать вековой традиции.

³ Еще один забавный пример традиционного написания иноязычных имен. Английский естествоиспытатель Huxley

справочно-энциклопедическая. Бэн, в целом благоволивший к молодому ученому, к этим его работам отнесся прохладно. Зато пришли положительные оценки от Т.Рибо из Парижа, Р.А-венариуса из Лейпцига и нескольких других выдающихся ученых той поры. Большое значение имела для Селли оценка, которую Ч.Дарвин дал его статье об эволюции: «Я прочитал ее с величайшим удовольствием и очень сожалею, что она не была опубликована раньше, тогда бы я мог извлечь пользу для решения своих проблем».

Свой первый научный труд «Чувства и интуиция» (1874) Селли начал с главы, посвященной проблеме эволюции. Фактически он следовал традиции британской школы Дж. С.Милля и А.Бэна, которую он «усовершенствовал» эволюционным подходом Г.Спенсера. Л.Херншоу, автор книги «Краткая история психологии Великобритании. 1840–1940», назвал психологию Дж. Селли «систематизированной и поставленной на эволюционный фундамент».

Три года спустя Селли издал вторую книгу, «Пессимизм», более философскую по своему содержанию – в ней он проанализировал взгляды А.Шопенгауэра и В.Гартмана. Эта публикация стоила ему должности заведующего кафедрой философии в Ливерпуле – попечительский совет, заметив лишь название книги и не вникая в ее содержание, посчитал автора пессимистически настроенным, а потому не достойным преподавать философию юношеству.

Селли продолжил педагогическую деятельность в различных учебных заведениях Лондона, читая лекции по теории образования, по вопросам психологии искусства, по психологическим основам проницательности. (Небезынтересно отметить, что преподавательские заработки и гонорары на протяжении долгих лет не позволяли ученому сводить концы с концами, так что уже в зрелом возрасте он был вынужден пользоваться материальной поддержкой отца). Селли был увлечен проблемой сущности и причин возникновения иллюзий. Он провел множество оптических экспериментов, результаты которых обобщил в книге «Иллюзии» (1881). В этой работе он рассмотрел причины возникновения иллюзий, которые, по его мнению, заключались в особенностях восприятия человеком неясных форм видимого объекта, вызывающих игру капризной фантазии. Параллельно он детально изучил не только иллюзии зрительного восприятия, но и мечты, грезы, галлюцинации. Характерно, что этот труд Селли вызвал большой интерес у З.Фрейда и был им высоко оценен. А В.Вунд прислал автору письмо, в котором подчеркивал свое согласие с его гипотезой о том, что иллюзии следует рассматривать по аналогии с ошибками памяти. В России данная книга, в отличие от двух предыдущих, не была переведена.

По просьбе своих студентов Селли написал учебник по психологии для будущих педагогов. Это была его основная работа, обобщившая главные представления и взгляды Селли-психолога. «Очерки психологии» писались в течение трех лет и, по воспоминаниям автора, с трудом нашли издателя. Книга увидела свет в 1884 г., а позднее переиздавалась в сокращенных вариантах – под названием «Человеческий разум» (1892) и «Учебник психологии для учителей» (1886). В России данный труд Селли был переведен и опубликован в Петербурге в 1887 г. под названием «Основные начала психологии и ее применения к воспитанию». Впоследствии книга переиздавалась в нашей стране еще трижды (четвертое издание вышло в 1908 г.).

В этой работе автор изложил свой взгляд на концепцию образования и воспитания, которая во многом опиралась на идеи А.Бэна, но вместе с тем содержала и новые подходы к решению ряда проблем.

Селли развел понятия образования и воспитания. Под образованием он понимал систематизацию знаний, а под воспитанием – сознательное воздействие на ребенка, опирающе-

еся за законы развития его психики. Принципы воспитания базируются на данных двух наук – физиологии и психологии. Исходя из данных физиологии строятся подходы к физическому воспитанию, психология же закладывает основы духовности, то есть воспитания интеллекта, эмоций и воли. В воспитании Селли выделял интеллектуальное, эстетическое и моральное направления, которые в свою очередь отвечали трем основным целям: логической (истине), эстетической (красоте) и этической (добру). Если первые две цели связаны с культивированием в человеке способностей к познанию и эмоциональному развитию, то третья развивает волевую сферу, совершенствует характер человека. Представления о воле, ныне совершенно выпавшие из поля зрения современных психологов, представляют, наверное, наиболее интересную часть концепции Селли. Волю он рассматривал в связи с действием. Известно, что начало мотивационного подхода к проблеме воли было положено еще Аристотелем. Но если у Аристотеля источник действия основывается не на желании человека, а на разумном решении о его осуществлении, то Селли утверждал, что любое действие сопряжено с желанием, которое в свою очередь предполагает как необходимое условие своего существования эмоциональный и интеллектуальный компоненты и зависит от объема и характера воспроизведения в памяти прошлого опыта. Трактовка волевой сферы личности у Селли имела точки соприкосновения с учением о воле А.Бэна, о чем свидетельствует, в частности, идея о тренировке действий в результате неоднократно повторяющихся упражнений.

Особую ценность представляет мысль Селли о роли самоконтроля над поступками и побуждениями. Подчинение личного интереса общему делу он считал высшей стадией самоконтроля. Таким образом, проблема выбора соответствующих форм поведения вышла у Селли далеко за рамки простого порождения действия на уровень проблемы овладения собственным поведением. Ученый еще столетие назад поднял важный вопрос о механизмах саморегуляции.

Бич многих лекторов и ораторов – болезнь голосовых связок – поразил Селли особенно остро. Тем не менее, преодолевая недуг, он продолжал активную преподавательскую деятельность, читал лекции в университетах Кембриджа, Манчестера, других учебных заведениях, принимал активное участие в заседаниях Метафизического, Аристотелевского и Неврологического обществ.

В августе 1892 г. Селли принял активное участие во II Международном психологическом конгрессе в Лондоне в качестве секретаря. Проведению конгресса предшествовала большая подготовительная работа. Президентом конгресса был Г.Сидвик – человек, придерживавшийся строго интроспективного взгляда на сущность психического; по этой причине на конгресс не были приглашены представители экспериментальной ветви психологической науки. Селли посчитал необходимым исправить положение дел. Он отправился в Германию, Австрию и другие страны, чтобы лично пригласить на конгресс Г.Эббингауза, В.Прейера, А.Бине и других известных психологов.

В том же году он получил назначение на должность заведующего кафедрой в университетском колледже в Лондоне. Этой работе он отдал последующие 11 лет жизни, пока ухудшающееся состояние здоровья не вынудило его уйти на покой. В 1897 г. он основал здесь первую в Англии психологическую лабораторию, приобретя оборудование у Гуго Мюнстерберга перед его эмиграцией в Америку. Одним из значительных его организационных достижений на этом поприще стало проведение в колледже 24 октября 1901 г. собрания, на котором было основано Британское психологическое общество. На момент основания общество насчитывало 10 членов, включая самого Селли.

Джеймс Селли по праву считается пионером научной детской психологии в Англии. Он был членом Британской ассоциации по изучению ребенка. Эта организация возникла в Эдинбурге в 1894 г., ее создателями стали три женщины-педагога, которые, побывав в качестве делегатов Педагогического конгресса в Чикаго на секции по изучению ребенка под

председательством Г.С. Холла, вернулись в Великобританию вдохновленные идеями американского психолога. Отделения ассоциации были затем открыты в Челтенхэме и Лондоне.

В ноябре 1895 г. увидела свет книга Селли «Изучение детства». Это был один из первых учебников по детской психологии – Селли опередили лишь В.Прейер в Германии и Г.С. Холл в Америке. Британское образование, по признанию современников, находилось в ту пору на весьма невысоком уровне. Еще в 1861 г. государственная комиссия констатировала низкую эффективность многих частных школ из-за отсутствия отлаженной системы элементарного обучения. Потребность в изменении существующего положения была очень велика. Англия тех лет остро нуждалась в квалифицированных педагогических кадрах, а следовательно – в учебных пособиях по детской и педагогической психологии. Появление книги Селли было весьма своевременным.

Первое издание этой книги в России вышло через шесть лет под названием «Очерки по психологии детства». Сочинение Селли заключало в себе множество примеров и было написано в легкой, доступной манере. Автор проанализировал ряд важнейших проблем в этой области знания: последовательных стадий усвоения речи, развития творческого воображения, сущности детской игры, развития представлений о собственном Я, причин детских страхов, детской лжи и др.

В развитии мышления ребенка Селли выделил три стадии: понятие, суждение и умозаключение, или вывод. На первой происходит образование общих идей. Первые понятия у детей отвечают узким классам явлений и предметов, которые представляют для них особый интерес. Дети от года до 15 месяцев изобретают собственные слова и самопроизвольно расширяют с помощью аналогии смысл терминов, например, словом «яблоко» они называют другие плоды. С расширением опыта усиливается способность ребенка к абстракции, он начинает схватывать менее выдающиеся и более тонкие черты сходства. Работу детского мышления, связанную со сравнением предметов, Селли называл «трагизмом детства», потому что наивная уверенность ребенка в стройности и правильности мира сталкивается с беспорядочностью объективной реальности. Стремясь разобраться, упорядочить хаос, ребенок вступает в новый «период вопросов» к концу третьего года жизни. Селли разделил детские вопросы на три группы. В первую группу входили вопросы типа «Что?». Эти вопросы связаны с причудливой детской фантазией, обусловленной детским антропоморфным взглядом на мир, где все живые и неживые предметы имеют привычки взрослых людей. Другой тип детских вопросов относится к смыслу и причине вещей, его типичной формой является вопрос «Почему?» Селли считал, что стремление узнать причину явления у ребенка инстинктивно по своей природе. Особенностью детского мышления на этом этапе является антропоцентрическое оценивание ребенком явлений природы в связи со служением человеку. В дальнейшем антропоцентрические воззрения у детей ослабевают и переходят в вопросы о назначении вещей, то есть малыш обращается к проблеме цели и пользы. Затем мысль маленького философа переходит к вопросу о происхождении. И здесь главной тайной для пытливого ума становится проблема исчезновения больших предметов (вопросы типа «Куда девается весь ветер?»), бесконечного числа существующих вещей, проблема начала жизни.

Разумеется, считал Селли, вопросы ребенка нельзя оставлять без ответа, но «чтобы понимать детские вопросы и чтобы отвечать на них, требуется немалое искусство; для того и другого необходимы обширные и основательные познания и способность живо, симпатически вникать в душу спрашивающего ребенка». Вопросы, оставленные без внимания, разрушают драгоценную умственную деятельность ребенка.

Селли писал о том, что практически невозможно определить границы деления детского воображения на две формы – игру и мысль, ясно лишь, что с возникновением у ребенка способности классифицировать и обобщать окружающие предметы начинается его настоящая

мыслительная деятельность. Позднее в опытах Ж.Пиаже было доказано, что дети до определенного возраста не умеют отличать субъективный и внешний мир, они отождествляют свои представления с вещами объективного мира, то есть детские представления развиваются от реализма к объективности.

Несомненную ценность представляет разработанная Селли теория о трех стадиях детского рисования. Известно, что она получила высокую оценку В.М. Бехтерева. Селли полагал, что способность ребенка в области искусства, как и развитие языка, имеет «точки соприкосновения с явлениями первобытной культуры». Однако не следует ожидать полного параллелизма между «грубым искусством ребенка и примитивным искусством расы». Селли видел источник возникновения искусства первобытного человека в деятельности, напоминающей игру. В отличие от первобытного человека ребенок живет в условиях уже существующей культуры, взрослые дарят ему игрушки, поют песни, водят в театр. Ученый стремился выделить черты квази-эстетического чувства ребенка, то есть черты эстетического чувства «в чистом виде», без какого-либо воспитательного влияния. К ним он отнес предпочтение ребенком всего блестящего, позднее детям начинают нравиться предметы, имеющие яркий цвет. То, что ребенок трех-четырёх лет имеет пристрастие к определенному цвету, кажется вполне очевидным, однако опыты В.Прейера, А.Бине, Д.Болдуина и других не дают возможности однозначно заключить, какой именно цвет любим малышами больше всего (у Прейера – красный и желтый, у Болдуина – синий). Селли отмечал, что есть все основания «полагать, что дети, как и не особенно интеллигентные взрослые, предпочитают сочетание таких цветов, которые отстоят в спектре далеко друг от друга, например, синего с красным или синего с желтым».

Что касается выбора форм, то он связан в первую очередь с удовольствием от красоты движения. Дети очень любят котя за их грациозные прыжки, вообще малыши предпочитают все маленькое. Селли полагал, что это связано с «ласкающей нежностью, в которой, в свою очередь, содержится некоторое чувство товарищества». Понятие о пропорциональности, симметрии, контуре развивается позднее, так как требует от ребенка определенной степени умственного развития. Селли отмечал, что дети более восприимчивы к ограниченным предметам. Вид бескрайнего моря или высокой горы вызывает у них чувство страха перед неизвестным.

Впервые услышанные звуки также вызывают у ребенка чувство страха, затем удивления и любопытства. Среди предпочтений ребенка Селли назвал большее расположение к высокому женскому голосу, а также пристрастие к ритму. Что касается стихов, то «ребенок любит только те, которые отличаются простым построением, звучным ритмом и краткостью стоп».

Большой научный интерес представляет творчество Селли в области изучения детских чувств, в частности причин возникновения детского страха. Свою задачу ученый видел в применении в данном вопросе «точных научных приемов». Вслед за Дарвином Селли описал сопровождающие внешние признаки страха. Он обратил внимание, что причиной страха ребенка часто бывает внезапный громкий звук. Ученый полагал, что ухо человека «является тем органом чувств, посредством которого нервная система возбуждается сильнее всего и глубже всего». Зрительные формы страха возникают позднее и зависят главным образом от перемены привычной для ребенка обстановки, появления нового лица, незнакомого явления природы и др. Что касается появления у ребенка страха перед животными, то точки зрения Дарвина и Селли были различными. Если Дарвин понимал природу детского страха перед животными как унаследованную от предков, закрепленную жизненными условиями, то Селли считал причиной возникновения данного чувства отражение ребенком «поведения суеверных взрослых» или чрезвычайное развитие детского воображения. Боязнь темноты также связана с детским воображением. Эта проблема затрагивалась в работах многих авто-

ров, в частности нашего соотечественника И.Сикорского, на которого Селли в своей работе ссылается. По мнению Селли, ощущение темноты тягостно само по себе, так как «темнота, скрывая видимый мир, вызывает в робком ребенке, который привык к своей обычной домашней обстановке, особое чувство чуждости и одиночества, удаленности от всего того, что он знает и любит». Селли подробно остановился на механизме возникновения фантастических образов в темной комнате. Он объяснил его изменениями в функционировании сетчатки глаза, которые в свою очередь приводят к разнообразию оттенков темного поля зрения, что и создает эффект сочетания грубых темных неясных очертаний с более светлыми. Ученый рекомендовал родителям «побуждать детей исследовать темные комнаты и ощупывать, не видя, различные предметы; таким образом они могут освоиться с тем фактом, что вещи остаются неизменными даже тогда, когда они окутаны темнотой, и что темнота есть лишь наша временная неспособность видеть предметы». Среди важных условий, способствующих преодолению детского страха, Селли называл спокойную обстановку в семье. По его убеждению, у ребенка, растущего в атмосфере родительской любви, не возникает подобного чувства. Хорошим терапевтическим средством для преодоления страха он считал игру.

Селли интересовал и вопрос о причинах детской лжи, но сначала он предлагал уточнить содержание самого понятия «ложь». Он дал следующее определение: «Под ложью понимается утверждение, высказанное с полным сознанием его неправильности и с целью ввести кого-нибудь в заблуждение». (Если бы наш современник Пол Экман, посвятивший психологии лжи, в частности детской, несколько книг, удосужился сначала прочитать Селли, то многое, вероятно, написал бы по-другому, а то и вовсе не стал бы писать за ненадобностью.) Селли исследовал некоторые формы детской лживости, которые не считал возможным строго квалифицировать как ложь. В основе неверного утверждения ребенка может лежать живая фантазия или сильное желание нравиться. Характер и причины детской лжи могут быть полностью раскрыты только при учете тех чувств, которые ребенок испытывает после сказанной им неправды. По мнению Селли, ложь едва ли является органично присущей человеческим существам. Ребенок, выросший в обществе, где взрослые говорят правду, не склонен лгать сам, причем независимо от нравственных наставлений. Только где его найти, такое общество?

Круг научных интересов Селли был удивительно широк и разнообразен: от проблем педагогической психологии до вопросов, касавшихся эстетики. Последним научным трудом Селли было его исследование по проблемам смеха – «Очерк о смехе» (1902).

В 1903 г. в возрасте 60 лет Селли ушел из университетского колледжа. За последние двадцать лет жизни он написал только автобиографию – интереснейший источник по истории психологии, ныне мало кому известный ввиду слабого интереса нынешних психологов к самому этому предмету. Ухудшавшееся состояние здоровья не позволяло Селли принимать активное участие в общественной жизни, в работе психологической лаборатории университетского колледжа в Лондоне, организатором которой он был.

Умер Джеймс Селли в 1923 г. возрасте 80 лет. С той поры его труды, которыми когда-то зачитывались в Англии, Америке, Франции, Германии, России, больше не переиздавались и мало кем перечитывались. А наверное напрасно...

Г.С. Холл (1844–1924)

По признанию коллег, на заре становления психологической науки Стэнли Холл выступил покровителем и наставником для большего числа исследователей, чем любые три его самые выдающиеся современника вместе взятые. Новаторские начинания Холла во многом определили облик психологии XX века. Современные психологи хорошо знают его имя, однако упоминают его нечасто. Выступив пионером во многих областях, никакой собственной оригинальной теории он не создал, не основал научной школы, его труды в основном принадлежат истории и едва ли могут служить источником вдохновения для современных исследователей. Кем же был этот выдающийся американец, каков его подлинный вклад в науку?

Гренвилл Стэнли Холл (подобно многим другим сложным английским именам, имя Холла в обиходе употребляется в сокращенной форме, и многим он известен как Стэнли Холл) родился в феврале 1844 г. в небольшом городке Ашфилд, штат Массачусеттс, в семье небогатого фермера. Для своего круга его родители были весьма просвещенными людьми, и в то же время – весьма религиозными. В их мечтах будущее сына было связано с духовным саном. С малых лет мальчик воспитывался в атмосфере пуританской морали, наравне со взрослыми трудился на ферме. Его отличали высокое честолюбие и целеустремленность, еще подростком он дал себе зарок «достичь чего-нибудь в жизни», хотя еще смутно представлял перспективы своей карьеры. К его негативному юношескому опыту можно, пожалуй, отнести лишь эпизод, относящийся к началу гражданской войны. Не желая рисковать жизнью сына, Холл-старший решил поступиться нравственными принципами и за взятку добыл медицинское заключение о его негодности к воинской службе. (Как видим, от армии

«косили» и полтора века назад.) Узнав об этом, юноша испытал острый стыд. Впрочем, в его оправдание можно было бы сказать, что в университетских лабораториях он сумел принести больше пользы, чем если бы сумел заколоть пару соотечественников под Геттисбергом.

В 1863 г., следуя пожеланиям родителей, Холл поступил в колледж Уильямса, намереваясь посвятить себя духовной карьере. Учился он хорошо и к последнему курсу сумел собрать множество студенческих регалий. Не слишком увлекаясь богословием, он проявил повышенный интерес к философии, внимательно изучил эволюционную теорию, что впоследствии заметно повлияло на выбор его пути в науке. Однако процесс самоопределения был долгим и непростым. По окончании колледжа Холл все еще плохо представлял, чему он намерен себя посвятить. Скорее по инерции он поступил в Нью-Йоркскую семинарию, хотя пастырское поприще привлекало его все меньше. Прилежного семинариста из него не получилось, да и интерес к философии и биологии этому отнюдь не способствовал. Рассказывают, что, когда по завершении своей пробной проповеди Холл отправился к своему духовному наставнику выслушать его оценку, тот, не говоря ни слова, опустил на колени и принялся молиться за спасение заблудшей души горе-проповедника.

Несмотря на столь сомнительные успехи, Холл получил протекцию со стороны известного проповедника Генри Бичера, который порекомендовал ему продолжить образование в Европе и добился выделения на эти цели стипендии в 500 долларов. Располагая столь крупной по тем временам суммой, Холл отправился в Германию, где поступил в Боннский университет, а затем перебрался в Берлин. Помимо философии и теологии, он по собственной инициативе принялся изучать физику и физиологию, некоторое время работал под руководством известного физиолога Дюбуа-Реймона. В эту пору Холл пережил несколько ярких романтических увлечений, что не очень способствовало усердной учебе. К тому же стипендия, поначалу казавшаяся огромной, быстро таяла, тем более что ее изрядная часть утекала сквозь пальцы в берлинских пивных. Понимая, что это не делает чести студенту-теологу, Холл некоторое время терзался угрызениями совести, пока однажды нос к носу не столкнулся в питейном заведении с одним из своих преподавателей, профессором богословия.

В 1871 г. в возрасте 27 лет Холл возвратился домой, так и не получив диплома и весь в долгах. В духовный сан он так и не был посвящен и окончательно отказался от этой стези после не слишком удачной попытки стать проповедником в сельском приходе. Больше года он жил частными уроками, а затем получил место преподавателя в Антиохском колледже в штате Огайо. Здесь он преподавал литературу, иностранные языки, выполнял обязанности библиотекаря и даже руководил местным хором. Его честолобивые юношеские устремления постепенно таяли.

В 1874 г. Холл познакомился с «Основами физиологической психологии» В.Вундта, и это стало поворотным пунктом в его карьере. Он перебрался в Кембридж, штат Массачусеттс, и устроился преподавателем английского языка в Гарвардский университет. Параллельно он с усердием принялся за продолжение своего собственного образования, близко сошелся с Уильямом Джемсом. В 1878 г. он представил к защите диссертацию, посвященную тактильному восприятию пространства. Успешно ее защитив, Холл первым в Соединенных Штатах получил докторскую степень в области психологии.

Затем последовала новая поездка в Европу, на сей раз – в лабораторию Вундта. Холл прилежно посещал все лекции, безропотно соглашался на роль испытуемого в экспериментах, пытался проводить собственные исследования. Впоследствии он, однако, отмечал, что эти занятия не оправдали его ожиданий. Обозревая собственные научные достижения Холла, действительно, следует признать, что Вундт на него особого влияния не оказал.

На родине перспективы профессиональной карьеры были весьма туманны. Психологов в Америке были единицы, и никто толком не представлял, какая от них может быть польза. Холл понял, что у него не будет иного способа удовлетворить свое честолобие, чем

применить психологические знания в педагогике. Лейтмотивом его доклада на собрании Национальной педагогической ассоциации в 1882 г. была идея о необходимости сделать изучение психологии ребенка приоритетным в деятельности учителя. Эту мысль он не устал повторять при каждой возможности, и в конце концов она нашла отклик. Ректор Гарвардского университета предложил Холлу подготовить серию лекций по вопросам образования. На эти выступления поступило множество положительных отзывов, и на карьере Холла это сказалось очень благоприятно. Он был приглашен работать в Университет Дж. Хопкинса, где вскоре получил должность профессора. Здесь он приступил к созданию научной психологической лаборатории, которая считается первой в Соединенных Штатах. Впрочем тут приоритет Холла многие оспаривают. Еще раньше психологическая лаборатория была основана Уильямом Джемсом, однако она предназначалась в основном для демонстрации опытов, то есть была не научной, а учебной. Существенно и то, что университет никогда не причислял лабораторию Холла к числу своих подразделений: она была оборудована им за свой счет, принадлежала ему на правах частной собственности, и, покидая Университет Дж. Хопкинса в 1888 г., Холл все оборудование забрал с собой. (В годы работы лаборатории в ней прошли подготовку многие впоследствии известные специалисты, в частности Джон Дьюи и Джеймс Маккин Кеттелл).

В 1887 г. Холл основал «Американский журнал психологии» – первый в США специализированный журнал в данной области, который существует по сей день и сохраняет высокую репутацию. Журнал выполнял важную функцию консолидации усилий немногочисленных в ту пору американских психологов. Он был основан, благодаря пожертвованию некоего анонимного мецената. Правда, вскоре выяснилось, что жертвователю перепутал экспериментальную психологию с оккультизмом (удивительно живучее заблуждение!), и новых взносов на продолжение проекта не последовало. К тому времени, когда Холл продал это предприятие Карлу Далленбаху в 1929 г., он вложил в него 8000 долларов личных средств, не получив ни гроша прибыли. Тем не менее, несмотря на первоначальную финансовую несостоятельность этих проектов, Холл еще неоднократно выступал основателем психологических журналов. Им был основан также «Педагогический семинар», который, сменив название на «Журнал генетической психологии», существует по сей день, а также «Журнал прикладной психологии». С 1904 по 1915 г. Холл издавал «Журнал религиозной психологии».

В конце восьмидесятых в карьере Холла, да и в истории всей американской науки, произошел знаменательный поворот. Богатый предприниматель Джонас Гилман Кларк задумал основать в своем родном городке Вустер, штат Массачусеттс, высшее учебное заведение, которое, по его честолюбивым замыслам, затмило бы все существовавшие ранее американские университеты. Стэнли Холл, который уже успел приобрести репутацию серьезного специалиста в области образования, был приглашен возглавить новый университет в должности его президента. Прежде чем занять этот пост, он предпринял длительное турне за границу, чтобы изучить деятельность европейских высших учебных заведений и пригласить во вверенный ему университет талантливых преподавателей и исследователей. Биографы Холла иронично отмечают, что помимо решения этой практической задачи он не упустил возможности использовать средства мецената на расширение собственной эрудиции за счет всевозможных экскурсий, а также не отказывал себе в развлечениях, в том числе и далеко выходящих за рамки пуританской морали той поры.

По возвращении на родину Холл с энтузиазмом принялся за организационную работу в университете, который официально открылся в 1888 г. и был назван по имени спонсора Университетом Кларка. Правда, и тут не обошлось без финансовых проблем: вопреки ожиданиям Холла мистер Кларк оказался довольно прижимист и разборчив в выборе проектов, достойных финансирования. Будучи человеком набожным, Кларк желал придать некоторый религиозный оттенок своему меценатству. Идя ему навстречу, Холл основал в рамках уни-

верситета Школу религиозной психологии Кларка. Под влиянием своих юношеских штудий он и сам написал обстоятельный труд «Иисус Христос в свете психологии». Однако выдающийся психолог богословом, вероятно, был действительно никудышним. Его трактовка Христа как своего рода сверхчеловека встретила крайнее неодобрение церковных авторитетов.

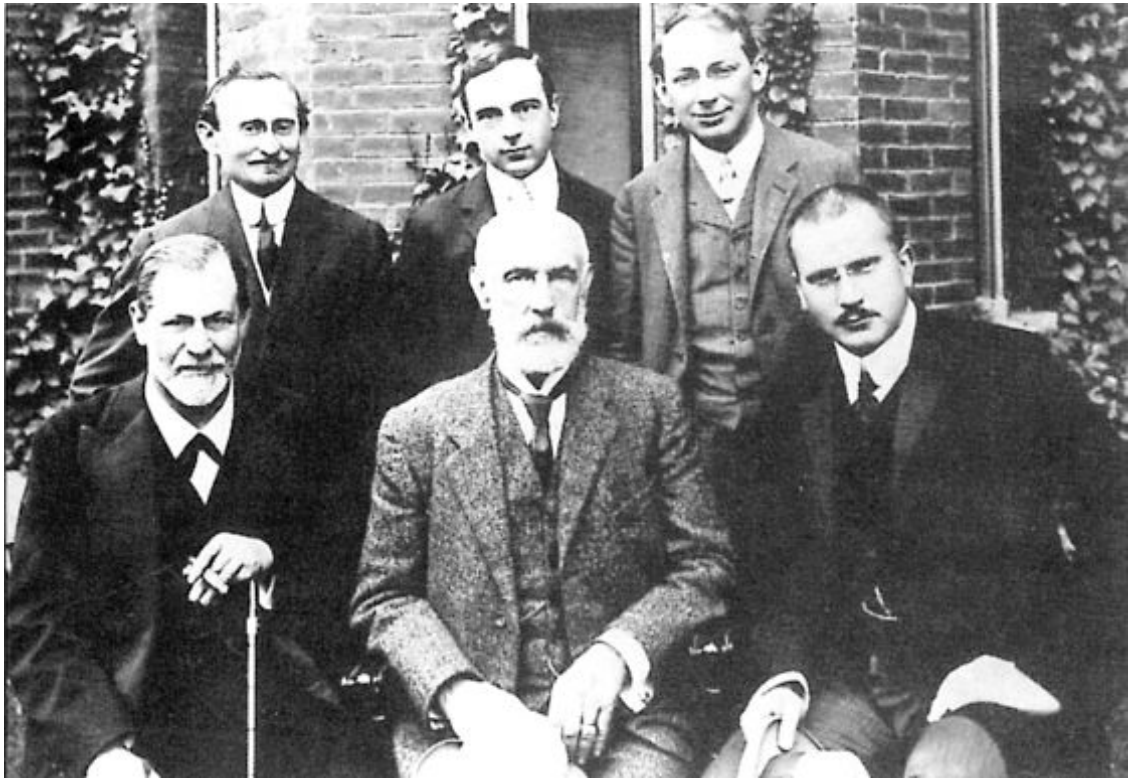
Как президент университета Холл стоял на весьма прогрессивных для своего времени позициях. Вопреки бытовавшим предрассудкам он позволял занимать преподавательские должности женщинам и евреям, широко открыл двери университета для представителей национальных меньшинств. Первым чернокожим американцем, получившим докторскую степень по психологии, был его ученик Френсис Самнер. Впоследствии он сделал блестящую карьеру и возглавил отделение психологии в Гарварде.

В течение 36 лет, когда Холл возглавлял университет Кларка, психология в нем процветала. За это время там защитили диссертации более восьмидесяти молодых ученых-психологов. Впоследствии ученики Холла вспоминали долгие оживленные семинары, которые он вечерами проводил у себя дома по понедельникам. Эти занятия затягивались допоздна, порой проходили очень бурно, и, чтобы остудить страсти, всякий раз завершались совместным поеданием мороженого.

Научный авторитет Холла был очень высок, его мнением ученики очень дорожили. Льюис Термен вспоминал: «Холл при проверке работ проявлял столько эрудиции, что нас всегда это поражало. Его экспромты на полях были неизмеримо глубже самой работы, на которую студент затратил месяцы тяжкого труда».

В 1892 г. Холл выступил инициатором встречи двадцати шести ведущих психологов Америки (на ней, правда, отсутствовали Джемс и Дьюи), на которой было принято решение об основании Американской Психологической Ассоциации. Первым президентом Ассоциации присутствовавшие без колебаний избрали Холла.

Одним из первых в Новом Свете Холл проявил интерес к психоанализу. В 1909 г. он пригласил З.Фрейда и К.Г. Юнга на торжества по случаю двадцатилетнего юбилея университета. Выступая перед собравшейся в Вустере аудиторией Фрейд выразил искреннюю признательность за это «первое официальное признание» его трудов. Так началась экспансия психоанализа в западном полушарии, последствия которой в ту пору даже невозможно было вообразить.

Холл (сидит в центре) с гостями юбилейных торжеств в Университете Кларка (1909). Сидят – З.Фрейд (слева) и К.Г. Юнг (справа); стоят (слева направо) – А. Брилл, Э.Д-жонс, Ш. Ференци

Что же касается собственных научных изысканий Холла, то они относились преимущественно к области детской и педагогической психологии. Для исследования детской психики им широко использовались опросники, которых им совместно с учениками было составлено около двух сотен. (На этом основании его иногда называют пионером данного метода, что не совсем точно, поскольку опросники еще до Холла использовались Ф.Гальтоном.) Дети, отвечая на вопросы, должны были сообщать о своих чувствах (в частности, моральных и религиозных), об отношении к другим людям, о ранних воспоминаниях и т. п. На основе полученных материалов Холл написал ряд работ, среди которых наиболее известен капитальный (около полутора тысяч страниц) труд «Юность» – первая в истории психологии монография, посвященная психическому развитию в подростковом и раннем юношеском возрасте. Эта работа встретила критику, так как строилась на признании полной достоверности высказываний детей о самих себе. Такая критика, в частности, в дальнейшем стимулировала усовершенствование метода опросников, поскольку показала низкую достоверность ответов на «лобовые» вопросы, а также недопустимость буквальной интерпретации каждого ответа. И сегодня, по прошествии века, дилетанты продолжают штамповать по рецептам Холла всевозможные «психотесты» для бульварных газет. Настоящие опросники конструируются уже иначе, во многом благодаря учету негативного опыта Холла.

«Юность» подверглась критике также в связи с тем, что в ней впервые было уделено пристальное внимание вопросам пола. Э.Торндайк писал, что в этой книге «действия и чувства, вытекающие из особенностей пола, как нормальные, так и болезненные, обсуждаются так, как никогда ранее в англоязычной литературе». В то время многих это шокировало, в том числе и психологов. Например, Энджел писал Титченеру: «Что может вытащить Холла из этой треклятой сексуальной колеи? Я всерьез полагаю, что уделять так много внимания этой теме дурно в моральном плане и просто неумно.» Публичные лекции Холла по половым

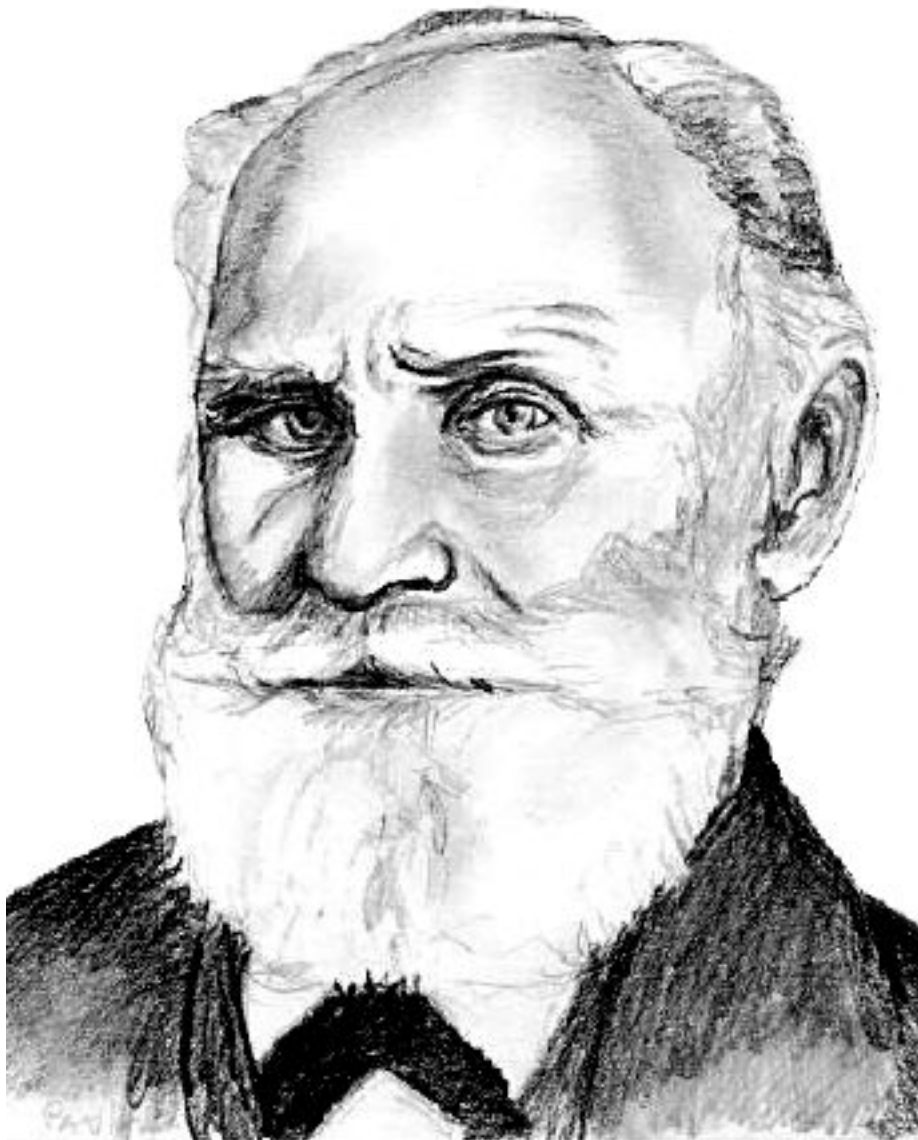
вопросам вызвали бешеный ажиотаж, аудитории были переполнены. (Женщины на лекции не допускались, зато постоянно подслушивали под дверью.) Не желая провоцировать скандал, а может быть – просто постепенно охладев к этой теме, Холл со временем ее оставил.

В объяснении психического развития ребенка Холл опирался на биогенетический закон, на основе которого в детскую и педагогическую психологию вводился принцип recapitulation (сокращенного повторения в индивидуальном развитии основных этапов развития человеческого рода). Формирование детской психики трактовалось им как фатальный переход от низших стадий развития человеческого рода к высшим. Например, характер детских игр объяснялся как проявление и «изживание» охотничьих инстинктов первобытных людей, а игры подростков считались воспроизведением образа жизни воинственных племен. Из этого следовали выводы о том, что детям следует предоставить возможность беспрепятственно проходить «примитивные» стадии своего развития.

Холл по праву считается пионером возрастной психологии. Уже на склоне лет, во многом под влиянием собственного опыта, он написал фундаментальный труд «Старость», явившейся первой психологической работой по проблемам старения. В последние годы жизни Холл написал две автобиографии – «Воспоминания психолога» (1920) и «Исповедь психолога» (1923) – во многом субъективные в оценках, но представляющие бесценный материал по истории становления психологической науки.

Холл продолжал активно писать и после своей отставки с поста президента университета Кларка в 1920 г. Он умер четырьмя годами позже, через несколько месяцев после того, как вторично был избран президентом Американской Психологической Ассоциации. После смерти Холла 99 из 120 членов АПА назвали его в числе десяти психологов общемирового значения, отмечая его талант педагога, усилия по организации науки, его вызов ортодоксальности. Многие, правда, невысоко отзывались о его личных качествах. Да и сам Холл в одной из автобиографий признавал, что вся его жизнь – это сплошная череда причуд, ошибок, грехов и безумств. Впрочем, мелкие житейские грешки забываются, ошибки исправляются (в науке в этом, наверное, и состоит в прогрессе), а плоды усердного вдохновенного труда остаются надолго.

И.П. Павлов (1849–1936)

Иван Петрович Павлов был первым русским ученым, удостоенным Нобелевской премии. Сегодня его имя и основные положения его теории знакомы любому психологу, даже американскому (хотя этим знакомство с российской психологией в западном полушарии обычно и исчерпывается). Павлов оказал исключительное влияние на мировую науку и как почти всякий ученый такого масштаба заслужил крайне противоречивые оценки. Для одних он выступает выдающимся экспериментатором и теоретиком, который утвердил естественнонаучный подход в психологии и на долгие годы определил магистральное направление психологической мысли. Иные, напротив, воспринимают его как вульгарного материалиста, чьи изыскания фактически выхолостили психологию и сильно исказили и затруднили ее развитие. Впрочем, полярные оценки всегда далеки от истины. А кем же на самом деле был первый российский нобелевский лауреат, какова его роль в отечественной и мировой психологии? За 63 года, прошедшие после смерти Павлова, было опубликовано много научно-биографических работ, посвященных его творческому пути. Почти во всех этих трудах Павлов

предстает преимущественно как физиолог (каковым он и сам себя считал). Мы же попробуем взглянуть на его научную биографию с позиций психологов, поскольку именно в психологию он фактически и внес наиболее значительный вклад.

Иван Петрович Павлов родился 26 сентября 1849 г. в Рязани. Его мать, Варвара Ивановна, происходила из семьи священника; отец, Петр Дмитриевич, был священником, служившим поначалу в бедном приходе, но благодаря своему пастырскому рвению со временем ставшим настоятелем одного из лучших храмов Рязани. С раннего детства Павлов перенял у отца упорство в достижении цели и постоянное стремление к самосовершенствованию. В возрасте семи лет он перенес тяжелую травму головы, из-за чего школьное обучение было отложено на несколько лет. Обучением сына занялся сам Петр Дмитриевич. Своего первенца (всего в семье было одиннадцать детей) отец желал видеть священнослужителем, и не обычным – «из семинаристов», а ученым богословом «из академиков». Следуя родительской воле, Павлов начал посещать начальный курс духовной семинарии, а в 1860 г. поступил в рязанское духовное училище. Программа подготовки священнослужителей включала довольно широкий круг дисциплин, в том числе и естественные науки. Именно к этой сфере Павлов почувствовал наибольшую склонность, постепенно охладевая к духовной карьере.

Увлечение физиологией возникло у Павлова после того, как он прочитал русский перевод книги английского критика Джорджа Льюиса «Физиология обыденной жизни». Его увлечение окрепло после прочтения популярных работ Д.И. Писарева, которые подвели его к изучению теории Ч.Дарвина.

Не закончив духовного образования, Павлов в 1870 г. уехал в Петербург, где поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Его интерес к физиологии возрос после прочтения книги И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга». Изучением этой науки он занялся в лаборатории И.Циона, который занимался исследованием влияния нервов на деятельность внутренних органов. Именно по предложению Циона Павлов провел свое первое научное исследование – изучение секреторной иннервации поджелудочной железы; за эту работу он был удостоен золотой медали университета.

После получения в 1875 г. степени кандидата естественных наук Павлов поступил на третий курс Медико-хирургической академии в Петербурге (преобразованной впоследствии в Военно-медицинскую). Здесь он надеялся стать ассистентом Циона, который незадолго до этого был назначен ординарным профессором кафедры физиологии. Однако это назначение вскоре было отменено, ибо противоречило государственному установлению, согласно которому к подобным должностям не допускались лица еврейского происхождения. Оскорбленный Цион покинул Россию. Это событие навсегда сохранилось в памяти Павлова, и впоследствии он буквально приходил в бешенство при малейшем намеке на антисемитизм. Отказавшись работать с преемником Циона, Павлов стал ассистентом в Ветеринарном институте, где в течение двух лет изучал пищеварение и кровообращение. Летом 1877 г. он работал в городе Бреслау, в Германии (ныне Вроцлав, Польша) с Рудольфом Гейденгайном, специалистом в области пищеварения. Гейденгайн занимался изучением пищеварения у собак, используя выведенные наружу части желудка. Павлов усовершенствовал эту методику, решив проблему сохранения нервного управления выведенной частью желудка. В следующем году по приглашению С.П. Боткина Павлов начал работать в физиологической лаборатории при его клинике в Бреслау, еще не имея медицинской степени, которую он получил в 1879 г. В лаборатории Боткина Павлов фактически руководил всеми фармакологическими и физиологическими исследованиями.

После длительной борьбы с администрацией Военно-медицинской академии (отношения с которой стали натянутыми после его реакции на увольнение Циона) Павлов в 1883 г. защитил диссертацию на соискание степени доктора медицины, посвященную описанию

нервов, контролирующих функции сердца. Он был назначен приват-доцентом в академию, но вынужден был отказаться от этого назначения в связи с дополнительной работой в Лейпциге с Гейденгайном и Карлом Людвигом, двумя наиболее выдающимися физиологами того времени. Через два года Павлов вернулся в Россию.

Многие исследования Павлова в 1880-х годах касались системы кровообращения. Наибольшего расцвета творчество Павлова достигло к 1879 г., когда он вплотную занялся исследованиями физиологии пищеварения, которые продолжались свыше 20 лет. В своей книге «Лекции о работе главных пищеварительных желез» Павлов рассказал о своих опытах и наблюдениях, о приемах работы. За этот труд он и получил в 1904 г. Нобелевскую премию.

Будучи от рождения левшой, как и его отец, Павлов постоянно тренировал правую руку и в результате настолько хорошо владел обеими руками, что, по воспоминаниям коллег, ассистировать ему во время операций было очень трудной задачей: никогда не было известно, какой рукой он будет действовать в следующий момент.

Преданность Павлова экспериментальной науке была всецелой. Его совершенно не интересовали бытовые условия жизни. В 1881 г. он женился, и его жене, Серафиме Васильевне, пришлось полностью взять на себя решение всех текущих проблем. Таково было взаимное соглашение, заключенное в самом начале супружества. Со своей стороны Павлов обязался никогда не пить, не играть в карты и ходить в гости или принимать гостей только в выходные дни. Его бескорыстная одержимость работой доходила до такой степени, что жене иной раз приходилось напоминать ему о получении жалования. Впрочем, жалование ученых в нашем отечестве никогда не было высоким. Долгие годы семья Павловых жила крайне стесненно. В 1884 году, когда Павлов работал над докторской диссертацией, родился первый ребенок. Хрупкий и болезненный младенец не сможет выжить, говорили врачи, если мать и ребенок не смогут отдохнуть за городом, в благоприятных условиях. Деньги на поездку пришлось занимать, однако было уже поздно: ребенок умер. Некоторое время Павлов вынужден был ночевать на койке в своей лаборатории, а жена и второй ребенок жили у родственников, ибо собственное жилье было не по карману. Группа студентов Павлова, зная о его финансовых затруднениях, передала ему деньги под предлогом покрытия расходов на демонстрации опытов. Из этой суммы ученый не взял себе ни копейки, все потратил на своих лабораторных собак.

На протяжении всей своей научной деятельности Павлов сохранял интерес к влиянию нервной системы на функционирование внутренних органов. В начале XX в. его эксперименты, касающиеся пищеварительной системы, привели к изучению условных рефлексов. Открытие условных рефлексов, как и многие другие выдающиеся научные достижения, произошло, по мнению многих ученых, совершенно случайно, когда Павлов, исследуя работу пищеварительных желез, – для того, чтобы получить возможность собирать желудочный сок вне организма собаки, – воспользовался методом хирургического вмешательства. Павлов и его коллеги обнаружили, что если пища попадает в рот собаки, то начинает рефлекторно вырабатываться слюна. Когда собака просто видит пищу, то также автоматически начинается слюноотделение, но в этом случае рефлекс значительно менее постоянен и зависит от дополнительных факторов, таких, как голод или переедание. Суммируя различия между рефлексами, Павлов заметил, что «новый рефлекс постоянно изменяется и поэтому является условным». Таким образом, один только вид и запах пищи действует как сигнал для образования слюны. «Любое явление во внешнем мире может быть превращено во временный сигнал объекта, стимулирующего слюнные железы, – писал Павлов, – если стимуляция этим объектом слизистой оболочки ротовой полости будет связана повторно... с воздействием определенного внешнего явления на другие чувствительные поверхности тела».

Пораженный ролью условных рефлексов в поведении, Павлов после 1902 г. сконцентрировал все свои научные интересы на изучении высшей нервной деятельности. Тут необ-

ходимо отметить, что хотя исследования рефлекторной природы поведения по сути были психологическими, Павлов намеренно не вторгался в область психологии, постоянно подчеркивая их физиологический характер (своих сотрудников он даже штрафовал за использование психологической терминологии). В своих выступлениях он не раз склонял «несостоятельные психологические претензии». Он был знаком со структурной и функциональной психологией, но соглашался с Джемсом в том, что психология еще не достигла уровня подлинной науки. Собственный подход он считал конструктивной альтернативой психологическим рассуждениям. В своей известной речи, произнесенной в Мадриде, он указывал: «Полученные объективные данные, руководясь подобием или тождеством внешних проявлений, наука перенесет рано или поздно и на наш субъективный мир и тем сразу и ярко осветит нашу столь таинственную природу, уяснит механизм и жизненный смысл того, что занимает человека все более, – его сознание, муки его сознания». В дальнейшем Павлов не раз подчеркивал социальную значимость исследования условных рефлексов, направленного на разработку точной науки о человеке, которая «выведет его из теперешнего мрака и очистит его от теперешнего позора в сфере межлюдских отношений».

По иронии судьбы самое сильное влияние идеи Павлова оказали именно на психологию – то есть ту область, к которой он не особенно благоволил. Уже первые сведения о нем, дошедшие до западных психологов, получили широкий резонанс. На VI Международном психологическом конгрессе в Женеве (1909) прозвучало имя Павлова. Оно упоминалось неоднократно, однако не русскими участниками конгресса (они составляли небольшую группу во главе с Г.И. Челпановым), а американскими исследователями Р.Йерксом, М.Прайнсом, Ж.Лебом. Открытие условного рефлекса американские психологи восприняли как революцию с изучении поведения. В докладе Р.Йеркса «Научный метод в психологии животных» высказывалась уверенность, что новые научные устремления, среди выразителей которых первым назывался Павлов, позволят дать объективный анализ восприятию животных, их памяти, привычек и т. д. Заметим, что в этом же году Йеркс опубликовал на английском языке сводку работ павловской лаборатории, впервые познакомившую западного читателя с учением об условных рефлексах; это сыграло важную роль в разработке объективных методов в американской психологии. Методы Павлова предоставили психологической науке базовый элемент поведения, конкретную рабочую единицу, к которой могло быть сведено сложное человеческое поведение для его изучения в лабораторных условиях. Дж. Уотсон ухватился за эту рабочую единицу и сделал ее ядром своей исследовательской программы. Павлов был удовлетворен работами Уотсона, заметив, что развитие бихевиоризма в Соединенных Штатах является подтверждением его идей и методов. Не будет преувеличением сказать, что все поведенческое направление в психологии выросло из павловской рефлекторной теории. На протяжении десятилетий и западная, и отечественная психология развивалась именно в этом ключе. Ограниченность такого подхода выступила лишь по прошествии длительного времени, и было бы необоснованно с сегодняшних позиций упрекать в ней именно Павлова.

В советской науке условнорефлекторная теория была поднята на щит, поскольку в полной мере отвечала насущному социальному запросу. Принципы формирования «нового человека» как нельзя лучше выводились из приемов натаскивания павловских собак. Правда, сам ученый к большевистскому социальному экспериментированию относился резко критически, открыто заявляя, что для таких опытов он пожалел бы даже собаки. Как писал позднее академик Петр Капица, Павлов «без стеснения, в самых резких выражениях критиковал и даже ругал руководство, крестился у каждой церкви, носил царские ордена, на которые до революции не обращал внимания».

Сам Павлов писал: «В первые годы революции многие из почтенных профессоров лицемерно клялись в преданности и верности большевистскому режиму. Мне было тошно

это видеть и слышать, так как я не верил в их искренность. Я тогда написал Ленину: «Я не социалист и не верю в Ваш опасный социальный эксперимент».

Ответ главы Совнаркома был неожиданным: он распорядился обеспечить Павлову все условия для научной работы, организовать (в голодном Петрограде!) питание подопытных собак. Совнарком принял по этому поводу особое постановление. (Рассказывают, что академик Алексей Крылов, встретив как-то Павлова на улице, с горькой иронией попросил взять его к себе в собаки.)

Академик Павлов считал своим долгом заступаться за несправедливо арестованных или осужденных людей. Иногда его заступничество спасало людям жизнь.

Резко критические обращения академика Павлова к властям представляют собой одни из самых замечательных документов эпохи. 21 декабря 1934 г., через 3 недели после убийства Кирова и начала новой волны репрессий, 85-летний ученый направляет в правительство обращение, в котором пишет: «Революция застала меня почти в 70 лет. А в меня засело как-то твердое убеждение, что срок дельной человеческой жизни именно 70 лет. И поэтому я смело и открыто критиковал революцию. Я говорил себе: «Черт с ними! Пусть расстреляют. Все равно жизнь кончена, а я сделаю то, что требовало от меня мое достоинство». На меня поэтому не действовало ни приглашение в старую Чеку, правда, кончившееся ничем, ни угрозы при Зиновьеве в здешней «Правде»...

Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия. Я всего более вижу сходство нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий. А у нас это называется республиками. Как это понимать? Пусть, может быть, это временно. Но надо помнить, что человеку, происшедшему из зверя, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человечно. И с другой стороны. Тем, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного достоинства. Не один же я так чувствую и думаю? Пощадите же родину и нас».

Когда 27 февраля 1936 г. ученого не стало, профессор медицины Дмитрий Плетнев (позднее оклеветанный и расстрелянный) дал в некрологе совсем неожиданную для той эпохи характеристику Ивана Петровича Павлова: «Он никогда, никогда, ни в молодости, ни в старости не лицемерил, не приспособлялся. Он глубоко презирал людей, которых историк эпохи Смутного времени охарактеризовал словами: «Телом и духом перегибательные».

В одной из биографических статей о Павлове можно найти довольно типичное для советской науки высказывание: «Учение И.П. Павлова до конца раскрыло тайну сказочной «души». Вот только вряд ли в это верил сам академик. По крайней мере, похоронить себя он завещал с полным соблюдением православного обряда.

Честный и здравомыслящий человек, Павлов много сделал для объяснения механизмов поведения, но никогда не претендовал на исчерпывающее толкование всей душевной жизни. Зато в этом преуспели его рьяные «последователи», попытавшиеся довести павловскую теорию до абсурдной крайности. В 1950 г. состоялась научная сессия АН и АМН СССР, посвященная учению Павлова (в дальнейшем ей присвоили название «павловской»). На сессии были сделаны два главных доклада. С ними выступили академик К.М. Быков и профессор А.Г. Иванов-Смоленский. С этого момента они обрели статус верховных жрецов культа Павлова. Всем было ясно, чья могущественная рука подсадила их на трибуну сессии. Уже не было необходимости сообщать, что доклады одобрены ЦК ВКП(б). Это разумелось само собой – на основе учета опыта августовской сессии ВАСХНИЛ, где информация об одобрении ЦК была сообщена Т.Д. Лысенко уже после того, как некоторые выступавшие в прениях неосторожно взяли под сомнение непогрешимость принципов «мичуринской» био-

логии. Подобного на «павловской» сессии дожидаться не стали, и начались славословия в адрес главных докладчиков, «верных павловцев», наконец, якобы открывших всем глаза на это замечательное учение.

Сессия с самого начала приобрела антипсихологический характер. Идея, согласно которой психология должна быть заменена физиологией высшей нервной деятельности, а стало быть, ликвидирована, в это время не только носилась в воздухе, но уже и материализовалась. Так, например, ленинградский психофизиолог М.М. Кольцова заняла позицию, отвечавшую санкционированным свыше указаниям: «В своем выступлении на этой сессии профессор Теплов сказал, что, не принимая учения Павлова, психологи рискуют лишиться свою науку материалистического характера. Но имела ли она вообще такой характер? С нашей точки зрения, данные учения о высшей нервной деятельности игнорируются психологией не потому, что это учение является недостаточным, узким по сравнению с областью психологии и может объяснить лишь частные, наиболее элементарные вопросы психологии. Нет, это происходит потому, что физиология стоит на позициях диалектического материализма; психология же, несмотря на формальное признание этих позиций, по сути дела, отрывает психику от ее физиологического базиса и следовательно, не может руководствоваться принципом материалистического монизма».

Что означало в те времена отлучение науки от диалектического материализма? Тогда было всем ясно, какие могли быть после этого сделаны далеко идущие «оргвыводы». Впрочем, и сама Кольцова предложила сделать первый шаг в этом направлении: «Надо требовать с трибуны этой сессии, чтобы каждый работник народного просвещения был знаком с основами учения о высшей нервной деятельности, для чего надо ввести соответствующий курс в педагогических институтах и техникумах наряду, а может быть, *вместо курса психологии*».

Перед историками психологии не раз ставились вопросы, связанные с оценкой этого периода ее истории. Причины «павловской» сессии? Очевидно, проблему надо поставить в широкий исторический контекст. В конечном счете, это была одна из многих акций, которые развертывались в этот период, начиная с 30-х годов и почти до момента смерти Сталина, по отношению к очень многим наукам. Это касалось педологии и психотехники, еще раньше — философии. Такие кампании были и в литературоведении, языкознании, в политэкономии. Особо жесткий характер это приобрело в биологии. Таким образом определялась позиция каждой науки на путях ее бюрократизации и выделения группы неприкасаемых лидеров, с которыми всем и приходилось в дальнейшем иметь дело как с единственными представителями «истинной» науки. Происходила канонизация этих «корифеев», как был канонизирован «корифей из корифеев» Сталин. А так как они признавались единственными держателями «истины», то ее охрану обеспечивал хорошо налаженный командный, а в ряде случаев и репрессивный аппарат. Поэтому речь идет об общем процессе. Впрочем, иначе и быть не могло. Было бы, в самом деле, странно, если бы все это произошло именно и только с психологией.

Но неужели психологи не могли решительно протестовать против вульгаризаторского подхода к психологии, закрывавшего пути ее нормального развития и ставившего под сомнение само ее существование? Почему все на сессии клялись именами Сталина, Лысенко, Иванова-Смоленского, а не только именем Павлова?

Современникам просто невозможно представить себе грозную ситуацию тех лет. Любая попытка прямого протеста и несогласия с утвержденной идеологической линией сессии двух академий была чревата самыми серьезными последствиями, включая прямые репрессии. И все-таки поведение психологов на сессии нельзя считать капитулянтским. Их ссылки на имена тогдашних «корифеев» были не более как расхожими штампами, без которых не обходилась тогда ни одна книга или статья по философии, психологии, физиологии (иначе они просто не увидели бы света). Вместе с тем, если внимательно прочитать выступ-

ления психологов, их тактику можно не только понять, но и вполне оценить, разумеется, если не подходить к ней с позиций сегодняшнего дня.

Конечно, сейчас тяжело перечитывать самообвинения и «разбор» книг чужих и собственных со скрупулезным высчитыванием, сколько раз на их страницах упоминалось имя Павлова, а сколько раз оно отсутствовало. Нельзя отрицать, что психология фактически привязывалась к колеснице победителей – физиологии ВНД. Однако цель оправдывала средства. На сессии психология отстаивала свое право на существование, которое оказалось под смертельной угрозой. Во время одного из заседаний Иванов-Смоленский получил и под хохот зала зачитал записку, подписанную так: «Группа психологов, потерявших предмет своей науки». Но если бы такое было сказано в резолюции сессии, то это означало бы ликвидацию психологии как науки. Поэтому пафос выступлений психологов сводился к отстаиванию предмета своей науки. И признание «ошибок» лидерами психологической науки сегодня не должно вызывать никаких иных эмоций, кроме сочувствия и стыда за прошлое науки. Едва ли справедливо бросать камень в тех, кто перед лицом упразднения целой отрасли знания калялся «галилеевым покаянием».

Менее всего есть основания считать, что сложившаяся ситуация отвечала генеральной линии развития павловского учения и позициям самого Павлова. Надо иметь в виду, что сам Павлов, недолюбливавший психологов, тем не менее считал, что психология и физиология идут к одной цели разными путями. Примечательно, что он приветствовал открытие психологического института в Москве, а уже при советской власти приглашал его изгнанного директора, профессора Г.И. Челпанова на работу в свою лабораторию. Поэтому нельзя рассматривать «павловизацию» психологии со всеми ее драмами и курьезами (к примеру, попытки строить обучение школьников, ориентируясь на механизмы выработки условных рефлексов) как запоздалый результат каких-то волеизъявлений великого ученого. Надо сказать, что к концу жизни с ним вообще не очень-то считались. Он был нужен и полезен как икона и предпочтительнее мертвый, чем живой.

На протяжении долгого времени сохранялся миф о якобы благотворном влиянии «павловской» сессии на развитие психологической науки. Историю психологии, как и предполагал К.М. Быков, делили лишь на два периода: «допавловский» и «павловский». Лишь с конца 50-х годов крайности антипсихологизма «павловской» сессии стали постепенно преодолеваться. Хотя надо признать, что они не изжиты до сих пор. Так, единственный для многих источник научных представлений о душевной жизни – современный школьный учебник «Человек» – фактически всецело трактует психику как систему рефлексов. Однако современный этап развития отечественной психологии все же можно назвать скорее «послепавловским».

Так или иначе, сам академик Павлов был и остается великим ученым, разгадавшим многие тайны поведения. Не его вина, что его имя начертали на своих знаменах научные погромщики. Павлов поистине выше упреков и не нуждается в защите и оправдании.

Г. Эббингауз (1850–1909)

24 января 1850 г. родился Герман Эббингауз – один из основателей экспериментальной психологии. В отличие от своего современника В. Вундта, изучавшего «первоэлементы» сознания и убежденного, что высшие психические функции невозможно экспериментально исследовать, Эббингауз предпринял смелую попытку изучать память с помощью строгих научных методов.

Выпускник Боннского университета, Эббингауз несколько лет провел в Англии и во Франции, зарабатывая на жизнь репетиторством. В лавочке парижского букиниста он случайно нашел книгу Т. Фехнера «Основы психофизики». Это событие не только круто изменило жизнь самого Эббингауза, но и существенно повлияло на судьбу всей психологической науки.

В книге Фехнера были сформулированы математические законы, касающиеся отношений между физическими стимулами и вызываемыми ими ощущениями. Воодушевленный идеей открытия точных закономерностей психических процессов, Эббингауз решил приступить к опытам над памятью. Он ставил их на самом себе и при этом руководствовался давней идеей о том, что люди запоминают, сохраняют в памяти и воспроизводят факты, между которыми сложились ассоциации. Но обычно эти факты подвергаются осмыслению, и поэтому трудно установить, возникла ли ассоциация благодаря памяти, или в дело вмешался ум. Эббингауз задался целью установить законы памяти «в чистом виде» и для этого изобрел особый материал. Единицами такого материала стали отдельные бессмысленные слоги, состоявшие из двух согласных и гласной между ними (наподобие «бов», «гис», «лоч» и т. п.). Предполагалось, что такие элементы не могут вызвать никаких ассоциаций, и их запоминание никак не опосредуется мыслительными процессами и эмоциями.

Недавние изыскания позволили уточнить особенности экспериментального материала Эббингауза. При тщательном изучении записок исследователя выяснилось, что в некоторых из придуманных им слогов было по четыре, пять и даже шесть букв. Но более важно другое. Помимо родного немецкого Эббингауз свободно владел английским и французским, неплохо знал греческий и латынь. При этом ему было крайне нелегко найти такие сочетания звуков, которые звучали бы для него абсолютно бессмысленно и не рождали бы никаких ассоциаций. Но на самом деле он к этому и не стремился. В неточном переводе его экспериментальный материал принято было называть «рядом бессмысленных слогов», тогда как на самом деле он имел в виду «бессмысленный ряд слогов». По Эббингаузу, лишёнными смысла должны быть не отдельные слоги (хотя и этого ему в большинстве случаев удалось добиться). Бессодержательным, не вызывающим никаких ассоциаций, должен быть весь набор в целом. По мнению некоторых исследователей, это ставит под сомнение чистоту экспериментов Эббингауза. Однако не подлежит сомнению, что для своего времени его опыты были поистине новаторскими. Э. Титченер оценил их как первый значительный шаг в этой области со времен Аристотеля.

Составив список бессмысленных звуко сочетаний (около 2300 слогов, выписанных на карточках), Эббингауз экспериментировал с ними на протяжении пяти лет. Основные итоги этого исследования он изложил в ставшей классической книге «О памяти» (1855). Прежде всего он выяснил зависимость числа повторений, необходимых для заучивания списка, от его длины, установив, что при одновременном прочтении запоминается, как правило, 7 слогов. При увеличении списка требовалось значительно большее число его повторений, чем

количество присоединенных к первоначальному списку слогов. Число повторений принималось за коэффициент запоминания.

Разработанный Эббингаузом метод сохранения заключался в том, что через определенный промежуток времени после того, как ряд был заучен, вновь предпринималась попытка его воспроизвести. Когда определенное количество слогов не могло быть восстановлено в памяти, ряд снова повторялся до его правильного воспроизведения. Число повторений (или время), которое потребовалось для восстановления знания полного ряда, сопоставлялось с числом повторений (или временем), затраченным при первоначальном заучивании.

Особую популярность приобрела вычерченная Эббингаузом кривая забывания. Быстро падая, эта кривая становится пологой. Оказалось, что наибольшая часть материала забывается в первые минуты после заучивания. Значительно меньше забывается в ближайшие последующие минуты и еще меньше – в ближайшие дни. Сравнивалось также заучивание осмысленных текстов и бессмысленных слогов. Эббингауз заучивал текст «Дон Жуана» Байрона и равный по объему список слогов. Осмысленный материал запоминался в 9 раз быстрее. Что же касается кривой забывания, то она в обоих случаях имела общую форму, хотя в первом случае (при осмысленном материале) падение кривой шло медленнее. Эббингауз подверг экспериментальному изучению и другие факторы, влияющие на память (например, сравнительную эффективность сплошного и распределенного во времени заучивания).

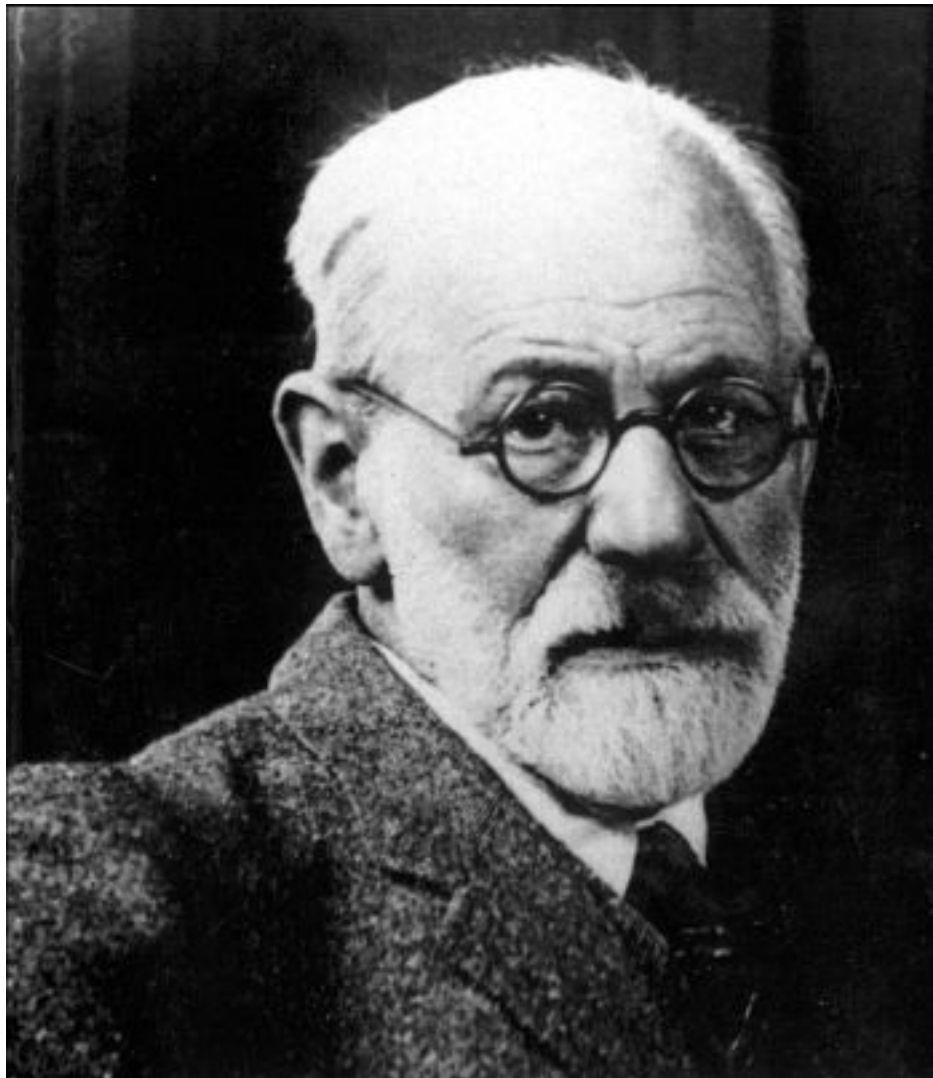
Эббингаузу принадлежит также ряд других работ и методик, поныне сохраняющих свое значение. В частности, им был создан носящий его имя тест на заполнение фразы пропущенным словом. Этот тест стал одним из первых в диагностике умственного развития и нашел широкое применение.

Хотя Эббингауз и не разработал специальной теории, его исследования стали ключевыми для экспериментальной психологии. Они на деле показали, что память можно изучать объективно, не прибегая к субъективному методу, выяснению того, что происходит в сознании испытуемого. Была также показана важность статистической обработки данных с целью установления закономерностей, которым подчинены, при всей их прихотливости, психические явления. Эббингауз разрушил стереотипы прежней экспериментальной психологии, созданной школой Вундта, где считалось, что эксперимент приложим только к процессам, вызываемым в сознании субъекта с помощью специальных приборов. Был открыт путь экспериментальному изучению, вслед за простейшими элементами сознания, сложных форм поведения – навыков. Кривая забывания приобрела значение образца для построения в дальнейшем графиков выработки навыков, решения проблем и др.

Эббингауз основал психологические лаборатории в университетах Берлина, Бреслау и Галле. В 1902 г. вышло имевшее огромный успех руководство «Основы психологии», которое автор посвятил памяти Фехнера. Основанный Эббингаузом «Журнал психологии и физиологии органов чувств» явился первой попыткой выйти за рамки «цеховых» изданий и представить результаты научных исследований широкой публике; тому способствовали высокие требования к ясности и доступности стиля публикаций.

Эббингауз не создал формальной психологической системы, не основал собственной научной школы. Да он едва ли и стремился к этому. Тем не менее ему удалось занять исключительное место в истории психологической науки. Настоящим мерилом ценности ученого является то, насколько его взгляды и выводы прошли проверку временем. А с этой точки зрения Эббингауз оказал на науку влияние даже более значительное, чем Вундт. Исследования Эббингауза привнесли объективность количественных и экспериментальных методов в изучение высших психических функций. Именно благодаря Эббингаузу работа в области изучения ассоциаций из теоретизирования об их свойствах превратилась в подлинно научное исследование. Многие из его заключений о природе обучения и памяти остаются справедливыми даже столетие спустя.

3. Фрейд (1856–1939)

Ежегодно в начале мая психоаналитическое сообщество более или менее пышно (в зависимости от округлости даты) отмечает день рождения того, кто на долгие годы обеспечил это сообщество смыслом существования и куском сдобного хлеба, – Зигмунда Фрейда, психиатра, который научил добрую половину человечества втайне стыдиться любви к родителям и находить сексуальный подтекст в банальных оговорках. В XX веке учение Фрейда превратилось в один из столпов западной культуры. Правда, далеко не все перед этим учением благоговеют. Кое-кто даже утверждает, что оно относится не столько к сфере науки, сколько мифологии, что свои суждения о природе человека Фрейд по большей части выдумал. Наверное, это преувеличение. Трудно согласиться с тем, что теория Фрейда универсальна, то есть справедлива для всех и каждого. Но не подлежит сомнению, что встречаются люди, вполне отвечающие фрейдистским представлениям. По крайней мере, имя одного такого человека известно совершенно точно. Это Зигмунд Фрейд. Свою теорию психосексуального развития личности он отнюдь не выдумал, а в полном смысле слова выстрадал. Наверное, погорячился лишь в том, что распространил ее и на нас с вами. И это вполне

соответствует открытому им феномену проекции: коли окружающие не лучше меня, а то и хуже, то мне – чего стыдиться?

Попробуем разобраться, так ли это. Ибо если справедливо, что индивидуальный жизненный опыт накладывает неизгладимый отпечаток на все мировоззрение человека, то понять это мировоззрение можно лишь с опорой на этот опыт. Что же пережил тот мальчик, который повзрослев сочинил на основе мифа об Эдипе миф об Эдиповом комплексе?

О детстве Фрейда достоверно известно немного – не больше, чем о детстве любого другого человека. Ведь это только если случится человеку стать знаменитым, сразу найдется толпа друзей дома и сотни три бывших одноклассников, которые насочиняют о его детстве ворох слащавых небылиц. Потом официальный биограф, отобранный по критерию безупречной лояльности, отфильтрует эти басни и отлакирует сухой остаток. Таким биографом после смерти Фрейда выступил один из его верных соратников Эрнст Джонс, с чьих слов в основном и известен жизненный путь основателя психоанализа. Однако при всем обилии фактов ценность такой парадной биографии невелика – слишком уж очевидно стремление автора приукрасить канонизированный образ. К тому же и сам мистер Джонс – слишком противоречивая, мягко скажем, фигура, чтобы с почтением относиться к его словам. Небезынтересный факт: Джонс, некоторое время работавший в детской больнице, был оттуда с позором уволен после многочисленных обвинений в сексуальных контактах с детьми; бежав от ареста в Канаду, он принялся практиковать там, но вскоре вынужден был откупаться от своей пациентки, дабы она не предавала огласке тот факт, что он ее совратил. Что ни говори, а доверия к его славословиям это не прибавляет – в трезвый взгляд и кристальную честность совратителя и педофила верится с трудом. Так что восстанавливая более или менее объективную картину ранних лет жизни Фрейда, приходится опираться на иные источники, в частности – обнародованные в самое недавнее время.

Затрудняет дело то, что сам человек о первых годах своей жизни не помнит почти ничего. Разумеется, отсутствует в памяти и сам акт появления на свет. (Попытки его «припомнить» под действием «кислоты» или надышавшись до асфиксии и помрачения рассудка ничего, кроме иронии, у здравомыслящего человека не вызывают.) «Детская амнезия», явление, до сих пор не получившее удовлетворительного объяснения, – это исчезновение воспоминаний практически обо всем, что происходило с человеком до 5–6 лет. Очень немногие взрослые могут вспомнить хотя бы столько моментов из раннего детства, сколько хватило бы на полчаса реальной жизни. Фрейда очень интересовала эта «странная загадка», и он пытался преодолеть собственную амнезию в надежде, что это поможет ему лучше разобраться в себе и вообще понять человеческую природу (в спорности вопроса – насколько второе выводимо из первого – он, похоже, не отдавал себе отчета). Самым многообещающим источником представлялись сны – если их должным образом истолковать. Сомнения в истинности фрейдистского толкования сновидений появились много позже – когда полученные «результаты» уже обрели характер догмы. Каковы же были те реальные факты, которые определили становление личности будущего ученого и его научного мировоззрения?

Зигмунд Фрейд родился 6 мая 1856 года в полседьмого вечера на втором этаже скромного домика на Шлоссергассе, 117, во Фрайберге, в Моравии (ныне г. Пршибор, Чехия). Семья, в которой он появился на свет, словно специально была создана как иллюстрация к психоаналитической доктрине. Его отец, Якоб Фрейд, был уже немолод (ему было за сорок) и имел двух взрослых сыновей от первого брака. Его первая жена умерла. По некоторым сведениям, достоверность которых спорна, Якоб вскоре женился второй раз на некоей Ребекке, но этот брак продлился недолго, и о судьбе Ребекки не известно ничего. Джонс в своей биографии о ней даже не упоминает, называя второй женой Якоба Фрейда Амалию Натансон. Вторая или третья, именно Амалия стала матерью Зигмунда. Она была более чем вдвое моложе своего мужа и души не чаяла в своем первенце, «золотом Зиги». Взаимную нежную

привязанность мать и сын пронесли через всю жизнь (Амалия Фрейд умерла в 1930 г. в возрасте 95 лет). Они еще могли себе это позволить. Ведь о существовании Эдипова комплекса еще долго никто не догадывался!

Самыми ранними воспоминаниями первенца Амалии были искры, летающие над узкой лестницей в доме кузнеца Заджика, где квартировала семья Фрейд. Восемь месяцев спустя после рождения Зигмунда Амалия снова забеременела, и в октябре 1857 года у нее родился второй сын, Юлиус. Зигмунд ревновал мать к нему, и смерть Юлиуса полгода спустя вызвала в нем раскаяние, которое постоянно проявлялось впоследствии в его снах. В этом отношении детство Фрейда было необычным: он утверждал, будто помнит о нем больше, чем большинство людей. Возможно ли это? Доказать справедливость этого утверждения невозможно, как и большинства догматов психоанализа. Так или иначе, в письме своему другу, доктору В.Флиссу от 1897 г. Фрейд признает наличие злобных желаний в отношении своего соперника Юлиуса и добавляет, что исполнение этих желаний в связи с его смертью возбудило упреки в собственный адрес – склонность, которая не покидала его с тех пор. В том же письме он рассказывает, как между двумя и двумя с половиной годами было разбужено его либидо по отношению к матери, когда он однажды застал ее обнаженной.

Детская сексуальность занимает центральное место в теории Фрейда, и поэтому исследователи стремятся найти ее следы в его собственной биографии. Весьма вероятно, что он видел, как его родители занимаются сексом в их тесном жилище. Фрейд, впрочем, никогда не упоминал об этом, но как психоаналитик очень интересовался «первичной сценой» – фантазией, которую младенец выстраивает вокруг занятий взрослых в постели. По крайней мере именно этот сюжет всплыл в ходе психоанализа Сергея Панкеева (Человека с Волками). Интересна реакция на это самого Панкеева. Этот русский плейбой жировал за границей на деньги своих родителей-помещиков и от праздности и пресыщенности терзался душевной смутой. Психоанализ Фрейда якобы вернул ему душевное равновесие. Дожил Панкеев до преклонных лет, но всю жизнь уклонялся от обсуждения этого эпизода своей биографии. Лишь в старости он дал интервью, которое разрешил опубликовать только после своей смерти. Вероятно, сказалась признательность к психоаналитическому сообществу, которое сделало из него культовую фигуру и почти в буквальном смысле долгие годы его подкармливало, после того как он был разорен революцией. Так вот, домыслы Фрейда сам Панкеев всегда считал совершенно безосновательными – хотя бы по той причине, что в доме его родителей (точнее – в многокомнатном особняке, так не похожем на каморку семьи Фрейд) детская находилась в изрядном удалении от родительской спальни, и вряд ли полуторагодовалый мальчик решился бы проделать этот путь среди ночи.⁴ Не говоря уже о том, что, по признанию Панкеева, никакого душевного облегчения такой анализ ему не принес.

В биографии, написанной Джонсом, непосредственно фигурирует эпизод подглядывания маленького Зигмунда за родителями. Упоминается также, какой гнев это вызвало у Якоба. Легко понять, насколько был напуган малыш гневом отца, который только что совершал нечто непонятное и по всей вероятности насильственное над его любимой матерью. Так что впоследствии выдумывать пресловутый Эдипов комплекс ему не было никакой нужды. Уж по крайней мере в данном случае для возникновения этого комплекса имелись все основания.

В возрасте двух лет Зигмунд все еще мочился в постель, и строгий отец, а не снисходительная мать, ругал его за это. Именно из подобных переживаний в нем зародилось убеждение в том, что обычно отец представляет в глазах сына принципы отказа, ограниче-

⁴ По версии Фрейда, родители Панкеева в присутствии больного сына занимались любовью, причем два раза подряд, когда однажды среди бела дня заглянули в его спальню, чтобы проведать лежавшего в жару мальчика. Признаться, чтобы представить себе такую сцену, требуется исключительно богатое, мягко скажем, воображение.

ния, принуждения и авторитета; отец олицетворял принцип реальности, в то время как мать – принцип удовольствия. Джонс, тем не менее, настаивает, что Якоб Фрейд был «добрым, любящим и терпимым человеком». А вот менее лояльные исследователи приходят к совсем иным выводам.

Голландский психолог П. Де Врийс, проанализировав около 300 писем Фрейда к Флиссу, пришла к выводу, что маленький Зигмунд весьма вероятно подвергался сексуальным посягательствам со стороны отца.

После смерти отца в 1896 г. Фрейд начал свой самоанализ. Он объяснял его необходимость тем, что сам себе диагностировал «невротическую истерию», по причине которой часто страдал «истерическими головными болями». В чем же виделась ему психогенная природа этой боли. В письме Флиссу от 8 февраля 1897 г. Фрейд описывает аналогичные симптомы у одной пациентки (?). Ощущение давления в висках и темени он связывал со «сценами, где с целью действий во рту фиксируется голова». Характерно, что следующий абзац письма посвящен отцу, умершему несколько недель назад. В письме читаем буквально следующее: «К сожалению, мой отец был одним из извращенцев и стал причиной истерии моего брата и некоторых младших сестер». Незадолго до этого, в письме от 11 января 1897 г. Фрейд четко сформулировал, что он понимает под словом «извращенец» – отец, который совершает сексуальные действия над своими детьми.

Ничего себе – семейка!

Разумеется, ревностные фрейдисты такую трактовку воспримут в штыки. Оно и понятно. Стоит аналитику усомниться в непорочности отца-основателя, и под вопросом оказываются не только долгие годы учебы (и затраченные на нее немалые средства), не только право «лечить» других (и получать за это солидное вознаграждение), но также важнейшие убеждения относительно себя самого, ядро личности психоаналитика. Вот только что это за ядро?..

Ныне вышел из моды термин «моральная дефективность», а похоже – зря. По крайней мере в данном случае истоки этого явления кажутся достаточно ясными. И здоровым людям, выросшим в полноценных семьях, остается только пожалеть маленького невротика из Фрайберга.

В Фрайберге Зигмунд прожил недолго. Коммерческие начинания Якоба Фрейда успеха не имели, что поставило семью на грань финансового краха. К тому процветавший в Моравии антисемитизм заставлял задуматься о перемене места жительства. В октябре 1859 г. семья покинула Фрайберг и после нескольких месяцев, проведенных в Лейпциге в бесплодных поисках новых доходов, наконец обустроилась в Вене. Этому городу и суждено было впоследствии стать цитаделью психоанализа. Здесь Фрейд прожил около 80 лет. Здесь он получил образование. В гимназии он был первым учеником и, по собственному признанию, пользовался известными привилегиями: его даже переводили из класса в класс без экзаменов. Родители ценили успехи сына, заметно превосходившего своими способностями других детей. Для приготовления уроков ему была выделена керосиновая лампа, тогда как остальным приходилось довольствоваться свечами.

В возрасте 17 лет Зигмунд с отличием окончил гимназию и решил посвятить себя науке. Он испытывал в тот период «непреодолимую потребность разобраться в загадках окружающего мира и по возможности сделать что-либо для их решения». Но осуществлению его замыслов препятствовала государственная политика Австро-Венгрии, ограничивавшая сферу деятельности евреев коммерцией, юриспруденцией и медициной. Известное влияние на Фрейда оказала его дружба с Генрихом Брауном, который позднее стал одним из видных деятелей социал-демократического движения, основал совместно с К. Каутским и К. Либкнехтом журнал «Новое время». Под его влиянием Фрейд склонялся к изучению права,

но вскоре оставил этот замысел. Не чувствовал он особой склонности и к карьере врача, но тем не менее выбрал медицину как сферу наиболее близкую его интересам.

В 1873 г. он поступил на медицинский факультет Венского университета. Учебные занятия Фрейд совмещал с работой в Институте физиологии при университете, руководимом Эрнстом Брюкке. Сотрудничество с этим выдающимся ученым укрепило научный склад мышления Фрейда. Под руководством Брюкке он осуществил несколько оригинальных исследований, способствовавших оформлению теории нейронов.

Работая в институте Брюкке, Фрейд не мог оставаться в стороне от острых научных дискуссий своего времени. Революция, совершавшаяся в естествознании, требовала мировоззренческого осмысления научных открытий, и это дало толчок его интересу к философии. Однако к тому времени, когда он поступил на медицинский факультет, курс философии был упразднен, и свою склонность к философии Фрейд удовлетворял лишь посредством самообразования. С этой целью в 1874–1875 гг. он прослушал цикл лекций немецкого философа Ф.Брентано. Учение Брентано о психических актах как направленных действиях души, его полемика с английским психиатром Г.Модсли по проблемам бессознательного вызвали живой интерес Фрейда. Брентано не разделял идею бессознательного, но благодаря его работе «Психология с эмпирической точки зрения» (1874) Фрейд смог познакомиться с существовавшими в истории философии трактовками этой проблемы. По-видимому, общение с Брентано не ограничивалось стенами университетской аудитории, поскольку именно благодаря его рекомендации Фрейд получил заказ на перевод сочинений английского философа Джона Стюарта Милля. В ходе этой работы Фрейд приобщился, в частности, к философии Платона, о которой Милль был весьма высокого мнения. Платоновская идея воспоминания произвела на Фрейда глубокое впечатление и впоследствии была использована им при разработке техники психоанализа.

В 1881 г., закончив медицинский факультет Венского университета, Фрейд получил ученую степень по медицине. Он намеревался стать профессиональным научным работником. Однако осуществить намерение не представлялось возможным. Вакансий в институте Брюкке не было, а на перспективные вакансии претендовали другие его ассистенты, начавшие работу раньше Фрейда. Это положение усугублялось тяжелым материальным положением семьи, едва сводившей концы с концами после финансового кризиса 1873 г. К тому же в 1882 г. Фрейд познакомился и тайно обручился с двадцатилетней Мартой Бернайс, также происходившей из небогатой семьи. Ему было известно непреложное условие матери невесты: замуж Марта выйдет только за человека, способного ее обеспечить. В отчаянии писал он невесте: «Ежедневно и ежечасно одни и те же вопросы: в доме нет денег, нет дров, мать больна и нуждается в свежем воздухе». Единственным выходом из создавшегося положения была частная практика. Пройдя стажировку в Венской народной больнице, Фрейд открыл врачебный кабинет и занялся лечением неврозов.

Однако вскоре он обнаружил, что не располагает ни исчерпывающей теорией, ни эффективными методами для борьбы с этим распространенным, но малоизученным заболеванием. психология, делавшая свои первые шаги, мало чем могла ему помочь. Лишь в 1879 г. В.Вундтом был создан первый в мире Институт психологии и издан официальный документ, определявший ее статус в системе наук. Психология в ту пору не располагала теорией, способной пролить свет на феномен невроза. «Психология, – писал Фрейд, – могла предложить нам очень мало, а для наших целей совсем ничего, нам пришлось заново открывать как наши методы, так и теоретические гипотезы, на которых эти методы основывались».

Страстное желание как можно быстрее отыскать новое терапевтическое средство, энтузиазм и нетерпение Фрейда отражает история с кокаином. В 1883 г. по заказу химической фабрики Мерка в Дармштадте он предпринял экспериментальное исследование свойств кокаина, причем эксперименты осуществлял главным образом на себе и своих близ-

ких. На основании этих исследований его друг Карл Коллер ввел кокаин в офтальмологию в качестве анестезирующего средства. Однако эксперименты Фрейда нанесли серьезный ущерб здоровью некоторых его добровольных испытуемых. Разразился скандал. В медицинских кругах за Фрейдом надолго закрепилась репутация авантюриста и шарлатана.

В этот нелегкий период жизни произошли и некоторые позитивные события, сыгравшие важную роль в становлении научного мировоззрения Фрейда. В 1885 г. по рекомендации Брюкке он занял место приват-доцента неврологии в Венском университете. Новая должность дала возможность отправиться на стажировку в Париж, во всемирно известную клинику Сальпетриер, которую возглавлял крупнейший невропатолог своего времени Жан Мартен Шарко, признанный «Наполеоном неврозов». Возможность блестящей стажировки окрылила Фрейда. В письме невесте от 20 июня он писал: «Я поеду в Париж, стану великим ученым и вернусь в Вену, окруженный великой, огромной славой, мы сразу поженимся, и я вылечу всех неизлечимых нервных больных...»

Парижские впечатления несколько охладили его энтузиазм. Стипендия была невелика, и жить приходилось чрезвычайно скромно. К тому разговорным французским Фрейд владел не блестяще, мешал сильный акцент. Коллеги встретили его корректно, но весьма прохладно. Тем не менее молодой венский врач присоединился к большой толпе ассистентов, практикантов и стажеров, которая постоянно сопровождала Шарко во время обходов больных и при сеансах их лечения гипнозом. Случай помог Фрейду сблизиться с Шарко, к которому он обратился с предложением перевести на немецкий язык его лекции. Шарко был очень доволен предложением, хотя впоследствии выразил неудовольствие в связи с многочисленными сносками и комментариями, которыми Фрейд снабдил перевод.

Фрейд благоговел перед Шарко, и не будет преувеличением сказать, что влияние на него французского мэтра было исключительным. «Мне случалось, – писал он Марте 24 ноября 1885 г., – выходить с его лекций с таким ощущением, словно я выхожу из Нотр-Дам, полный новыми представлениями о совершенстве». «Ни один человек не имел на меня такого влияния», – утверждал он.

Основное внимание Шарко привлекали функциональные психические расстройства, в частности истерия и истерический паралич. Он считал, что истерия – психогенное заболевание, то есть протекает без изменения в тканях и вызывается чисто душевными причинами, которые нельзя обнаружить с помощью микроскопа. (Надо отметить, что до Шарко понятие психогенного заболевания было медицине совершенно чуждо.) Мысль Шарко о том, что причины функциональных психических расстройств следует искать не в анатомии, а в психологии, глубоко запала в сознание Фрейда.

Кроме того в одной из бесед с Фрейдом Шарко заметил, что источник странностей в поведении невротика таится в особенностях его половой жизни. Впоследствии эта идея, развитая Фрейдом, послужила краеугольным камнем психоанализа.

Полное собрание его сочинений составляет 24 тома, и наивно пытаться их пересказать. Предельно упрощая, идеи Фрейда можно сформулировать так. Сознание – это лишь поверхностный пласт человеческой психики. Корни нашего мироощущения и поведения лежат глубже и недоступны сознанию. В их основе – природное влечение к удовольствию. А поскольку сексуальное удовлетворение – это квинтэссенция удовольствия, то и влечения человека по сути своей сексуальны. Однако суровая общественная мораль ограничивает сексуальность. Вхождение человека в общество – это череда болезненных столкновений с запретами. Ушибы от этих столкновений всю жизнь болят в виде неосознаваемых комплексов и неврозов. И вся душевная жизнь – это сплошное противоречие природных влечений и навязанной извне самоцензуры.

Не вдаваясь в данный спор сторонников и противников Фрейда (и тех, и других всегда было немало: еще при жизни он удостоился мемориальной доски на родном доме и пуб-

личного сожжения своих трудов), попробуем взглянуть на проблему с иной стороны. Ибо верно замечено: человек – это то, что с ним происходит. Наши суждения и представления – результат нашего жизненного опыта. А какой же опыт стоит за плечами величайшего теоретика сексуальности? Разобравшись в этом, мы наверное многое поймем, в том числе – и про самих себя.

Период взросления и возмужания Фрейда пришелся на эпоху, которую принято называть викторианской. А викторианская мораль по сути своей была категорически антисексуальна. Достаточно сказать, что существовал жесткий запрет на наготу, даже в интимных супружеских отношениях. Появление нагой натуры неохотно допускалось на живописном полотне, которое викторианский зритель рассматривал, как наш современник – фотографию лунного пейзажа, то есть как нечто такое, что, конечно, существует в действительности, но что едва ли когда удастся увидеть своими глазами. В викторианской Англии даже было принято на ножки стульев надевать нечто наподобие юбочек во избежание ассоциаций с наготой женской ножки. Современное искусство нередко забывает о таких деталях. Так, в советской экранизации «Анны Карениной» режиссера А.Зархи Анна и Вронский в любовной сцене, пускай и намеком (цезура не дремала!), показаны обнаженными, хотя в ту эпоху подобная сцена была просто немыслима. Авторы английской экранизации «Женщины французского лейтенанта», действие которой происходит как раз в викторианскую пору, более точны: герой и героиня предаются любви, одетые в ночные рубахи до пят. Теряя в выразительности, кадр выигрывает в достоверности. Сегодня это кажется невероятным, но в то время даже супруги могли за всю жизнь ни разу не увидеть друг друга обнаженными. Сегодня любой подросток знает, что зрительные образы сильно стимулируют эротические чувства. Каково же было викторианским супругам! Не говоря уже о том, что соприкосновение закутаных тел не очень-то возбуждает.

Вообще сексуальность викторианской моралью расценивалась как нечто низменное и постыдное. Удовольствие от секса считалось признаком испорченности, и ни одна порядочная женщина не могла себе позволить к этому стремиться. То, что все-таки можно было себе позволить (в современной сексологии это определяется как диапазон приемлемости), исчерпывалось удручающим минимумом при абсолютной недопустимости каких-либо вариаций поз и ласк. Новаторский для своего времени труд доктора Крафт-Эббинга (кстати, настольная книга Фрейда) мало того, что назывался «Сексуальная психопатия», но и трактовал ряд проявлений сексуальности, ныне вполне приемлемых и практикуемых в каждой спальне, как грубые извращения. Можно себе представить, сколь скудный сексуальный рацион ожидал молодого Фрейда в супружестве. Судя по всему, только его он и получил.

Здесь уместно заметить, что Фрейд, умевший погружаться в самые интимные тайны людей и пытавшийся узнать о них даже больше, чем люди сами о себе знали, сделал все, чтобы его личная жизнь была окутана завесой тайны. Переписку, касающуюся интимных вопросов, он беспощадно уничтожал. Тем не менее, по некоторым высказываниям близко знавших его людей можно составить приблизительно представление о его личной жизни.

Однажды Фрейд обмолвился, что впервые влюбился в шестнадцатилетнем возрасте. Гизелла Флюсс надменно отвергла любовь будущего светила, чем, возможно, способствовала вытеснению его грешных мыслей в подсознание. Механизм вытеснения будет детально описан Фрейдом тридцать лет спустя.

Взаимности Фрейду удалось добиться лишь через десять лет. В 26-летнем возрасте он познакомился с Мартой Бернайс (ей был тогда 21 год), которая вскоре согласилась выйти за него замуж. Свадьба состоялась только через четыре года, поскольку мать невесты выдвинула категорическое требование: мужем Марты станет только человек, способный ее обеспечить.

За годы помолвки Зигмунд и Марта виделись редко. Однако, страстно желая близости, Фрейд буквально заваливал невесту письмами: их сохранилось около полутора тысяч. То есть ежедневно жених обращался мысленным взором к невесте. Эти письма, преисполненные трепетной нежности, доносят до нас томление духа молодого Фрейда. Нетрудно догадаться, что имело место и томление плоти. Утолить его Фрейду удалось лишь в тридцатилетнем возрасте.

По замечанию одного из биографов, «Фрейд обладал ненасытным сексуальным аппетитом». За первые девять лет супружества у Марты и Зигмунда родилось шестеро детей. Но это, вероятно, и было основным итогом сексуальной активности. С рождением последнего ребенка совпала определенная потеря интереса к сексу. Не исключено, что причина кроется в том, что отцу многочисленного семейства приходилось теперь больше задумываться о средствах предохранения, чем о плотских радостях.

В 1907 году в гости к Фрейду приехал его коллега Карл Густав Юнг с женой. Впоследствии он рассказывал: «Когда я прибыл в Вену со счастливой молодой женой, Фрейд пришел повидать нас в гостиницу и принес цветы для Эммы. Он старался быть очень предупредительным и в один из моментов сказал мне: «Я прошу прощения за то, что не могу проявить подлинного гостеприимства. У меня дома нет ничего, кроме старой жены». Встреча со «старой женой» все-таки состоялась, и после нее Юнг отметил: «Было более чем очевидно, что отношения между Фрейдом и его женой носили весьма поверхностный характер».

О том же еще более откровенно свидетельствует письмо самого Фрейда, датированное 1908 годом: «Семейная жизнь перестает давать те наслаждения, которые она обещала сначала. Все существующие сейчас противозачаточные средства снижают чувственные наслаждения». За несколько лет до этого он писал своему близкому другу Вильгельму Флиссу: «Сексуального возбуждения для меня больше не существует».

Из шестерых детей Фрейда развитию идей отца посвятила свою жизнь лишь дочь Анна, словно компенсируя свою сексуальную невосребованность. Кстати, другим ее увлечением было вязание, которое родоначальник фрейдизма считал символическим замещением полового акта.

Судя по этим разрозненным данным, личная жизнь отца сексуальной революции вполне соответствует теории, которую он выдвигал. «Сексуальная жизнь цивилизованного человека серьезно искалечена общественной моралью», – писал он и собственной судьбою доказал правоту своих слов. А как знать, что мы сегодня понимали бы под фрейдизмом и существовал бы он вообще, будь фрау Марта немножко поласковее к своему ученому супругу?

Из Парижа в Вену Фрейд вернулся окрыленным. Однако коллеги встретили его прохладно. Его доклад о стажировке был встречен скептически. Предстояли еще годы становления собственной концепции, которая должна была принести ему признание.

Несколько лет Фрейд продолжал без особого успеха испытывать различные фармакологические и физиотерапевтические средства лечения больных. Пациентов ему в основном направлял его старший коллега и друг Йозеф Брейер, взявший его под свое покровительство.

В 1888 г. Фрейд ознакомился с книгой ученика Шарко – доктора Ипполита Бернгейма – «Внушение и его применение в качестве терапии», в которой описывались результаты лечения невротиков методом гипнотического внушения. С целью освоить технику гипноза Фрейд в 1889 г. отправился в Нанси, где работал Бернгейм. Метод гипноза произвел на него большое впечатление. В ряде случаев гипнотическое внушение вело к полному исчезновению у больных истерических симптомов. Особенно поразил Фрейда эксперимент Бернгейма с пациенткой, которой в состоянии гипнотического сна было приказано по пробуждении раскрыть стоявший в углу зонтик, что она и сделала. На вопрос, зачем понадобилось раскрывать зонтик в помещении, пациентка смущенно ответила, что хотела удостовериться, ее

ли это зонтик. Факт гипнотического внушения не отложился в ее памяти. Это натолкнуло Фрейда на мысль, что работа мозга не всегда осознается, что в основе поведения могут лежать бессознательные мотивы, которые можно обнаружить с помощью специфических приемов, например – гипноза.

Однако собственная практика лечения гипнозом продемонстрировала ограниченные возможности этого метода. Пытаясь из разрозненных наблюдений и гипотез построить целостную картину невротического заболевания, Фрейд вспомнил случай, рассказанный Брейером и впоследствии ставший широко известным как «случай Анны О.» Пациенткой Брейера (установлено, что ее подлинное имя – берта Паппенгейм) была молодая женщина, страдавшая расстройством мышления и речи, нервным кашлем и параличом ног. С помощью гипноза Брейеру удалось добиться воспроизведения больной тревоживших ее образов и фантазий. Оказалось, что травмировавшие ее психику переживания были связаны с болезнью и смертью отца. По мере того как пациентка заново переживала травмировавшую ее ситуацию, болезненные симптомы постепенно исчезали. На этом основании Брейер сделал вывод, что болезненный симптом является заменителем подавленного импульса. Суть предложенного им нового метода лечения истерии, названного катарсическим (от греческого «катарсис» – очищение), состояла в том, чтобы заставить больного вспомнить, осознать и тем самым разрядить подавленный психический импульс.

Фрейд решил проверить этот метод и вскоре уже мог привести несколько аналогичных случаев из собственной практики. В 1895 г., обобщив накопленный опыт, Брейер и Фрейд опубликовали совместную работу «Этюды по истерии» (в русском переводе – «Очерки истерии»). Книга вышла тиражом всего 800 экземпляров и не привлекла внимания специалистов, хотя в ней впервые была предпринята попытка установить связи неврозов с неудовлетворенными влечениями. В дальнейшем из-за разногласий соавторов о механизмах истерии, роли сексуального фактора и других причин произошел разрыв их почти пятнадцатилетней дружбы.

Последующий этап научной деятельности Фрейда проходил, по его собственному признанию, «в блестящей изоляции». Коллеги фактически бойкотировали его, поскольку развиваемая им теория сексуальности слишком далеко выходила за рамки привычных воззрений. Но именно в этот период были разработаны основные положения психоанализа – новаторского учения, перевернувшего традиционные представления о душевной жизни.

Понятие «психоанализ» Фрейд впервые употребил в 1896 г. в докладе «Этиология истерии». Первоначально он называл так метод терапии, направленный на выявление скрытых причин психических отклонений. Позднее так стали называть всю систему теоретических воззрений Фрейда.

Пытаясь раскрыть механизмы возникновения неврозов, Фрейд обратил внимание на болезненные последствия неудовлетворенных влечений и неотреагированных эмоций. Эти разрывающие единство сознания стремления и аффекты, о существовании которых сам больной и не подозревал, были восприняты Фрейдом как главное свидетельство существования бессознательного – столь же и даже более влиятельной сферы психики, сколь и сознание. Поскольку содержанием бессознательного в большинстве случаев оказывалось для больного нечто неприятное, неприемлемое с точки зрения социальных и нравственных норм, Фрейд предположил, что бессознательный характер этих психических сил обусловлен особым защитным механизмом, получившим название «вытеснение».

Согласно Фрейду, механизм вытеснения подобно плотине ограждает сознание от потрясений, связанных со столкновениями с тягостными воспоминаниями, недопустимыми влечениями и импульсами. Но и в бессознательном состоянии эти влечения сохраняют заряд психической энергии и потому могут прорываться в виде патологических симптомов. Таким образом, на первом этапе развития теории психоанализа бессознательное представлялось

как тождественное вытесненному. По мере развития психоанализа представления Фрейда о бессознательном уточнялись и усложнялись. Из случайного чужеродного фактора бессознательное превратилось в неотъемлемую часть психического аппарата всякого человека. Бессознательное – это кипящий котел страстей и инстинктов, рвущихся наружу с целью получения разрядки. В замаскированном виде бессознательное обнаруживает себя то в патологических симптомах, то в таких проявлениях обыденной жизни, как сновидения, шутки, обмолвки и т. п., то в преобразованном творческом виде «как культурные, художественные и социальные ценности человеческого духа».

Еще в 1897 г. Фрейд приступил к систематическому самоанализу сновидений и принял решение написать работу о снах и сновидениях. Книга «Толкование сновидений» увидела свет в 1900 г. Публикация этой работы не вызвала интереса в научных кругах (тираж 600 экземпляров был распродан за 8 лет). Но сам Фрейд считал ее «поворотным пунктом».

В 1898 г. Фрейд начал разработку проблемы юмора, которую исследовал на основе собственной коллекции еврейских анекдотов. Впоследствии результаты его изысканий воплотились в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905).

В 1901 г. Фрейд опубликовал книгу «Психопатология обыденной жизни» – наиболее популярную и известную работу по психоанализу. В ней на основе теории вытеснения он показал, что неосознаваемые мотивы обуславливают поведение человека в норме и патологии, а различного рода ошибочные действия (оговорки, описки, забывание имен и названий и т. п.) свидетельствуют о наличии бессознательных мотивов и могут быть использованы в целях диагностики и терапии.

В 1902 г. Фрейду было присвоено звание профессора. В том же году, стремясь преодолеть бойкот и изоляцию, он организовал «Общество психологических сред», призванное обеспечить обмен идеями и консолидацию сторонников психоанализа. Первоначально это был дискуссионный кружок, который лишь через несколько лет обрел статус научного общества. В 1903 г. у Фрейда наконец появились первые ученики – Пауль Федерн, Вильгельм Штекель и др., которые сыграли значительную роль в исторической судьбе психоанализа. В 1904 г. идеи Фрейда привлекли внимание группы швейцарских психиатров – Э.Блейлера, М.Эйтингона, К.Абрахама, К.Г. Юнга, – которые обратились к ним как к перспективному учению и психотерапевтическому методу. В 1907 г. состоялись первые встречи Фрейда со швейцарскими коллегами, положившие начало слиянию Венской и Цюрихской школ психоанализа. В 1908 г. в Зальцбурге состоялся первый Международный психоаналитический конгресс, объединивший сторонников психоанализа. В 1909 г. начал выходить первый психоаналитический журнал. Его издателями выступали Блейлер и Фрейд, редактором – Юнг.

В сентябре 1909 г. произошло знаменательное событие – в американском городе Вустер (шт. Массачусетс) состоялось празднование двадцатилетней годовщины со дня основания Университета Кларка, организованное президентом Университета, известным психологом Г.С. Холлом. Сам по себе этот факт, подобно многим другим парадным церемониям, едва ли вошел бы в историю науки, если бы не состав гостей, приглашенных Холлом на торжества. Почетными гостями юбилея стали Зигмунд Фрейд и Карл Густав Юнг, получившие возможность выступить перед американской аудиторией с лекциями о своих научных открытиях. Это событие, с одной стороны, явилось формальным международным признанием психоанализа, с другой – послужило толчком к интенсивному развитию психоанализа в Новом Свете.

Фрейд, не избалованный признанием на родине, воспринял приглашение с энтузиазмом. Немаловажно было и то, что американская сторона брала на себя все расходы на дорогостоящую поездку. Собственные изыскания Фрейда еще не принесли ему материального благосостояния, и предложенные Холлом 3000 марок – немалая по тем временам сумма – оказались отнюдь не лишними. Таких денег хватило бы на поездку для двоих, и Фрейд не

преминул этим воспользоваться: хотя никто из его ближайшего венского окружения персонального приглашения из Америки не получил, Фрейд нашел себе компаньона. Им оказался Шандор Ференци, к которому Фрейд относился с нескрываемой симпатией и которого даже втайне мечтал увидеть своим зятем (чему, впрочем, не суждено было сбыться). Ференци был очень воодушевлен. Он засел за изучение английского, накупил для себя и Фрейда множество книг об Америке. Фрейд, однако, так и не удосужился прочесть эти книги. Вообще к Америке и американцам он относился с некоторым высокомерием. Щедрую дотацию от Университета Кларка он принял как должное со словами: «Америка должна давать мне деньги, а не требовать расходов». Такое отношение к американцам в первую очередь как к спонсорам он сохранил на всю жизнь и активно прививал его своей дочери Анне. (Надо признать, что, наряду с иными фрейдистскими установками, этот подход унаследован многими европейскими психологами и исповедуется по сей день.) По собственному признанию Фрейда, главное, что он хотел бы увидеть в Америке, – это Ниагарский водопад. Будучи тонким ценителем античного искусства, он намеревался также осмотреть богатые коллекции, собранные в Нью-Йоркских музеях. К запланированным лекциям он даже не готовился, намереваясь посвятить этому часы вынужденного досуга на корабле.

В июне Фрейд узнал, что приглашение в США получил также К.Г. Юнг, и заметил по этому поводу: «Это увеличивает значение всего предприятия». Они сразу же условились ехать вместе.

21 августа Фрейд, Юнг и Ференци отплыли из Бремена на корабле Северно-немецкой компании Ллойда «Джордж Вашингтон». Во время путешествия три товарища анализировали сновидения друг друга – первый пример группового анализа. Впоследствии Юнг делился своим впечатлением, что сновидения Фрейда были посвящены преимущественно будущему его семьи и его работе. В частности, Фрейд рассказал, как ему во сне привиделось, будто стюард, обслуживавший его каюту, принялся читать «Психопатологию обыденной жизни». Этот случай впервые натолкнул Фрейда на мысль, что он может стать знаменит.

«Джордж Вашингтон» пришвартовался в Нью-Йоркском порту воскресным вечером 27 августа. На причале путешественников встречал Абрахам Брилл – в ту пору единственный американский практикующий психоаналитик (два года спустя им будет основано Нью-Йоркское психоаналитическое общество). Ступив на американскую землю, Фрейд произнес знаменитую фразу, которую с тех пор не устают повторять фрейдисты по обе стороны Атлантики: «Они и не подозревают, что я привез им чуму!» Судя по всему, он полагал, что приговорно добродетельная Америка, подчиненная лишь власти доллара, будет вскоре заражена пагубными концепциями сексуальности. По убеждению Фрейда, психоанализ в США проникнется духом янки, пройдет периоды адаптации, успеха и господства и сделается неузнаваемым в глазах европейских психоаналитиков.

(Тому, насколько он был прав, может служить подтверждением колоритный эпизод из американской кинокомедии «В джазе только девушки». Один из персонажей фильма, пытаясь оригинальным способом соблазнить героиню Мерилин Монро, рассказывает ей, что якобы страдает полным отсутствием полового влечения. «К кому я только не обращался за помощью! Был даже в Вене у доктора Фрейда. И все безуспешно!» – сетует «несчастный» в надежде, что его возлюбленная составит конкуренцию европейскому светилу и сама возьмет на себя инициативу в пробуждении подавленных чувств. Именно в этом аспекте и был многими воспринят психоанализ в Америке, да впрочем и в Европе. По сей день в обыденном сознании Фрейд фигурирует как специалист по «постельным проблемам».)

На берегу Фрейда встретили и репортеры местных газет, предвкушавшие скандальную сенсацию. Их ожиданиям не суждено было сбыться. Гость из Европы не выделялся никакими эксцентричными чертами, а его немногословное интервью не содержало даже намека

на «проповедь вседозволенности». В результате на следующий день лишь в одной газете появилась краткая заметка, в которой к тому же фамилия Фрейда оказалась искажена.

Подготовиться к лекциям Фрейд так и не успел. По его словам, он не имел никакого понятия, о чем ему здесь говорить. Юнг, который намеревался рассказать американской публике о своем ассоциативном эксперименте, советовал Фрейду посвятить выступления теме сновидений. Джонс предлагал избрать более обширную тему. Поразмыслив, Фрейд согласился, что американцам тема сновидений может показаться недостаточно «практичной», если вовсе не легкомысленной. Поэтому он решил дать более общий отчет о психоанализе. Каждая лекция составлялась в течение одного часа во время прогулок в обществе Ференци. Никаких конспектов Фрейд не готовил.

Фрейд прочитал на немецком языке пять лекций перед аудиторией, внимательно слушавшей, несмотря на то, что многие были разочарованы отсутствием пикантных откровений на сексуальную тему. Он ясно и сжато обрисовал историю происхождения психоанализа, основные результаты по исследованию сновидений и ошибочных действий, теорию сексуальности и терапевтические методы. Текст лекций был опубликован в 1910 г. в «Американском психологическом журнале» и вскоре переведен на многие языки. Среди наиболее характерных отзывов Джонс отмечает высказывание декана университета Торонто: «Обычный читатель может сделать вывод, что Фрейд выступает за свободную любовь, за отказ от всяких ограничений и за впадение вновь в первобытное состояние». (Поистине пророческие слова!)

Особенно волнующим был момент на заключительных церемониях, когда Фрейд встал для того, чтобы поблагодарить университет за присуждение ему степени почетного доктора (этой чести был удостоен и Юнг). То, что ему оказывают такой почет после многих лет ostracism на родине, походило на волшебный сон, и Фрейд с глубоким волнением произнес: «Это первое официальное признание наших трудов».

На торжествах присутствовали видные американские психологи, в том числе Э.Титчнер и Дж. М.Кеттелл. В своей автобиографии Фрейд описал трогательную встречу с Уильямом Джемсом, который в ту пору был уже смертельно болен. «Непреходящее впечатление произвела на меня встреча с философом Уильямом Джемсом. Я не могу забыть маленькой сцены, когда он во время нашей прогулки вдруг остановился, передал мне свою сумку и попросил меня пройти вперед, сказав, что нагонит меня, как только справится с внезапным приступом грудной жабы. Через год он умер от болезни сердца; с тех пор я всегда желаю себе такого же бесстрашия перед лицом близкой кончины».

Джемс, который хорошо знал немецкий, с большим интересом следил за лекциями. К гостям из Европы он относился очень дружески и при прощании сказал: «Будущее психологии принадлежит вашей работе».

Стэнли Холл, основатель экспериментальной психологии в Америке, также восторженно расхваливал и Фрейда, и Юнга. Вернувшись домой, Фрейд писал о нем в письме одному из коллег: «Приятно представить себе, что где-то вдалеке, хотя сам ты об этом ничего и не слышал, живут порядочные люди, которые находят свой путь к нашим мыслям и стремлениям и которые, в конце концов, внезапно дают о себе знать. Именно это произошло у меня со Стэнли Холлом. Кто бы мог подумать, что где-то там в Америке, всего в часе езды от Бостона, живет респектабельный пожилой джентльмен, который с нетерпением ожидает выхода очередного номера *Jahrbuch*, который читает и понимает все, что там написано, и который, как он сам выразился, «звонит о нас во все колокола». Вскоре после этого Джонс предложил Холлу занять пост президента основанной им американской психопатологической ассоциации. Но это предложение было отклонено: интерес Холла к психоанализу оказался непродолжительным. Несколько лет спустя он стал одним из сторонников индивидуальной психологии А.Адлера, известие об этом сильно огорчило Фрейда.

13 сентября Фрейд, Юнг и Ференци посетили Ниагарский водопад, который Фрейд нашел еще более грандиозным и величественным, чем он себе ранее представлял. Впечатление от этой экскурсии было испорчено неуклюжей галантностью гида: когда посетители находились в Пещере ветров, он отодвинул одного из мужчин и крикнул, указывая на Фрейда: «Пускай пожилой джентльмен пройдет первым!» Фрейд всегда был болезненно чувствителен к намекам на свой возраст (к тому же тогда ему было всего 53 года).

Вообще, Фрейд в ходе поездки утвердился в своем убеждении, что американцы – люди вульгарные и бесцеремонные. Однако, что касается американок, их раскованность вызывала у Фрейда противоречивые чувства. Он даже признался Юнгу, что манеры американских женщин заставляют его порой испытывать нездоровое возбуждение. Юнг, никогда не отличавшийся щепетильностью, тут же предложил пригласить парочку сговорчивых американок, чтобы сообща решить эту проблему. На это Фрейд с негодованием ответил: «Но я же женат!» (Характерный штрих к портрету «сексуального реформатора»).

В целом, несмотря на оказанный ему восторженный прием, у Фрейда осталось не слишком благоприятное впечатление об Америке. Сам он объяснял это особенностями американской кухни, знакомство с которой скверно сказалось на его желудке. В течение нескольких лет Фрейд приписывал многие из своих физических недомоганий визиту в Америку. Он пошел в этом настолько далеко, что жаловался Джонсу, будто после поездки в США у него даже ухудшился почерк.

Еще один известный биограф Фрейда – Фриц Виттельс – полагает, что эта мотивировка выступала лишь средством психологической защиты. По его мнению, на самом деле основатель психоанализа предвидел приближение «фрейдомании» (Freud-crazy), в результате которой его учение будет воспринято так, что кроме имени и самых примитивных положений из труда всей его жизни почти ничего не останется. Фрейда неоднократно и настойчиво приглашали вновь посетить Америку, когда он уже достиг мировой славы. Но он всякий раз отказывался. По этому поводу Виттельс пишет: «Я полагаю, что Фрейд опасается крупного недоразумения: он слишком честен, чтобы принять на себя гигантскую волну похвал из уст людей, которые его не поняли».

В ту пору Фрейд еще не мог предвидеть, что в результате социальных катаклизмов нашей эпохи центр психоанализа переместится из Европы в Новый Свет. Вспоминая о своей поездке, он однажды сказал: «Америка – это одно сплошное недоразумение, грандиозное, но все же недоразумение!»

Последующие годы характеризовались противоречивыми тенденциями. Консолидации психоаналитического сообщества сопутствовали начавшиеся распри, приведшие к отходу от психоанализа некоторых недавних сподвижников Фрейда. В 1911 г. последовал разрыв с А. Адлером, который Фрейд очень болезненно переживал. Вскоре ряды психоаналитического движения покинул Юнг. Теоретические расхождения и впоследствии порождали постоянные противоречия в стане психоаналитиков.

Фрейду и самому приходилось вносить коррективы в свою теорию. События первой мировой войны продемонстрировали ограниченность объяснительных принципов психоанализа. Военные, вернувшиеся из окопов, терзались совсем иными переживаниями, чем венские буржуа конца XIX века. Фиксация новых пациентов Фрейда на психических травмах, связанных с тем, что им пришлось заглянуть в глаза смерти, послужила основанием версии об особом влечении, не менее сильном, чем сексуальное, – влечении к смерти. Это влечение Фрейд обозначил древнегреческим понятием Танатос как антипод Эросу – силе любви.

В 1926 г. Фрейд встретил свой семидесятилетний юбилей. Официальная Вена проигнорировала торжество, что однако было скрашено приветствиями А.Эйнштейна, Р.Роллана, С.Цвейга и многих других деятелей науки и культуры.

После прихода к власти нацистов в Германии в 1933 г. началось свертывание психоаналитического движения в Европе. Во время печально известного книжного аутодафе в Берлине труды Фрейда как «еврейская порнография» были подвергнуты публичному сожжению «во имя благородства человечества». Получив известие об этом, он горько пошутил о прогрессе человечества: «В прежние времена они сожгли бы меня, а теперь сжигают лишь мои книги». Впрочем, там, где жгут книги, как правило кончают тем, что сжигают людей. Именно такая судьба постигла впоследствии сестер Фрейда.

В первый же день после присоединения австрии к нацистской Германии Фрейд был заключен под домашний арест, его квартира подвергнута обыску, а дочь Анна вызвана на допрос в гестапо. Казалось, судьба ученого предрешена. Однако стараниями влиятельных последователей после уплаты выкупа в 100 000 австрийских шиллингов Фрейду вместе с женой и дочерью Анной было разрешено покинуть Австрию. Семья обосновалась в Лондоне, где несмотря на прогрессирующую болезнь, Фрейд продолжал напряженно работать, встречался с деятелями науки и искусства, в частности с Сальвадором Дали. Однако мучения становились нестерпимыми.

Зигмунд Фрейд ушел из жизни 23 сентября 1939 г... Просто сказать «умер» было бы, наверное, неправильно, ибо это был осознанный уход, фактически – самоубийство. Танатос возобладал над Эросом.

Долгие годы основатель психоанализа страдал тяжелой болезнью, возникшей вследствие пагубной привычки – курения, – от которой он не находил сил отказаться. Фрейд пристрастился к курению еще в детстве, в шести– или семилетнем возрасте, а в зрелые годы выкуривал ежедневно по два десятка сигар, не находя в этом ничего дурного. Более того, в полном соответствии с открытым им механизмом психологической защиты, он даже стремился рационализировать свою пагубную страсть. Своему племяннику он говорил: «Мой мальчик, курение – одна из самых больших и самых дешевых радостей жизни. Если ты в будущем решишь не курить, мне будет тебя искренне жаль». Правда, если следовать логике психоанализа, пристрастие к курению представляет собой форму оральной навязчивости. Возможно, смутное осознание этого факта самим Фрейдом привело к тому, что в разработке своей периодизации психосексуального развития он довольно мало внимания уделил именно оральной фазе, а на мягкую иронию коллег, усматривавших в любимых им длинных и толстых сигарах фаллический символ, безапелляционно отрезал: «Иногда сигара – это просто сигара».

В 1923 г. у него во рту появилась опухоль, вызванная курением. Неутешительный диагноз – рак – Фрейд воспринял стоически. Началась многолетняя борьба с болезнью, изнурительная череда хирургических операций (всего Фрейд перенес их тридцать девять).

В 1929 г. верная последовательница Фрейда Мария Бонапарт рекомендовала ему терапевта Макса Шура, который с этого времени стал его личным врачом и находился при нем практически неотлучно. Опыт общения со своим именитым пациентом и историю его болезни Шур описал в биографической книге «Зигмунд Фрейд. Жизнь и смерть», ставшей важным источником по истории заключительного этапа развития классического психоанализа и биографии его создателя.

Чтобы облегчить страдания больного, Шур прибег к сильному обезболивающему – морфию, к которому Фрейд быстро пристрастился и уже не мог без него обходиться – то ли из-за постоянных мучительных болей, то ли из-за усиливающейся наркотической зависимости. У него ухудшилась артикуляция, боль терзала его неотступно. Однако, по рассказам очевидцев, Фрейд постоянно улыбался. Верные фрейдисты расценивают это как свидетельство железной воли. Далеко не столь восторженный биограф Ричард Осборн лаконично заключает: «Это была наркомания».

Фрейд взял с Шура обещание: когда положение станет совсем безнадежным, а страдания нестерпимыми, тот доступными ему средствами положит этому конец. В конце сентября 1939 г. Фрейд объявил своему личному врачу, что такой день настал. Скрепя сердце, Шур ввел пациенту запредельную дозу морфия. Фрейд погрузился в наркотический сон, из которого уже не вышел. Три дня спустя состоялись похороны. С надгробными речами выступили Эрнст Джонс и Стефан Цвейг, отметившие исключительную роль Фрейда в истории мировой науки и культуры.

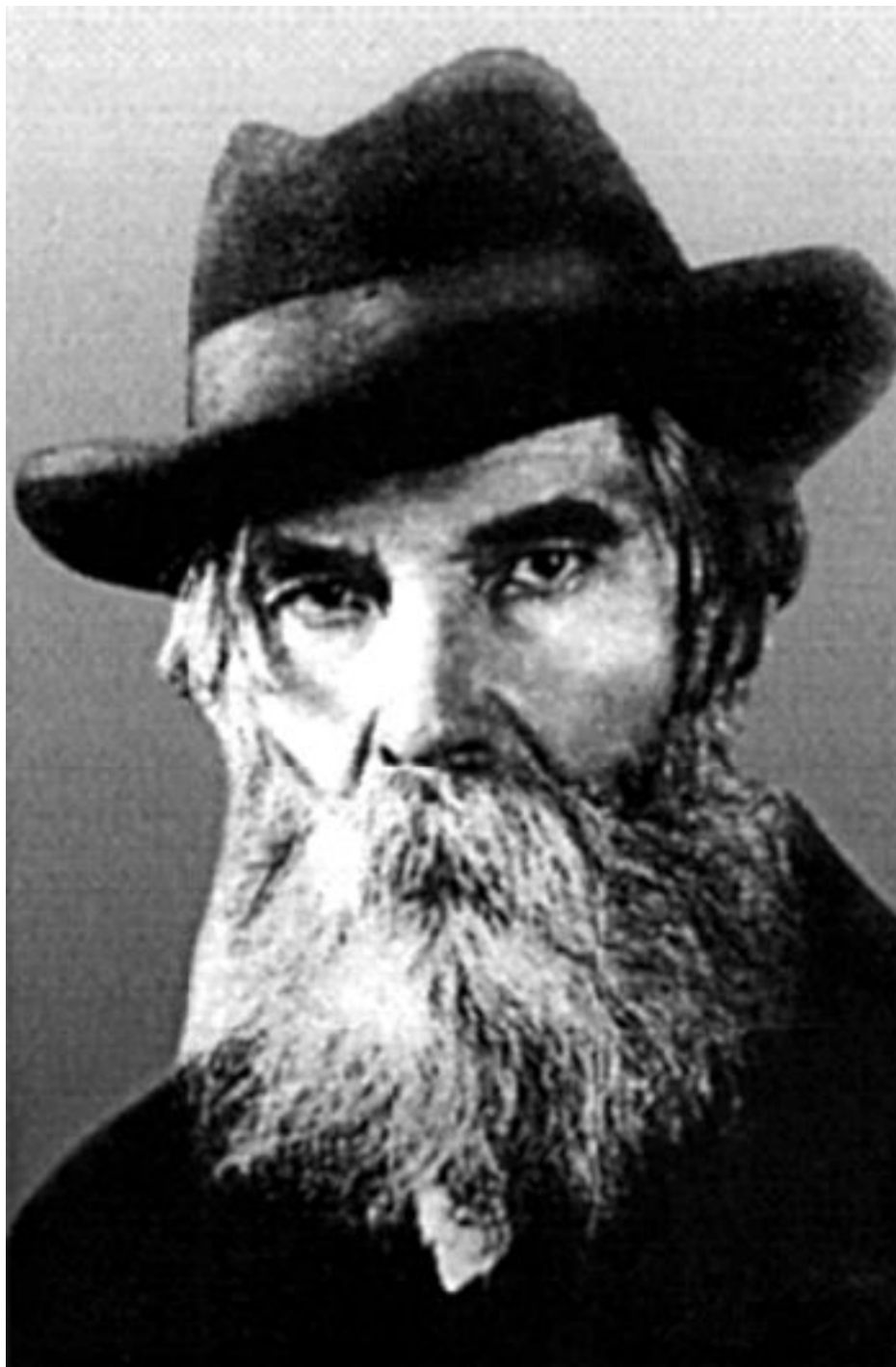
После смерти отец-основатель был фактически канонизирован психоаналитиками, а его отлакированная Джонсом биография превратилась в своего рода житие. Эту несколько кощунственную параллель можно и продолжить. Полное собрание сочинений Фрейда выступило догматом универсального учения, не подлежащим ни критике, ни сомнению. Теория Фрейда была объявлена его последователями безупречной и совершенной. Тем самым, однако, они невольно загнали себя в ловушку: вся их практическая деятельность и теоретические изыскания оказались ограничены строгим каноном, отступления от которого приравнивались к ереси. Наверное, поэтому собственные труды психоаналитиков традиционной ориентации в основном вторичны и далеко не столь популярны, как классические работы Фрейда. Тут невольно вспоминается историческая аналогия: предводитель арабских завоевателей мотивировал свой приказ сжечь богатейшее книжное собрание Александрийской библиотеки такими словами: «Если эти книги соответствуют Корану – они излишни, если противоречат – они вредны».

Парадокс, однако, состоит в том, что на протяжении четырех десятилетий, которые Фрейд посвятил развитию своего учения, психоанализ вовсе не представлял собою раз и навсегда застывший монолит, а претерпевал весьма динамичные перемены. В ранних трудах Фрейда – «Психопатология обыденной жизни», а также «Толкование сновидений» (которое автор считал своей лучшей психоаналитической работой) – еще и речи нет о таких конструкциях, как, например, Эдипов комплекс, без которого фрейдистское учение невозможно представить. Трехступенчатая структура психики была обозначена Фрейдом в работе «Я и Оно», которая увидела свет лишь в 1921 г. К позднейшим новациям Фрейда относится и противопоставление деструктивного Танатоса жизнелюбивому Эросу. Все эти перемены происходили под влиянием клинической практики, в немалой степени – личного жизненного опыта самого Фрейда, а также, безусловно, под влиянием объективных перемен в общественной жизни и умонастроении людей. Сытый венский буржуа рубежа веков, ветеран мировой войны и эмигрант, спасающийся от нацистского террора, терзались совсем разными комплексами, и это не могло не сказаться как на клинической практике, так и на теоретических постулатах психоанализа.

А теперь представим себе, как мог бы преобразиться психоанализ, если бы его основатель прожил еще лет тридцать и увидел Нюрнбергский процесс, Хиросиму, Берлинскую стену, Пражскую весну. Как отнесся бы он к психоделическим изысканиям Тимоти Лири, к экспансии восточного оккультизма и сексуальной революции детей-цветов? Разумеется, верные последователи Фрейда все эти события и явления старались истолковать, исходя из классических постулатов. Однако не приходится сомневаться, что сам классик, проживи он подольше, нашел бы более интересные объяснения.

За годы, прошедшие после кончины Фрейда, мир неузнаваемо изменился. Эти перемены, происходившие и грядущие, похоже, ощущал и сам патриарх психоанализа. В Библиотеке Конгресса США – в спецхране, как сказали бы у нас, – ждут исследователей неопубликованные записки и письма Фрейда, доступ к которым по настоянию родственников закрыт до следующего столетия. Чем вызвана такая секретность? Не тем ли, что позднейшие размышления Фрейда, не успевшие оформиться в печатные труды, содержат переоценку «незыблемых» постулатов?

В.М. Бехтерев (1857–1927)

«Большая советская энциклопедия», пытаясь определить профессиональную принадлежность выдающегося русского ученого, была вынуждена выстроить длинную дефиницию: невропатолог, психиатр, психолог, физиолог и морфолог. То есть в том числе и психолог. Впрочем, там же, в БСЭ, читаем: «В центре научных интересов Бехтерева стояла проблема человека. Решение ее он видел в создании широкого учения о личности, которое было бы основой воспитания человека и преодоления аномалий в его поведении».

По сути дела, все высказывания Бехтерева глубоко психологичны, и его по праву следует назвать одним из первых и наиболее выдающихся психологов России. Не будем забывать, что именно им была основана первая русская психологическая лаборатория. И это – достойный повод для более пристального внимания к его психологическим воззрениям, жизненному пути и научной деятельности. Тем более что отдельные моменты его жизни и творчества по сей день вызывают неоднозначные суждения и противоречивые домыслы.

Характерно, что в «Истории современной психологии» – учебнике для американских университетов, принадлежащим перу Д.П. и С.Э. Шульц, который издан и в переводе на русский язык, – упоминаются имена всего двух российских ученых – И.П. Павлова и В.М. Бехтерева (вероятно, с американской точки зрения, этим вклад России в современную психологию и исчерпывается). Оба удостоены этой чести как предтечи бихевиоризма, не более того.

В этом учебнике лаконичная биографическая справка о Бехтереве указывает, что в 1927 г. он, осмотрев И.В. Сталина, поставил тому диагноз «паранойя», за что и поплатился жизнью. «Существует мнение, что Бехтерев был отравлен по приказу Сталина в отместку за страшный диагноз». Эта крайне малодостоверная версия последние годы активно муссируется в различных изданиях.

В результате у психолога, который пытается составить представление о мировой науке по современным реферативным источникам вроде названного учебника, может сложиться одностороннее, спорное и ограниченное мнение о Бехтереве как о предшественнике бихевиоризма, оппоненте Павлова, крупном психиатре и жертве сталинизма. Иными словами, колоритная, но перевернутая страница в истории науки. Однако взглянем в эту страницу повнимательнее.

К психологии Бехтерев пришел от неврологии и психиатрии, которыми занимался (после окончания Медико-хирургической академии в Петербурге и заграничной стажировки в клиниках Германии, Австрии и Франции) в Казанском университете. Здесь в 1885 г. он организовал так называемую психофизиологическую лабораторию. Это было первое в России психологическое научно-исследовательское учреждение.

При организации лаборатории Бехтерев опирался, в частности, на опыт В. Вундта, с которым познакомился в зарубежной командировке. Однако собственный подход Бехтерева отличался принципиальной новизной.

Для Вундта предметом психологии выступало сознание, а его материальному субстрату – мозгу – внимания не уделялось. Изучение сознания велось субъективно, методом интроспекции – изолированного самонаблюдения специально натренированных экспертов.

Бехтерев, говоря о природе психических процессов, указывал: «Было бы совершенно бесплодно еще раз обращаться в этом процессе к методу самонаблюдения. Только экспериментальным путем можно достичь возможно точного и обстоятельного решения вопроса». Преобладание объективных методов исследования в психологии уже тогда, на ранних этапах творчества Бехтерева качественно отличало его позицию от вундтовской.

Для проведения экспериментов, кроме стандартного лабораторного оборудования, использовались приборы, сконструированные самими сотрудниками лаборатории: большая схематическая модель проводящих путей головного и спинного мозга, выполненная на основе исследований в области анатомии центральной нервной системы (в том числе исследований Бехтерева); пневмограф – аппарат для записи дыхательных движений; рефлексометр – прибор для записи коленных рефлексов; рефлексометр – аппарат для измерения силы коленного рефлекса. Практически все эти приборы и аппараты предложены и сконструированы Бехтеревым.

За относительно небольшой период существования лаборатории ее сотрудники провели и опубликовали около 30 исследований. Собственно психологические разработки занимали небольшую часть их общего объема: исследование М.К. Валицкой, содержащее данные

психометрического изучения больных, страдающих нервными расстройствами; работа Е.А. Геника и Б.И. Воротынского, посвященная психометрическому обследованию людей, находящихся в состоянии гипноза; исследование П.А. Астанкова и М.М. Грана, представляющее результаты измерения скорости психических процессов у испытуемых в разное время дня.

Таким образом, все эти исследования относились к области психометрики и были выполнены на клиническом материале. Их значение чрезвычайно велико: это были, по сути, первые исследования, в которых оформлялись общие принципы организации психологического эксперимента.

Материалистическая позиция Бехтерева отчетливо проявилась в его выступлении на III международном психологическом конгрессе в Мюнхене (1896), где он заявил: «В конце XIX века среди ученых мира еще раздаются голоса, которые снова хотят отбросить психолога в область схоластики и догматики». Ученый подчеркивал также свою приверженность взглядам на развитие психики, ранее высказанным И.М. Сеченовым: «Наш прославленный физиолог Сеченов, первым изучивший в 60-х годах задерживающие центры в мозгу, на вопрос о том, кто должен разрабатывать психологию, дал в результате продолжительной работы ответ – физиологи. На того, кто, не проводя серьезных исследований в качестве физиолога и психиатра, назовет себя в будущем психологом, серьезные люди будут смотреть как на человека, который считает себя архитектором, но не учился в технической школе или в строительной академии. Это мое твердое убеждение».

С позиций сегодняшнего дня совершенно очевидно, что такое убеждение легко довести до абсурда и вульгарно-механистического материализма. По сути дела, рефлексологические изыскания бехтерева отчасти тяготели к этой крайности.

Однако сегодня многие психологи, брезгливо морщась при одном упоминании о материализме, склонны впадать в противоположную крайность. А ведь методологическая позиция Бехтерева – это один из краеугольных камней современной психологии. Невозможно проникнуть в душевный мир человека, игнорируя открытия Дельгадо и Кеннона, Пенфилда и Лурии (кстати, на Пенфилда ссылается столь любимый многими Эрик Берн, Дельгадо цитирует Абрахам Маслоу, и т. д. и т. п.).

Из наследия Бехтерева мы сегодня можем извлечь и еще один важный урок. Не секрет, что в обывательском сознании психология напрямую ассоциируется с диагностикой кармы, коррекцией биополя, ясновидением и снятием порчи. Все это не ново как в истории науки, так и в истории нашей многострадальной страны. Любая переломная эпоха характеризуется повышенным интересом к мистицизму и оккультному вздору.

Похожая картина наблюдалась в России и сто лет назад. В начале XX века при Военно-медицинской академии в Петербурге было создано общество любителей «психизма» для занятий спиритизмом, телепатией и другими мистическими течениями. В его работу пытались вовлечь и Бехтерева. Он дал согласие при условии, что будет разработан устав, определяющий научный характер деятельности общества. При этом предложил назвать его «Российским обществом нормальной и патологической физиологии».

Вскоре Бехтерев стал председателем общества. Главной его целью было изучение еще не получивших объяснения психических процессов. Ученый считал недопустимым отвергать непонятные пока проявления психической деятельности, внимательно следил за тем, чтобы за научный факт не выдавалась досужая выдумка, плод болезненной фантазии или ловкое трюкачество.

Особое внимание Бехтерева привлекла проблема телепатического внушения. Многочисленные опыты дали ученому основание заключить: «Все попытки доказать передачу мыслей на значительном расстоянии рушатся тотчас же, как только их подвергают экспериментальной проверке, и в настоящее время не может быть приведено в сущности ни одного строго проверенного факта, который говорил бы в пользу реального существования телепа-

тической передачи психических состояний. Поэтому, не отрицая в принципе дальнейшей разработки вышеуказанного вопроса, мы должны признать, что предполагаемая некоторыми подобная передача мыслей на расстоянии при настоящем состоянии наших знаний является совершенно недоказанной».

Перед нами поучительный пример объективности и подлинного научного мужества перед лицом обывательских суеверий. Ведь нам и сегодня приходится постоянно напоминать себе, что психологи и создатели сериала «Пси-фактор» работают в разных плоскостях и преследуют разные цели. Тому, кто это не до конца осознал, лучше попытаться найти себя не в психологии, а в черно-белой магии.

В 1907–1912 гг. увидела свет «Объективная психология» Бехтерева. Она была переведена на немецкий, французский, английский языки и стала важной вехой в истории современной психологии, что отмечают и зарубежные исследователи (Флюгель, Р. Уотсон, Боринг и др.). Впоследствии Бехтерев выдвинул программу создания новой науки, названной им рефлексологией. На основе экспериментальных работ по изучению сочетательных, то есть вырабатываемых прижизненно двигательных рефлексов, совокупность которых была названа соотносительной деятельностью, Бехтерев сделал вывод о том, что именно эта деятельность должна стать объектом изучения как воплощение строго объективного подхода к психике.

В отличие от бихевиористов, Бехтерев не сводил предмет психологии к поведению, не игнорировал феномены сознания. Его подход страдал некоторым механицизмом, особенно в анализе социальных явлений, но включал и перспективные линии развития наук о человеке.

Сегодня нам доступны многочисленные труды В.М. Бехтерева по широкому кругу психологических проблем. Это не просто памятник научной мысли, а подлинный источник вдохновения для ищущих умов. Однажды сказано: «Прочитанная книга – твой капитал, твои мысли по поводу прочитанного – проценты с капитала». Наследие Бехтерева сулит нам огромные возможности такого обогащения.

А. Бине (1857–1911)

В истории психологии известно немало примеров того, когда имя выдающегося ученого и мыслителя оказалось прочно связано с созданным им исследовательским или диагностическим методом, хотя этот метод был лишь одной из его конкретных разработок, служащей для уточнения какого-то аспекта его учения. Так, Ганс Айзенк преимущественно известен как автор популярных опросников, а его теория личности, которую и призваны были подтвердить данные опросников, столь широкого признания не получила. Генри Мюррей известен как создатель всемирно популярного ТАТ, но мало кто может похвастаться знанием той теории, которую данные этого теста призваны иллюстрировать. То же можно сказать про Леопольда Сонди, чей тест достаточно широко известен, а лежащая в его основе теория прочно забыта. Но первый и, пожалуй, самый известный пример такого рода – Альфред Бине. О шкале Бине-Симона знает сегодня любой третьекурсник психфака (в 1984 г. журнал *Science* отнес ее к 20 главным изобретениям XX столетия), но далеко не каждый профессор психологии знает хоть что-нибудь еще о ее создателе, разностороннем исследователе и мыслителе. Постараемся восполнить этот пробел. Тем более, что многое из наследия Бине и современному психологу может оказаться интересно и полезно.

Альфред Бине, единственный сын врача и художницы, родился 11 июля 1857 года в Ницце. Вскоре после его рождения родители расстались, и Альфред воспитывался одной матерью, вместе с которой в возрасте 15 лет переселился в Париж. Здесь он поступил в престижный юридический колледж, окончание которого впоследствии позволило ему получить степень доктора юриспруденции и лицензию, дававшую право на адвокатскую практику. Однако Бине, будучи человеком весьма обеспеченным, отказался от открывавшихся перед ним перспектив и предпочел продолжить свое образование, вернее – самообразование, которому он с упоением предавался в стенах Национальной библиотеки. На этом основании некоторые авторы биографических очерков о Бине называют его психологом-самоучкой. Впрочем, такое определение подходит почти любому пионеру экспериментальной психологии, ибо в конце XIX века психологическое образование как таковое практически не существовало.

Чтение трудов Джона Локка, Чарлза Дарвина, Александра Бэна, Джона Стюарта Милля возбудило у Бине живой интерес к психологическим проблемам. Интересно отметить, что Бине, владевший английским языком почти так же свободно, как родным французским, предпочитал английских авторов, а немецких, чьи труды прочесть в оригинале затруднялся, – практически игнорировал.

В 1882 г. Бине познакомился с Ж.-М. Шарко и приступил под его руководством к научным исследованиям в клинике Сальпетриер. Это сотрудничество продолжалось 7 лет, на протяжении которых Бине демонстрировал полную солидарность с научной позицией своего руководителя. (Следует отметить, что влияние Шарко испытали многие психологи той поры, а З. Фрейд, стажировавшийся в Сальпетриер примерно в ту же пору, даже назвал в честь Шарко одного из своих сыновей). В 1886 г. были опубликованы первые психологические труды Бине – «Психология умозаключения» и «Животный магнетизм», которые вскоре (соответственно в 1889 и 1890 гг.) были переведены и на русский язык. Однако в отличие от того же Фрейда, сохранившего на всю жизнь благоговение перед Шарко, Бине постепенно разочаровался в научной доктрине «Наполеона невров» и в 1890 г. решился публично выступить с ее критикой, указав, что экспериментальные данные ее не подтверждают.

Естественно последовавшее за этим увольнение из Сальпетриер не оставило, однако, Бине безработным. В 1891 г. он случайно – на железнодорожной платформе – познакомился с Анри Бони, директором психологической лаборатории Сорбонны, и предложил ему свои услуги, причем совершенно безвозмездно. Бескорыстие Бине подкупило Бони, и он взял его своим ассистентом. В этой должности Бине и проработал (жалования, как и договорились, не получая) до последовавшей в 1894 г. отставки Бони, которого он и сменил на посту директора лаборатории. (Как видим, бескорыстие иной раз окупается сторицей!) На этом посту Бине бессменно пребывал до самой смерти. Занимался он и преподавательской деятельностью, причем сумел снискать репутацию блестящего лектора. Однако эта работа его не слишком увлекала, и от нескольких предложений занять профессорский пост в том или ином университете от без колебаний отказывался.

В 1894 г. Бине выступил одним из основателей журнала «Психологический ежегодник» (*L'Annee Psyuchologique*), который по сей день является психологическим журналом № 1 во Франции, и занял пост его главного редактора. Примерно в то же время он принял лестное предложение из-за океана и вошел в редколлегия американского журнала «Психологическое обозрение» (*Psychological Review*).

В 1899 г. Бине был приглашен войти в состав вновь созданного Свободного общества по изучению ребенка. В ту пору французская система образования переживала драматические перемены в связи с введением обязательного школьного обучения для детей в возрасте до 14 лет. Становилось очевидно, что традиционные педагогические доктрины плохо применимы в условиях массового обучения. Общество ставило своей задачей содействие психологическому обоснованию процессов воспитания и обучения. (С этой же целью, в частности, Бине совместно с Ф.Бюиссоном в том же году основал лабораторию экспериментальной педагогики.)

Бине, интересовавшийся широким кругом психологических проблем, со временем все большее внимание уделял проблемам детской и педагогической психологии. Основу его знаменитой книги «Экспериментальное изучение интеллекта» (1903) составили длительные, длившиеся три года наблюдения над учащимися начальной школы, а также, что особенно интересно, над двумя собственными дочерьми – Маргаритой и Армандой⁵. Тщательно организованное исследование с использованием 20 различных методик (описание предметов, запоминание чисел, сочинение на заданную тему и др.) позволило Бине сделать обоснованный вывод о том, что его дочери принадлежат к разным мыслительным типам. Маргариту он определил как тип наблюдательный, или объективный. Образы, возникавшие у нее, были четкими и конкретными, преобладали ассоциации по смежности, выбор предпочитаемых слов относился к предметам, воспринимавшимся в данный момент или взятым из ближайших воспоминаний. У Арманды образы были расплывчатыми и фантастичными, преобладали ассоциации по сходству, предпочтение она отдавала словам абстрактным, редко употребляемым. Нередко из области фантазии. Поэтому Арманду отец-исследователь отнес к типу фантазирующему, или субъективному.

Отмечая различие этих двух типов, Бине не считал преграду между ними непреодолимой, не рассматривал их как врожденные и неизменные. По его мнению, различия между типами в значительной мере могут быть сглажены педагогическим воздействием. Дальнейшие исследования подтвердили это предположение.

Проведенные исследования заставили Бине все больше разочароваться в принятых методах определения умственного развития, каковыми в ту пору преимущественно высту-

⁵ При знакомстве с разными источниками выявляются необъяснимые разночтения: в некоторых публикациях отчего-то упоминаются иные имена – Маделина и Алиса. К сожалению, истину трудно установить, не имея возможности обратиться к французскому оригиналу труда Бине (русский перевод отсутствует).

пали школьные оценки в сочетании с измерением остроты чувствительности (поклон сэру Гальтону!), краниометрией (идеи Галля еще не вышли из моды) и т. п. В 1905 г. в статье «По поводу измерения интеллекта», опубликованной в «Психологическом ежегоднике», Бине подверг резкой критике существовавшие методы. Взамен их он рекомендовал определять уровень развития интеллекта по образовательному уровню, достигнутому ребенком данного возраста, и предложил шкалу для измерения интеллекта. Непосредственным поводом для ее разработки была необходимость тщательного отбора детей во вспомогательные школы. Совместно с Т.Симоном, с которым Бине активно сотрудничал с 1899 г. до конца своей жизни, он разработал шкалу для определения уровня умственного развития и опубликовал ее в «Психологическом ежегоднике» в 1908 г.

Строение этого первого в мире теста интеллекта психологам хорошо известно и не требует подробных разъяснений. Следует лишь отметить, что Бине, предлагая свою шкалу, настойчиво предупреждал: ее применение в обязательном порядке требует тщательного анализа результатов, подробного их комментария, сопоставления с иными диагностическими данными. В противном случае, по мнению Бине, предложенная им процедура утрачивает всякую ценность. Столь же высокие требования он предъявлял к квалификации экспериментатора. Важно также отметить указание Бине на то, что недопустимо смешивать уровень умственного развития, измеряемый с помощью его методики, с так называемыми школьными способностями, которые включают не только интеллект, но и внимание, желание учиться (в современной терминологии – мотивацию учения), характерологические особенности ребенка. В оценке интеллектуальных характеристик ученика следует учитывать сложный комплекс врожденного интеллекта, школьных знаний, жизненных наблюдений и языковой компетентности.

Вторую редакцию своей шкалы Бине опубликовал незадолго до своей безвременной кончины (он умер в 1911 году в возрасте 54 лет). Нет сомнения: проживи он дольше, то и далее продолжал бы совершенствовать свой метод. Увы, за него это сделали другие, причем во многом вопреки его замыслам. В 1912 г. В.Штерном было предложено понятие коэффициента интеллекта, использованное Л.Терменом в его Стэнфордской редакции шкалы Бине, которая и получила всемирную известность. Вряд ли сам Бине одобрил бы такую трактовку. Ведь задолго до Штерна идея численной квантификации ума высказывалась В.Вундтом. Бине отнесся к этому крайне негативно. Он заявил: природа ума слишком сложна, чтобы ее можно было выразить одним числом. Так что во всех последовавших издержках тестирования IQ Бине не виноват, более того – совершенно к ним не причастен. Его попытка найти для каждого возрастного периода задачи, показательные для умственного развития детей на данном этапе, не может вызвать возражений.

Результаты наблюдений и экспериментов Бине в области детской и педагогической психологии наиболее полно представлены в его книге «Современные идеи о детях» (1908). Из трудов Бине эта книга приобрела наибольшую популярность. Сразу после выхода в свет она была переведена на русский язык. Книга появилась в тот период, когда в большинстве стран Европы и в Америке очень остро стоял вопрос о взаимоотношении традиционной и новой педагогики, основанной на использовании данных экспериментальной психологии. Содержание новой педагогики было еще весьма неопределенным, возможности и границы применения эксперимента были не обозначены. Об этом свидетельствует само разнообразие терминологии, применявшейся для ее названия, – «экспериментальная педагогика», «педагогическая психология» «педология» и др. Издавалось довольно много литературы, имевшей разную научную и практическую ценность. Разобраться в этом вопросе, определить, какие работы достойны внимания и применения в практике обучения, а какие должны быть отринуты, какие из предлагаемых методов могут привести к прогрессу обучения, а какие нет, было нелегко. Бине предпринял попытку дать ответ на эти вопросы, опираясь на свой

многолетний опыт исследовательской работы. Поэтому он свой труд определил как «книгу итогов». Такое определение кажется странным для пятидесятилетнего ученого. Увы, оно оказалось верным.

К решению проблем образования с точки зрения старой, традиционной, и новой, экспериментальной педагогики Бине подходил очень осторожно, стараясь объективно оценить достоинства и недостатки каждого подхода. «Это старое – значит лучшее», – так говорят глупцы. «Это новое – значит лучшее», – говорят другие глупцы». Под этим ироничным современным афоризмом Бине, наверное, охотно подписался бы. Традиционная педагогика складывалась эмпирически, ее правила и приемы вырабатывались для решения реальных, жизненно важных вопросов, соприкасались непосредственно со школьной действительностью. Бине признавал за такой педагогикой определенные достоинства, сравнивая ее со старой телегой, которая скрипит и движется очень медленно, но все-таки везет. Достоинство новой, научной педагогики состоит в том, что она выдвинула на первый план психологию ребенка и стремление найти точные методы его изучения и обучения, соответствующие детской природе. Однако на деле полученные экспериментальные данные нередко оказываются малоприменимыми и вызывают разочарование практических работников. Характеризуя эту ситуацию, Бине сравнил экспериментальную педагогику со сложной машиной, с первого взгляда поражающей воображение, однако составные части которой как будто бы не приспособлены друг к другу, и машина имеет один недостаток: она не работает. Поэтому Бине считал не только возможным, но и необходимым найти золотую середину, признать за каждой свои функции. «Нам представляется нетрудным, – писал он, – примирить эти две тенденции, так как мы предъявляем различные требования к старой и новой педагогике. Старая педагогика должна нам дать проблемы, подлежащие изучению; новая педагогика укажет нам способы изучения». По существу, это суждение Бине по сей день сохраняет свою научную и житейскую мудрость.

Задачу своей книги Бине видел в том, чтобы помочь педагогу не только понять ребенка, но и построить обучение так, чтобы подготовить его к будущей жизни, помочь ему найти свое место в обществе. С этой точки зрения, по его мнению, и следует оценивать, хорошо или дурно построено образование. При этом всегда следует иметь в виду интересы обеих сторон: и индивида, и общества. Анализируя некоторые статистические данные о судьбе школьников в послешкольной жизни, Бине пришел к заключению, что хорошо успевающие школьники сумели лучше устроить свою жизнь в дальнейшем. Это обусловлено тем, что школьная и социальная жизнь подобны друг другу, подвергаются влиянию одних и тех же факторов. К числу факторов несомненно влияющих на успех человека в школе и жизни, Бине отнес три главных – здоровье, ум и характер. Определенную роль играет и четвертый фактор – имущественное положение, дающее возможность успешно реализовать природные потенции. Поэтому содержание школьного образования должно соотноситься с особенностями и возможностями учащихся, с их темпераментом и характером, а также учитывать экономические условия, в которых будет протекать их жизнь. Так как школьные и жизненные успехи во многом координируются, очень важно уделять самое серьезное внимание правильной оценке школьной успеваемости.

Это и побудило Бине скрупулезно заняться разработкой методов объективной оценки успешности обучения. Предложенная им система основывалась на двух принципах: 1) содержание экзаменационных вопросов не должно иметь случайного характера; оно должно слагаться из системы вопросов, имеющих неизменное содержание и строго соразмеряющих степень трудности; 2) достигнутые ребенком успехи должны оцениваться не по субъективным меркам экзаменатора («хорошо», «удовлетворительно» и т. п.), а сравниваться со средней успешностью детей того же возраста и того же социального положения, посещающих те же школы. Таким путем определяется не только успешность учения, но и умственное и

физическое развитие ребенка. Это сразу дает возможность понять, соответствует ли ребенок норме, опережает ее или отстает.

Но одного установления успешности или неуспешности учения и развития ребенка недостаточно. Постановка диагноза, по убеждению Бине, составляет лишь половину дела. Педагогика в известном смысле подобна медицине, которая включает не только диагностику, но и лечение. Необходимо помочь школьнику преодолеть имеющиеся у него недостатки. И в этом случае подход должен быть сугубо индивидуальным. Найдя причину отклонения в развитии ребенка, надо искать наиболее подходящие средства для устранения недостатков. В этих целях надо поочередно исследовать физическое состояние ребенка, его органы чувств, его умственные способности, его память и характер. В такой последовательности Бине и рассматривает в своей книге каждый из этих вопросов.

Значительное место в книге занимает проблема умственных способностей школьников, возможность их измерения и воспитания. Указывая на несовершенство детского ума, Бине вместе с тем утверждал и возможность его совершенствования. Он был убежден, что воспитание интеллекта возможно и необходимо. «Интеллект любого лица способен к развитию: упражнением и настойчивостью, а особенно методичностью можно сделаться в буквальном смысле более умным, чем раньше... Я бы еще прибавил, что для разумного образа действий не столько важен объем способностей, сколько манера пользования ими, – так сказать, интеллектуальное искусство, а это искусство необходимо должно изощряться вместе с упражнением». Поэтому первостепенная задача школы заключается в том, чтобы научить ребенка учиться.

В этих целях под руководством Бине была разработана система упражнений по так называемой умственной ортопедии. В качестве важнейшего требования она предусматривала активность самого учащегося. Суть предлагаемого подхода заключалась в стремлении создать из ученика деятеля, вместо того чтобы превращать его в слушателя. («Новаторы», ау! Вот уж поистине – «хорошо забытое старое»...)

В то же время, поощряя активный характер обучения, Бине вовсе не отрицал, что многое достигается путем заучивания. Отсюда следовала и высокая оценка роли памяти в успешности обучения. «Учиться – значит упражнять свою память, приобретать воспоминания; кто имеет слабую память, тот не выучивается почти ничему или выучивается плохо». Важно лишь, чтобы интеллект и память находились в гармонии. Память Бине образно сравнивал с полем, подлежащим обработке, а интеллект уподоблял капиталу, необходимому для этого. «Нужно желать, чтобы память следовала за развитием интеллекта и соизмерялась с ним», – писал он.

Природа оделяет людей памятью в разной мере. Педагогу необходимо учитывать это обстоятельство. Применяя приемы, измеряющие память, учитель сможет лучше соразмерять задаваемые уроки со способностями учеников, не будет наказывать ребенка с плохой памятью за ленность и т. п.

Рассмотрев различные виды мнемической деятельности, Бине наметил обширную программу воспитания памяти. Она включала целую систему упражнений. Особенно настаивал он на постепенном усложнении этих упражнений.

Не обошел вниманием Бине и вопрос о соотношении умственных способностей. Темпы развития разных способностей могут быть различны. Поэтому нельзя делать скоропелых выводов о способностях ребенка и планировать его дальнейшую судьбу. Бине выступал против ранней специализации. Столь же осторожным он советовал быть в решении вопроса о соотношении специальных способностей и общего образования: «Полезно уделять известное место общему образованию в тех случаях, когда природные данные ученика позволяют ему усвоить его; но необходимо также пользоваться в качестве рычага образования специальными способностями, если они достаточно резко выражены».

Завершается книга главой о нравственном воспитании. Обращение Бине к этой проблеме не случайно. Он был убежден, что забота о нравственном здоровье так же важна, а может быть и важнее, как забота о материальном благополучии, ибо именно нравственной силе «принадлежит руководство миром».

Много внимания Бине уделял также умственно отсталым детям. Его интересовали их психологические особенности, специфика их обучения и воспитания, в известной мере их трудоустройство. Совместно с Т.Симоном им была написана книга «Ненормальные дети», явившаяся руководством для отбора детей во вспомогательные школы. Указывал он и на такое явление, как «мнимо неспособные дети»: ребенок может лишь в силу не зависящих от него причин казаться неспособным, тогда как при соответствующих условиях он вполне способен нормально учиться в обычной школе. Впоследствии к таким детям стали применять понятие «педагогическая запущенность».

В последние годы жизни Бине стал много заниматься проблемами патопсихологии, продолжая сотрудничество с Т.Симоном. Ими были описаны психологические признаки различных душевных болезней. Очень важное значение придавали они отношению больного к своим психическим отклонениям. Например, галлюцинация не является свидетельством патологии, если человек отдает себе отчет в том, что это галлюцинация, и она не нарушает общего хода его душевной жизни. Бине было сделано множество тонких психологических наблюдений над душевнобольными и их отношением к своей болезни.

Бине был создан также ряд оригинальных работ и по другим проблемам – по проблеме внушаемости, умственного утомления, по психологии шахматистов и феноменальных счетчиков, по психологии искусства и судебной психологии, и др.

За свою недолгую жизнь пионер французской экспериментальной психологии сумел очень много создать как в научном, так и в организационном плане. Многие его труды в начале прошлого века были переведены на русский язык. Увы, сегодня мало надежды на их переиздание. (Единственное исключение – недавнее переиздание книги «Ненормальные дети». Наверное, никакая другая издателем в руки не попала. Да и название ради политкорректности и рыночной привлекательности пришлось поменять на... естественно, «Измерение умственных способностей»). Похоже, занимавшие Бине проблемы перестали рассматриваться как приоритетные современными психологами. А жаль...

Н.Н. Ланге (1858–1921)

Вышедшее недавно в серии «Психологи отечества» новое издание трудов Н.Н. Ланге не привлекло особого внимания психологического сообщества. Наша историческая память, увы, коротка. Сегодня даже те немногие, кто слышал это имя, путают Н.Н. Ланге с его однофамильцем – датским физиологом К.Ланге – и считают его соавтором известной теории эмоций. Наш знаменитый соотечественник вошел в историю как создатель совсем другой теории – так называемой моторной теории внимания. Не говоря уже о том, что он по праву считается одним из основателей экспериментальной психологии в России. Впрочем, это был мыслитель широкого гуманитарного профиля, автор работ по философии, логике, педагогике, истории культуры, видный организатор науки, активный участник общественного движения по коренному обновлению русской жизни. Но приоритетной областью была для него главная наука о человеке – психология. Вклад в разработку ее проблем и определил его научную судьбу. Он пришел в эту область, когда из раздела философии она превратилась в самостоятельную дисциплину, ориентированную на методы стремительно развивавшегося естествознания. Обращение Ланге к проблемам психологии произошло под влиянием идейной атмосферы пореформенной России, где не умолкали споры о душе, о движущих силах поведения человека. Так запросы исторической логики развития психологического знания, с одной стороны, и запросы социокультурной среды, в которой Ланге формировался как ученый, с другой, обусловили его творческий путь.

Николай Николаевич Ланге родился в Петербурге 12 (24) марта 1858 г. в семье профессора Военно-юридической академии. Окончив с золотой медалью гимназию, он в 1878 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Это были годы революционного подъема, когда активность охотившихся за царем народников достигла апогея. В первый же год учебы студент Ланге принял участие в революционной сходке, за что был предан университетскому суду. К счастью, на его судьбу этот инцидент серьезно не повлиял и не помешал блестяще завершить университетское образование. Не исключено, что серьезная острастка удержала его от того, чтобы присоединиться к стану бомбистов (иных юных интеллигентов авантюрные страсти привели на виселицу), и побудила впоследствии предпочесть менее радикальные формы борьбы за социальное переустройство.

По окончании историко-филологического факультета Ланге был оставлен в университете при кафедре философии (этому способствовало то, что еще на IV курсе он был удостоен университетской золотой медали за блестящую работу «Учение Лейбница и его полемика с Локком»), а затем в 1883 г. направлен на стажировку в Германию и Францию. Здесь он продолжал свои историко-философские штудии, итогом которых стала диссертация «История нравственных идей XIX века» – за нее он в мае 1888 г. был удостоен звания магистра философии. В том же году была опубликована на немецком языке (для образованных людей той поры свободное владение европейскими языками было нормой) его работы «К теории чувственного внимания и активной апперцепции». Эта работа обобщала результаты экспериментов, проведенных Ланге в лаборатории «отца экспериментальной психологии» Вильгельма Вундта.

Важно отметить, что приехав в Лейпциг в качестве стажера к Вундту, Ланге не принял ни одну из его методологических ориентаций – ни учение о параллельности психических и физических процессов (психофизический параллелизм), ни принцип психической причинности, согласно которому психические явления определяются психическими же, и только

ими, ни волюнтаризм, возведший волю в высшую силу души, для которой «нет закона». Под знаком этих концепций шла работа в Лейпцигском институте Вундта, ставшем в тот период главным международным центром психологических исследований. Но не для освоения этих концепций Ланге приехал к Вундту. У него еще ранее, на родине, сложились представления, противоположные вундтовским. Он отверг представление о сознании как замкнутом в себе внутреннем мире, о воле как действующем из глубины этого мира первоначально и другие постулаты лейпцигского профессора. Ланге, имевшему философское образование, но не имевшему навыков лабораторной работы, важно было ими овладеть, чтобы реализовать свой собственный план экспериментов, на которые он рассчитывал в поисках обоснования своих теоретических представлений.

Приступив к психометрическим опытам (так назывались тогда исследования времени реакции), Лланге поставил перед собой задачу наугад реальные детерминанты акта внимания. Предпосылкой этого стал принципиально новый методологический подход, отразивший общую переориентацию мировой психологической мысли на эволюционно-биологический способ объяснения ее объектов. Взамен отношения сознания к организму на передний план выступило его отношение к системе «организм – среда». Взаимодействие организма со средой происходит посредством двигательной активности. Если прежде эту активность выводили из интеллектуальных, эмоциональных, волевых операций, то теперь эти зависимости меняются и сами эти операции выступают в качестве производных от мышечных процессов. Зарождаются моторные теории различных психических процессов.

Одним из пионеров этого направления выступил Ланге. Им была предложена моторная теория внимания – феномена, в котором внутренняя активность и избирательность сознания выступают в концентрированном виде. Моторная теория внимания Ланге явилась антиподом трактовки внимания, запечатленной в вундтовском понятии об апперцепции. Исходным и фундаментальным является, согласно Ланге, произвольное поведение организма, имеющее биологический смысл, который заключается в том, что посредством мышечных движений организм занимает наиболее выгодную позицию по отношению к внешним объектам с тем, чтобы воспринять их возможно яснее и отчетливее. Предметом специального экспериментального изучения Ланге сделал произвольные колебания внимания при зрительном и слуховом восприятии. Этот феномен и его объяснение, предложенное Ланге в работе 1888 г., вызвали в психологической литературе оживленную дискуссию, в которую были вовлечены лидеры тогдашней западной психологии – В.Вундт, У.Джемс, Т.Рибо, Дж. Болдуин, Г.Мюнстерберг и др.,

Моторная теория внимания Ланге принесла ему широкую известность на Западе. Публикация, в которой она излагалась, получила высокий индекс цитирования. Прочно став на почву биологического детерминизма, Ланге отверг любые трактовки внимания и воли, основанные на древнем, восходящем к августину постулате о том, что первопричиной этих процессов является внутренняя активность души.

В ноябре 188 г. Ланге был назначен на должность приват-доцента в Новороссийский (ныне Одесский) университет по кафедре философии. Наряду с чтением лекций он работал в физиологической лаборатории П.Спиро – ученика и последователя И.М. Сеченова. Здесь он продолжил начатые за рубежом эксперименты. В одном из писем жене ученый сообщал, что для завершения опытов об ощущении движения ему потребовались некоторые инструменты. Он нашел их в лаборатории Спиро, который отвел Ланге отдельную комнату, ставшую вскоре «кабинетом экспериментальной психологии».

Одесса той поры была крупным культурным центром юга России. С этим городом многие годы была связана жизнь Ланге. С ноября 1888 г. и до самой смерти он проживал в Одессе, работая в Одесском университете и других учебных заведениях города. Весьма продуктивными были первые годы его работы. В 1889 г. он издает учебник логики, впоследствии

удостоенный малой золотой медали. В 1890 г. в центральном журнале «Вопросы философии и психологии» выходит его статья «Элементы воли», а в 1891 г. в журнале «Русская школа» – статья «Механизм внимания». В 1893 г. Ланге обобщил результаты своих исследований, представив их в качестве докторской диссертации «Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания». Эта работа Ланге ознаменовала начало открытой борьбы за утверждение экспериментального метода в отечественной психологии. В своей диссертации он подчеркивал необходимость создания при русских университетах кабинетов экспериментальной психологии, обосновывая это: «1) современным положением научной психологии, 2) примером университетов Германии, Франции, Соединенных Штатов Северной Америки и др., 3) пользой, имеющей отсюда произойти, как практической для педагогов, врачей, так и теоретической для дальнейшего развития наук антропологических в широком смысле этого термина».

Получив диплом доктора философии в 1893 г., а затем и звание экстраординарного профессора, Ланге перешел от общих соображений о необходимости организации самостоятельных психологических лабораторий к реализации этого проекта в стенах Новороссийского университета. Его лаборатория преследовала цели развития психологии как объективной науки и преподавания ее как учебной дисциплины. Организованная по таким принципам при кафедре философии в 1896 г., она стала по сути первой самостоятельной экспериментальной психологической лабораторией в России.

Занятия общей психологией (в частности, проблемами внимания и восприятия) Ланге сочетал с изучением психического развития детей. Об этом говорит его небольшая книга «Душа ребенка в первые годы жизни».

Не ограничиваясь академической деятельностью, он живо откликался на общественные запросы. В течение нескольких лет он, председательствуя в историко-филологическом обществе при Новороссийском университете, создал при нем педагогический отдел, ставший центром научно-методической и общественной работы учителей начальной и средней школы. Отдел направлял и организовывал деятельность учительства, обсуждал наиболее актуальные проблемы образования, в частности связанные с назревшей реформой школы. В марте 1905 г. на одном из заседаний отдела Ланге выступил с речью «В чем должна состоять реформа нашей школы». Он критически оценил систему классического образования, осудил бюрократический режим школы, ратовал за отмену цензуры, за доступность образования для всех слоев населения. «Стремление удержать младшие классы на низших ступенях образования в результате неизбежно приводит к общей остановке в развитии страны, к тому, что высшие силы, лишённые постоянного прилива новых жизненных сил и талантов снизу, приходят к истощению и вырождению, – говорил он, – ограничение же прав просвещения известным народностям всегда порождает внутреннюю ненависть, так что страна всегда будет заключать в себе неисчерпаемый фонд разрушительных сил».

В последующие годы Ланге страстно защищал принцип общедоступности образования, доказывая, что школа призвана пробуждать у детей научные интересы, учить их мыслить. Став председателем школьного комитета при городской думе, Ланге непосредственно занимался организацией деятельности одной из начальных школ, где, осуществляя идеи Песталоцци, предпринял попытку реализовать принципы трудового обучения. Так что, как видим, первые психологи пришли в отечественную школу отнюдь не вчера, еще в начале прошлого века, когда и психологов-то были единицы. Но каких!

Занимаясь активной общественной деятельностью, Ланге не переставал быть ученым. Он редактировал книги, писал отзывы на работы как признанных ученых, так и начинающих студентов, вел экспериментальные и теоретические исследования. Его отзывы на работы «Теория познания Локка и полемика против нее Лейбница» (1899), «Учение Канта о пространстве и времени» (1901), «Основание философии Вундта» (1904) и др. Сами по себе

представляют серьезные научные исследования. Немалый интерес вызывали его публичные лекции «Современная экспериментальная педагогика» (1909), «Об играх животных и людей в связи с вопросом о происхождении искусства» (1909) и др.

На кончину Ланге (15.02.1921) откликнулся сотрудничавший с ним и сменивший его на кафедре психологии Одесского университета С.Л. Рубинштейн. В своем некрологе он отнес Николая Николаевича к ученым, труды которых не исчерпали их творческого потенциала. У ученых такого типа «всегда чувствуется какая-то, не сполна еще реализовавшаяся возможность, какая-то сила, которая не исчерпала себя в действии и которой не измеришь произведенной ей работой».

Дж. Дьюи
(1859–1952)

Пытаясь определить сферу деятельности Джона Дьюи, авторы энциклопедий и биографических словарей предпочитают тройственную дефиницию – «американский философ, психолог и педагог». Действительно, Дьюи с интервалом всего в несколько лет возглавлял сначала Американскую Психологическую Ассоциацию (1899–1900), затем Американское философское общество (1905–1906), а с целью объединения усилий педагогов и общественности в деле воспитания им была основана Ассоциация родителей и учителей. Кого-то, наверное, поразят и восхитят столь разносторонние достижения. На самом деле восхищения достойно их нерасторжимое единство. Так, кафедра, которую Дьюи на протяжении десяти лет (1894–1904) возглавлял в Чикагском университете, представляло собой уникальное явление – это была объединенная кафедра философии, психологии и педагогики.

Унылое зрелище являет собой педагог, игнорирующий психологию. Жалок психолог, пренебрегающий философией. Скучен философ, чьи рассуждения не вплетаются в живую ткань психологического исследования и школьного дела. Дьюи не был ни уныл, ни жалок, ни скучен. Это был поистине выдающийся мыслитель и ученый.

На праздновании его семидесятилетнего юбилея в Колумбийском университете один из выступавших, профессор Герберт В. Шнейдер позволил себе вольную импровизацию на тему античной мифологии. Вот его рассказ.

Когда великая Эллада пришла в упадок, ее боги покинули Олимп и разбрелись по свету в поисках нового пристанища. Игривый Пан, воплощение вольности и жизнелюбия, после долгих странствий облюбовал лесистые холмы Новой Англии и поселился на западных склонах. Там он повстречался с Логосом, воплощением рациональности и порядка, избравшим восточный склон. Частенько сходились они на вершине и ожесточенно спорили. Не найдя компромисса, они захотели найти третье божество, которое разрешило бы их противоречие. Однако никого из Олимпийцев в западном полушарии повстречать не удалось. Тогда Пан предложил соединиться в одном теле. «Боюсь, – возразил Логос, – тогда не станет двух замечательных богов». «Зато, – усмехнулся Пан, – получится на редкость толковый человек». Так появился на свет Джон Дьюи, земная инкарнация непримиримых древних божеств.

Дьюи родился 20 октября 1859 г. в городке Берлингтон, шт. Вермонт, в семье владельца табачной фабрики. Там же, в родных краях, он получил высшее образование – закончил в 1879 г. университет штата Вермонт и со степенью бакалавра поступил на работу в среднюю школу. Так что педагогика выступила его первичным интересом, философией он заинтересовался уже в школе, а философия и психология в ту пору были нерасторжимы. Например, крупнейший американский мыслитель той поры, Уильям Джемс, выступавший непререкаемым авторитетом для Дьюи, параллельно разрабатывал психологические идеи (воплощенные, в частности, в его знаменитых «Беседах с учителями о психологии») и философские представления, составившие ядро концепции прагматизма.

Опираясь на идеи Джемса, Дьюи разработал собственный вариант прагматизма – так называемый инструментализм. Различные виды человеческой деятельности он рассматривал как инструменты, созданные человеком для решения индивидуальных и общественных проблем. Познание он трактовал как сложную форму поведения, в конечном итоге – средство борьбы за выживание, а критерием истины считал практическую эффективность, полезность. В силу этого не существует неизменных истин. То, что для одного человека истинно, может быть ложным для другого; то, что было для человека истинно вчера, может уже не быть таковым сегодня. Таково неперемненное условие приспособления к меняющимся условиям существования.

Понятие изменчивости – одно из ключевых в философии Дьюи. Соответственно, разум определяется им как *мысль в действии*, ориентированная на происходящие в жизни перемены.

Говорят, истина глаголит устами младенца. Отец пятерых неугомонных детей, Дьюи постоянно сталкивался с результатами их проказ. Его кабинет находился прямо под ванной комнатой. Однажды, когда с потолка закапала вода, ученый поспешил наверх, чтобы разобраться в происходящем. Его маленький сын Фредди тем временем безуспешно пытался перекрыть кран, переполнявший усеянную игрушечными корабликами ванну. Зная склонность отца к философствованию, Фредди взмолился: «Папа, не надо слов – сделай что-нибудь!»

«Не надо слов – сделай что-нибудь!» – так можно вкратце резюмировать и философскую теорию Дьюи. Философии он отводил роль методологической основы психологии и общей теории образования.

Основу его взглядов составляют пять фундаментальных посылок. Во-первых, как уже говорилось, это положение о том, что не существует каких бы то ни было вечных истин и абсолютов в области идей, религии, философии. Критерием истинности той или иной идеи являются последствия ее практического применения, подтверждаемые экспериментальным исследованием. Иными словами, проверяемая исходная посылка или идея, если она окажется правомерной, приобретает, по Дьюи, качество «доказанной правомерности».

Вторую чрезвычайно важную посылку Дьюи, связанную с обучением и усвоением знаний, составляет идея о том, что разум не является самодовлеющей сущностью, оторванной от человеческого организма в его целостности. То, что мы называем разумом, формируется в процессе социального опыта: умственные способности создаются опытом, подобно тому как плотиной создается энергия воды. Дьюи рассматривал психику как функцию человеческой деятельности. По его мнению, если провести аналогию с лингвистикой, разум скорее предстает в виде глагола, чем существительного, поскольку это понятие относится именно к человеческому поведению, к установлению и оценке его последствий, а не к некой субстанции, состоящей из миллиардов нервных клеток, в которых фиксируется жизненный опыт индивида. Иными словами, эмпирический акцент делался Дьюи на процесс становления, а не бытия как статичного состояния.

Третья посылка Дьюи относится к сфере морали. В его представлении она есть не что иное, как способ поведения, зависящий от последствий тех или иных действий индивида в ситуациях реальной действительности. Дьюи указывал также, что ни абстрактная философия, ни религия не обладают абсолютными истинами, которых должны придерживаться люди. Он утверждал, что вместо ориентации на метафизические и другие неверифицируемые интеллектуальные ограничения человеку следует обратиться к научному методу решения проблем, с опорой на поисковую деятельность в качестве основы для принятия моральных решений. Впрочем, несмотря на свою светскую интерпретацию морали, Дьюи отнюдь не был настроен атеистически. Отвергая традиционные формы религии, он выдвигал свою «натуралистическую» или «гуманистическую» религию.

Со всей решительностью отстаивая значение свободы для достижения личностной самореализации в условиях всеобщего благосостояния, Дьюи в то же время не ассоциировал счастье или самоосуществление с простой свободой от социальных, религиозных или иных ограничений. Напротив, он был убежден в том, что абсолютная свобода способствует лишь превращению людей в рабов своих прихотей и сиюминутных побуждений. Столь модный ныне культ спонтанности, который иные теоретики склонны выводить из концепции Дьюи, на самом деле был ему абсолютно чужд.

Четвертая важная посылка Дьюи заключается в его взгляде на умственные способности, интеллект как на «основной инструмент индивида, с помощью которого он решает возникающие в жизни проблемы, включая научные». Эта формулировка проливает свет на употребление термина «инструментализм» по отношению к его философии и психологии.

При более внимательном рассмотрении этой посылки становится очевидным, что Дьюи трактовал человеческую психику как источник энергии, делающий нас существами с разносторонним потенциалом, способными к различному самоосуществлению или же неспособными к этому – в зависимости от характера и качественного своеобразия жизненного опыта.

Отсюда вытекает то формальное определение, которое Дьюи дал образованию. По его мнению, «это такая реконструкция или реорганизация опыта, которая увеличивает значимость уже имеющегося опыта, а также способность направлять ход усвоения последующего опыта». Через четыре десятилетия историк М. Кэрти для большей ясности перефразировал это определение. По его мнению, под образованием следует просто понимать то, что «прошлый опыт переживается и критически реконструируется в свете нового опыта».

На основе этих представлений Дьюи сформулировал основные принципы образования, которые определили направление многих педагогических новаций XX века. Вот эти постулаты.

Обучение и усвоение знаний должно осуществляться на активной, а не пассивной основе. Положение Дьюи о том, что необходимо помогать детям в активном усвоении знаний, а не превращать их в пассивных реципиентов, образно перефразировал Г.С. Коммэджер: «Ребенок – это не сосуд, который необходимо заполнить, а светильник, который нужно зажечь».

В управлении школой и практике ее работы следует применять демократические принципы. Дьюи рассматривал принцип демократического участия как средство приобщения индивида, будь то ребенок или учитель, к самоуправлению в условиях справедливого и служащего интересам всеобщего благосостояния общества. В то же время не вызывает сомнения его критическое отношение к любой форме «ничегонеделания», то есть лишенным педагогического руководства групповым процессам, которые предполагают участие лишь ради участия и не преследуют какой-либо разумной цели.

Мотивация является чрезвычайно важным фактором в сфере образования. Дьюи проводил четкое разграничение между простым эфемерным любопытством и собственно познавательной мотивацией. Он со всей ясностью подчеркивал также, что учитель несет ответственность за зрелое педагогическое руководство учащимися и что ему не следует ради их мотивации допускать такое положение, когда «каждый занимается, чем хочет». В этой связи он писал:

Гораздо большая зрелость опыта, которая должна отличать взрослого как педагога, дает ему возможность оценивать опыт молодого поколения на основе такого подхода, который недоступен менее искушенному юному уму. Следовательно, задача педагога состоит в том, чтобы предвосхитить направление усваиваемого молодым поколением опыта. Не следует отбрасывать свой гораздо более зрелый опыт, если речь идет о создании условий для развития юных умов.

В обучении следует делать упор на решение реальных проблем. Хотя создание методов обучения на основе организации поисковой деятельности учащихся было начато еще до Дьюи, его работы отражают необходимость приобщать учащихся к решению реальных, вызывающих у них активное отношение проблем не только в целях умственного развития, но и для расширения их сознательного и эффективного участия в социальных процессах.

Исследовательская свобода учащихся является существенным элементом методики обучения. Деятельные умы, убеждал Дьюи, не могут развиваться без исследовательской свободы. Она должна быть связана с актуальным уровнем развития ребенка. Развитию интеллектуальных способностей не благоприятствует такая среда, в которой политические, религиозные или культурные табу препятствуют исследовательской свободе.

Следует осуществлять постоянный поиск новых решений в отношении содержания обучения. Со всей очевидностью Дьюи выступал против того, чтобы школьная программа оставалась раз и навсегда неизменной. Напротив, по его мнению, сдвиги в социально-культурной сфере должны служить важным источником и стимулом к непрерывному отбору и изменению содержания образования и того опыта, к которому оно призвано приобщить молодое поколение.

Учитель призван стать творческой личностью в той или иной области. По мнению Дьюи, образцовый учитель должен отличаться способностью выразительно проявлять себя, начиная от вербальных умений и кончая более специфическими видами творческого самовыражения. Дьюи мечтал о том, чтобы будущие учителя формировались не только на

основе программ узкопрофессиональной подготовки, но и свободных искусств, поскольку наивысших результатов в преподавании добивается именно тот, кто наилучшим образом может приобщить учащихся к глубокому пониманию сути вещей и тем самым открывать перед ними возможности все более полной самореализации.

Впервые концепция Дьюи получила практическое воплощение в экспериментальной «школе-лаборатории», которую он совместно с женой организовал при Чикагском университете. Сегодня его идеи могут даже показаться тривиальными – настолько пронизаны ими общественные настроения рубежа веков, а сто лет назад это было новацией чрезвычайной смелости, которая не всем пришлась по душе. Разногласия с руководством Чикагского университета по поводу управления школой вынудили его перейти в Колумбийский университет, где он и продолжал работать до своей отставки в возрасте 80 лет в звании заслуженного профессора.

Дьюи неоднократно посещал разные страны – Китай, Японию, Мексику, Великобританию, Турцию – с целью пропаганды своих идей. В 1928 г. он побывал в СССР и высоко отозвался о советской школе той поры. В самом деле, это была школа, наполненная духом демократизма и творческого новаторства, еще не задавленная партийными постановлениями и не выстроенная по линейке. А вот в начале тридцатых, когда Дьюи едва успевал получать почетные степени и звания по городам и весям, у нас его принялись ругать и по инерции поносили вплоть до недавних пор. Сегодня его полузабытые у нас труды переиздаются снова, побуждая новые поколения философов, педагогов и психологов к разумному сочетанию свободы и порядка, импровизации и здравого смысла.

**П. Жане
(1859–1947)**

В календаре памятных для психологии дат август отмечен днями рождения сразу нескольких выдающихся ученых, в частности Зигмунда Фрейда, родившегося 6 августа 1856 г. Отмечая эту дату, поклонники основателя психоанализа наверняка воздадут ему хвалу и не преминут отметить, какая новаторская, революционная роль принадлежит ему в истории науки. Менее восторженные специалисты обычно на это замечают, что научный и мировоззренческий переворот, произведенный венским психиатром на рубеже веков, на

самом деле произошел не на пустом месте. Высказанные им идеи в ту пору буквально носились в воздухе, более того – высказывались не только им, из-за чего болезненно мнительный Фрейд полжизни провел в ожесточенных спорах о своем приоритете. Надо признать, что с его стороны эти споры в итоге увенчались успехом. Так, сегодня лишь редкие знатоки психологической науки вспоминают о его выдающемся современнике – французском психологе Пьере Жане, который родился тремя годами позже и почти одновременно с Фрейдом разрабатывал собственную концепцию бессознательного, кое в чем удивительно перекликающуюся с фрейдистской теорией. Говорят: есть люди, забытые незаслуженно, но нет таких, о которых бы незаслуженно помнили. Разумеется, авторитет Фрейда заслужен им сполна. А вот Жане забыт, пожалуй, незаслуженно. Для восстановления справедливости вспомним и о нем.

Пьер Жане родился 30 мая 1859 г. в Париже. Его семья принадлежала к кругам обеспеченной французской интеллигенции, многие его родственники были юристами, филологами, инженерами, а его дядя – Поль Жане – довольно известным по тем временам философом. Вероятно, следуя по его стопам, Пьер поступил в знаменитую парижскую Эколь Нормаль, где вместе с ним учились многие юноши, впоследствии прославившие французскую науку. Среди его однокурсников были, в частности, Анри Бергсон и Эмиль Дюркгейм, которые стали известными философами и внесли немалый вклад в развитие психологической науки.

В 1882 г. Жане получил ученую степень магистра философии (позже, в 1889 г., ему будет присвоена в Сорбонне докторская степень по литературе, а в 1893 г. – и по медицине; вероятно, по сей день такое сочетание оптимально для психолога). В течение нескольких лет он преподавал философию в Гавре и даже написал собственный учебник, который, однако, особого признания ему не снискал. Жане предстояло прославиться как психологу. Но и в этом качестве его характеризует удивительная глубина и многосторонность научного подхода, а также совершенно особый стиль, во многом, вероятно, обусловленный его личными особенностями.

«Мои научные занятия, – писал он в своей автобиографии (а таковых он опубликовал две – в 1930 и 1946 г.), – оказались результатом конфликта между несовместимыми, различными тенденциями. В детстве я увлекался естественными науками. С раннего возраста я начал интересоваться ботаникой и коллекционировать растения. И каждый год до сих пор пополняю свой гербарий. Эта страсть, определившая мою склонность к анализу, точному наблюдению и классификации, должна была привести меня к карьере натуралиста или врача.

Но во мне была и другая наклонность, так и не нашедшая удовлетворения, слабые отблески которой можно узнать в ее теперешней трансформации. В возрасте 18 лет я был очень религиозен и всегда был подвержен мистическим наклонностям, которые мне, однако, удавалось контролировать. Проблема примирения научной склонности и религиозного чувствования оказалась нелегким делом. Оно могло произойти с помощью усовершенствованной философии, удовлетворяющей как разум, так и веру. Мне не удалось создать этого чуда, но я остался философом».

В 1889 г. Жане возвратился в Париж и успешно защитил диссертацию «Психический автоматизм (Экспериментальное исследование низших форм психической деятельности)», впоследствии опубликованную в виде книги. Докторская степень была ему присвоена по философии, ибо в представлении французской научной общественности той поры психология продолжала оставаться ветвью философских наук (представление, наверное, небезосновательное и, не смотря ни на что, отчасти справедливое и поныне). В 1890 г. Жане получил пост в Парижском лицее, и в том же году Ж.М. Шарко отдал в его ведение психологическую лабораторию в своей клинике Сальпетриер, где Жане и ранее вел активную клиническую работу, а свои научные взгляды излагал в лекциях, пользовавшихся большой популярностью.

Фрейд, стажировавшийся у Шарко в клинике Сальпетриер, впоследствии утверждал, что никогда даже не сталкивался с Жане и ничего не слышал о его идеях. В «Очерке истории психоаналитического движения» Фрейд не без горечи отмечает: «В Париже, кажется, господствует убеждение, что все верное в психоанализе с небольшими изменениями повторяет взгляды Жане, все же остальное никуда не годится». Даже в написанной в 1925 г. «Автобиографии» Фрейда читаем: «В то время как я пишу это, из Франции до меня доходят многочисленные статьи из журналов и газет, свидетельствующие о сильном сопротивлении принятию психоанализа, причем часто они содержат самые неверные предположения по поводу моего отношения к французской школе. Так, например, я читаю, что своим пребыванием в Париже я воспользовался для того, чтобы познакомиться с учением Пьера Жане, а затем сбежал, прихватив уворованное. Я должен ясно сказать в связи с этим, что вообще не слышал имени Жане во время моего пребывания в Сальпетриер».

Те, кто интересуется подробностями этого болезненного спора о научном приоритете, могут найти подробное изложение ситуации в блестящей работе Генри Элленбергера «Открытие бессознательного» (первый том этой книги завершает глава, посвященная сопоставлению взглядов Фрейда и Жане), а также в книге Альфреда Лоренцера «Археология бессознательного» (М., 1996).

В 1893 г. Жане защитил медицинскую диссертацию «Умственное состояние истериков». С декабря 1895 г. по август 1897 г. он заменял Т.Рибо в Коллеж де Франс и окончательно сменил его там в 1902 г., получив должность профессора психологии. В 1904 г. основал совместно с Ж.Дюма «Журнал нормальной и патологической психологии» и оставался его главным редактором свыше 30 лет. В 1936 г. ушел в отставку, но продолжал частную практику и научные исследования.

Жан Пиаже, посвятивший Жане специальную статью, выделяет в его творчестве три периода. Первый начинается работой «Психический автоматизм» и характеризуется некоторой статичностью. Начальная точка второго периода – работа «Навязчивость и психастения» (1903), где внимание Жане уже направлено на динамический аспект психического процесса. Третий период (со второй половины 20-х годов) интересен генетическим анализом разных форм поведения.

Вполне в духе своего времени Жане на раннем этапе своей научной деятельности был увлечен исследованием таких процессов, как гипнотизм, внушение мыслей на расстоянии. «Мои первые пробы в изучении расстройств нервной системы путем обследования мистических феноменов и сомнительной реальности не следовало бы, наверное, рассматривать как полностью бессмысленные. Прежде всего потому, что эти странные исследования познакомили меня с такими важными людьми, как Шарко, Рише, Мэйер, Сидвик, имевшими те же склонности и интересы. Они поделились собственными идеями и сомнениями, показали свою исследовательскую работу, познакомили с методами... Эти первые работы над чудесами животного магнетизма ориентировали меня на изучение сомнамбулизма и гипнотической практики, которые были чрезвычайно популярны и по крайней мере казались средством подхода к психологическому изучению психической патологии». В этот период Жане также формулирует основные методические правила своей работы, которым следует и в дальнейшем: 1) обследовать пациента самому, насколько это возможно без ассистентов и другого рода «посторонних»; 2) точно записывать все, что говорит и делает пациент; 3) учитывать не только актуальное состояние пациента, но и всю историю его жизни и ход предшествующих заболеваний и их лечения.

Сам Жане дает достаточно противоречивую характеристику своим ранним исследованиям и считает, что они были «опубликованы и популяризированы слишком рано, и с тех пор цитировались во всех работах, посвященных возможностям человеческой психики. Рассматривая эти цитаты и эти злоупотребления моими прошлыми наблюдениями, я всегда испы-

тивал чувство удивления и сожаления. Странно, что исследователям, с такой методичностью повторявшим эксперименты 1882 года, никогда не приходило в голову написать все еще живущему их автору и спросить, что он о них думает. Я бы ответил уже тогда и еще полнее сейчас, что я сомневаюсь в интерпретации фактов и склонен критиковать их сам и рассматривать как отход от более серьезных и глубоких исследований».

Следует отметить, что Жане не просто много работал, обследуя больных, но и серьезно теоретически разрабатывал интересовавшую его тему. Он собрал грандиозную библиотеку по магнетизму и гипнологии, проанализировал множество разнообразных источников. В итоге он пришел к выводу о недостаточности такого подхода и необходимости углубленного изучения неврозов. Первые результаты этих исследований и послужили основой обобщающего труда «Психический автоматизм». Большая часть работы основана на изучении клинических случаев четырех женщин, фигурирующих в отчетах как Розы, Люси, Мари и Леони, хотя в исследовании в общей сложности участвовало 19 пациентов с истерией и 8 с эпилепсией.

Научный метод для Жане, как и для большинства исследователей того времени, должен был быть сочетанием анализа и синтеза. Первоочередной задачей оказывался анализ, а соответственно и вопрос о первоэлементах. Многие философы и психологи пытались реконструировать психику с помощью анализа и синтеза, используя в качестве базового элемента ощущение. Жане же начинает с выделения не чистого ощущения, но действия, и считает невозможным отделение сознания от активности. Так здесь Жане обращается к таким динамическим понятиям, как психическая сила и слабость, без которых немыслима активность, деятельность.

Первой пациенткой, на которой им был продемонстрирован метод психологического анализа, была некая Марсель. Жане попытался проранжировать ее симптомы по степени их глубины. Поверхностный уровень составляли особенности, сравнимые с результатами гипнотического внушения; средний – импульсы, которые Жане приписывал действию неосознанных фиксированных идей, исходящих из определенных травмирующих воспоминаний; наиболее глубинный уровень – наследственные факторы, перенесенные тяжелые заболевания, ранние травматические события. (Вам это ничего не напоминает? И не только вам! Недаром так кипятился венский патриарх...) За психологическим анализом должен следовать психологический синтез, то есть реконструкция хода болезни. Такое взаимодействие анализа и синтеза в ходе работы с невротическим пациентом выступает отличительной, самобытной чертой метода Жане. Основным результатом психологического анализа является открытие неосознанных фиксированных идей и их патогенной роли (!). Их причина – травмирующее или пугающее событие, ставшее бессознательным и замещенное симптомами (!!). Процесс замещения, по Жане, связан с сужением поля сознания. Неосознанные фиксированные идеи являются как причиной, так и результатом психологической слабости. Для излечения мало перевести их в план сознания (становясь осознанной, идея рискует приобрести статус навязчивости —!!!). Необходимо разрушить патогенную идею путем диссоциации или трансформации. Поскольку она является частью заболевания, ее устранение должно сопровождаться синтетическим лечением, переобучением или другим умственным тренингом.

Во втором периоде творчества Жане рассматривал две формы невроза – истерию и психастению. Его концепция неврозов сочетает психогенный компонент (исходящий от жизненных событий, фиксированных идей) и органический фактор. Жане предлагает двухуровневую модель этих расстройств: первый уровень связан с фиксированными идеями (неосознанными у истерика и осознанными у психастеника), а второй, глубинный, заключается в расстройстве некоторых базовых функций (сужение поля сознания у истерика и расстройство функций реальности у психастеника). Важно отметить, что изучая поведение больных,

Жане интересовался и гораздо более широким кругом явлений психической жизни, избегая, однако, смешения нормы и патологии.

Последний период творчества Жане ознаменовался построением того колоссального психологического синтеза, который должен логически следовать за психологическим анализом (только уж ене применительно к анализу невроза, а к осмыслению психологической науки в целом). Сам Жане подчеркивал, что к XIX веку было написано огромное количество психологических по своей сути монографий на частные темы, и пришла пора систематизации и объяснения полученных данных. Он как раз и пытался создать такую модель и использовал в ней данные не только из психологии взрослого человека и психопатологии, но и из детской психологии, этнопсихологии, психологии животных. Им была создана система, в рамкой которой получили свое освещение практически все психические явления. Материал этого колоссального синтеза не был собран в одной работе, он представлен рядом публикаций конца 20-х – начала 30-х годов.

Своей интенсивной педагогической, практической, научной деятельностью Жане способствовал развитию современной психологии. На него неоднократно ссылается К.Г. Юнг (лекции Жане он посещал в Париже во время зимнего семестра 1902/03 г.). Влияние «Психического автоматизма» Жане ощутимо в методе рассмотрения Юнгом человеческой психики как состоящей из ряда «подсознательных личностей» (у Жане – «единовременные психические существования»). То, что Юнг назвал «комплексом», первоначально было ничем иным, как эквивалентом «подсознательной фиксированной идеи» Жане. Работы Жане оказали также значительное влияние на индивидуальную психологию А.Адлера. Он признавал, что его работа о чувстве неполноценности была развитием наблюдений Жане. Впрочем, как знать – не были ли эти признания «отступников» сделаны в пику Фрейду, категорически отказывавшемуся признать какую бы то ни было преемственность идей французского коллеги...

В России вышли в переводе на русский язык «Психический автоматизм» (1913), «Неврозы» (1911), «Неврозы и фиксированные идеи» (1903). В сборнике «Новые идеи в философии» за 1914 год была напечатана его статья «Подсознательное». Российские ученые старших поколений были знакомы с его трудами и идеями. Л.С. Выготский и П.Я. Гальперин, формулируя свои представления об интериоризации, ссылаются на работы Жане. А.Н. Леонтьев обращается к его исследованиям при рассмотрении социально ориентированных направлений в психологии. Однако не переиздававшиеся с тех давних пор работы Жане сегодня труднодоступны, и многие современные психологи даже не слышали его имени.

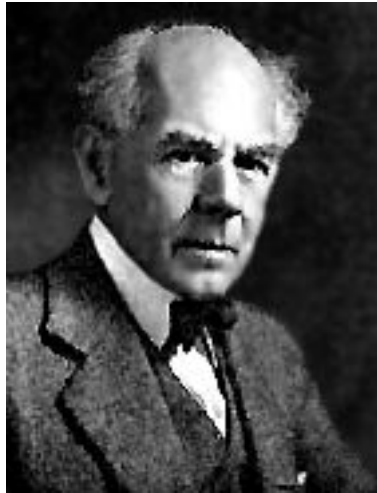
Пьер Жане умер в Париже 24 февраля 1947 г. В это время газеты из-за забастовки печатников не выходили. В изданиях, вышедших только в конце марта, после окончания забастовки, факт смерти выдающегося психолога был отмечен двухстрочным упоминанием среди прочих заметок на различные темы.

В 1956 г. в связи со 100-летием Фрейда в клинике Сальпетриер была установлена мемориальная доска в память о его визите. Но никому не пришло в голову три года спустя, в день столетия Жане, установить здесь мемориальную доску в его честь (хотя именно в Сальпетриер он проработал несколько лет и провел здесь огромную часть своих исследований). В 1960 г., когда был выпущен памятный том, посвященный юбилею коллеги Сент Барб, где он получил образование перед поступлением в Эколь Нормаль, имени Жане не оказалось в списках знаменитых людей, учившихся там.

И тем не менее бесспорно, что Пьер Жане – один из выдающихся психологов. Он считал необходимым разрабатывать психологию как объективную науку и всей своей деятельностью способствовал этому. И справедливо звучат слова Генри Элленбергера: «Труды Жане можно сравнить с огромным городом, погребенным под пеплом, подобно Помпеям. Судьба

всякого погребенного города неопределенна. Он может на века остаться сокрытым, хотя его и грабят мародеры. Но когда-нибудь он может выйти на свет, вернуться к жизни...»

Дж. М. Кеттелл (1860–1944)

История психологии как науки о душевном мире человека, его мироощущении и поведении уходит корнями в глубокую древность. В известном смысле психологами можно назвать Эзопа и Диогена, Конфуция и Мэн-Цзы, Спинозу и Монтеня. Само слово «психология» впервые прозвучало из уст немецкого теолога Р.Гоклениуса в 1590 г. Однако возникновение той или иной науки принято исчислять, опираясь на некие формальные вехи, которые в психологии обозначились лишь в конце XIX века. И одной из таких вех можно считать официальное вступление в должность первого в мире профессора психологии, которое состоялось в Пенсильванском университете 110 лет назад. Этим профессором был Джеймс Маккин Кеттелл.

Сегодня это имя вспоминают нечасто, и даже многие профессионалы иной раз путают Дж. Кеттелла с его известным однофамильцем, англичанином Раймондом Кеттелом, создателем теории личностных черт и популярного опросника. Но не будет преувеличением назвать Дж. Кеттелла не просто первым в длиннейшем списке профессоров, а поистине выдающимся психологом (список которых гораздо короче). Сегодня небесполезно будет еще раз обозреть его вклад в мировую науку. Ибо пример настоящих психологов (в отличие от банальных проповедей титулярных профессоров) весьма поучителен.

Фактически Кеттелл был не первым преподавателем психологии, который вышел к студенческой аудитории. Он сам был еще студентом университета Дж. Хопкинса, когда его интерес к психологии пробудился под влиянием лекций Г. С. Холла. Однако получить основательную психологическую подготовку в конце прошлого века в Америке было невозможно, и Кеттелл отправился в Германию, к В.Вундту.

Рассказывают, что, едва появившись в Лейпцигском университете, честолюбивый американец с порога заявил Вундту: «Господин профессор, вам нужен помощник, и этим помощником буду я». Достоверность этой истории спорна, но так или иначе Кеттелл стал первым американцем, приобщившимся к психологии в стенах первого и единственного в те годы психологического научного центра. Он и сам кое-чему научил Вундта, а именно – пользованию пишущей машинкой (благодаря чему, по ироническому наблюдению коллег, авторская продуктивность Вундта удвоилась).

Однако научная атмосфера, царившая в Лейпциге, не устраивала Кеттелла. Он сосредоточился на изучении индивидуальных различий во времени реакции вопреки неприятию

Вундтом такого типа исследований. В 1886 г. Кеттелл покинул Лейпциг и вскоре оказался там, куда влекли его научные интересы, – в лаборатории Ф.Гальтона в Лондоне.

Здесь все его внимание поглотила проблема индивидуально-психологических различий. Гальтон полагал, что интеллектуальные функции можно объективно измерять с помощью испытаний сенсорного различения и времени реакции. Кеттелл с энтузиазмом воспринял эту идею и начал соответствующие испытания.

Тут снова следует отметить, что слово «испытание» (проверка, проба) по-английски звучит как «тест». Благодаря Кеттеллу оно обрело тот психологический смысл, который мы вкладываем в него сегодня.

В 1890 г. в журнале «Mind» увидела свет статья Кеттелла «Умственные тесты и измерения» с послесловием Гальтона, где впервые было научно обосновано практическое использование психометрических методов. «Психология, – писал Кеттелл, – не может стать прочной и точной, как физические науки, если не будет базироваться на эксперименте и измерении. Шаг в этом направлении может быть сделан путем применения умственных тестов к большому числу индивидов. Результаты могут иметь значительную научную ценность в открытии постоянства психических процессов, их взаимозависимости и изменений в различных обстоятельствах».

Таким образом, статистический подход – применение серии тестов к большому числу индивидов – выдвигался как средство преобразования психологии в точную науку. Наряду с чисто научной ценностью такого подхода Кеттелл подчеркивал и его возможное практическое значение.

Кеттелл создал серию тестов для оценки интеллекта студентов колледжей. Предложенные испытания содержали измерения мышечной силы, скорости движений, чувствительности к боли, остроты зрения и слуха, различения веса, времени реакции, памяти и даже объема легких, что тоже почему-то увязывалось с умственными способностями. Выбор Кеттелом этих параметров для измерения объяснялся, с одной стороны, приверженностью идеям Гальтона, с другой – тем простым соображением, что элементарные функции можно измерить с большой точностью, а разработка объективных методов измерения более сложных функций казалась в то время совершенно безнадежной задачей.

Предпринятые вскоре попытки оценить эффективность подобных испытаний принесли неутешительные результаты. Индивидуальная проверка показала слабую согласованность между собой результатов отдельных тестов, а также несоответствие полученных данных независимым оценкам интеллектуального уровня, основанным на мнении преподавателей или академической успеваемости.

Этот момент принципиально важен для методологии психодиагностики. Ведь и по сей день, как и во времена Гальтона и Кеттелла, любой тест фактически представляет собой компактное испытание, по результатам которого дается расширенное толкование.

Сегодня уже никто не берется оценить интеллект по объему легких (хотя, например, между умственными способностями и временем реакции обнаруживается определенная связь). Но любая тестовая задача представляет собой модель некоей гораздо более сложной ситуации. Вопрос об адекватности такой модели продолжает оставаться крайне важным для любого теста. Мы же, безоглядно доверяя стандартизированным методикам, а то и изобретая собственные, порою не отдаем себе отчета, что воспроизводим заблуждения столетней давности.

Впрочем, старинные заблуждения удивительно живучи. Так, идеи Гальтона об улучшении человеческого рода методом искусственного отбора по сей день находят приверженцев. В свое время им отдал дань и Кеттелл. Он призывал материально поощрять браки между здоровыми и интеллектуально полноценными людьми и не останавливаться перед стерилизацией «недоразвитых». Семерым своим детям он предложил по тысяче долларов каждому

(огромные деньги по тем временам), если они найдут себе пару среди сыновей или дочерей преподавателей колледжа. (Разумеется, евристические идеи, особенно будучи заострены до абсурда их рьяными проповедниками, представляются более чем спорными. Однако не вызывает сомнения, что в психологическом отношении супружеские союзы между представителями одного социального, интеллектуального и культурного круга являются оптимальными хотя бы с точки зрения здравого смысла).

Еще одним важным вкладом Кеттелла в психологическую науку послужили результаты его опытов по изучению объема внимания и навыка чтения.

С помощью тахистоскопа Кеттелл определял время, необходимое для восприятия и называния различных объектов – формы, буквы, слова и т. п. Установленный объем внимания колебался в пределах пяти объектов. Он оставался таким же и тогда, когда испытуемому предъявлялись не разрозненные буквы, а целые слова и даже предложения, то есть речевые или смысловые единицы, состоящие из значительно большего числа букв или знаков.

При экспериментах с чтением букв и слов на вращающемся барабане Кеттелл зафиксировал феномен антиципации («забегания» восприятия вперед).

Полученные результаты повышали статус не только экспериментальной психологии, но и общей психологической теории, ибо оба направления всегда неразрывно связаны.

Научная общественность высоко оценила заслуги Кеттелла. В 1895 г. он был избран президентом Американской Психологической Ассоциации. В 1929 г. председательствовал на IX Международном психологическом конгрессе (впервые проводившемся в США).

В истории психологии Кеттелл сыграл огромную роль и как организатор, и как популяризатор науки. С 1895 г. он издавал журнал «Наука», а в 1894 г. совместно с Дж. М. Болдуином основал журнал «Психологическое обозрение», в 1915 г. – журнал «Школа и общество».

Исследования и воззрения Кеттелла оказали значительное влияние на многих ученых. В 1904 г., выступая на Всемирной ярмарке в Сент-Луисе, он произнес знаменательные слова: «...Не вижу причин, почему применение систематизированного знания к изучению человеческой природы не может в нынешнем веке привести к результатам, которые сравнятся с достижениями физики девятнадцатого века и их значением для изучения материального мира. На этом выступлении присутствовал Джон Уотсон, прославившийся впоследствии как родоначальник поведенческой психологии – бихевиоризма. Идею Кеттелла он воспринял с необычным энтузиазмом. Некоторым историкам это даже дало повод предложить именовать Кеттелла «дедушкой» бихевиоризма (хотя такая проекция, откровенно говоря, очень косвенна).

Учеником Кеттелла был и Э. Торндайк, однажды появившийся у его дверей с корзиной в руках. В ней ворочались дрессированные цыплята, из опытов над которыми впоследствии возникли знаменитые законы упражнения, эффекта и другие постулаты бихевиоризма. Среди учеников Кеттелла – блестящий экспериментатор Р. Вудвортс и основоположник американской клинической психологии Л. Уитмер.

Неуживчивый характер Кеттелла изрядно осложнял его научную карьеру и в 1917 г. привел к увольнению. Формальным основанием для этого послужили откровенно пацифистские высказывания ученого, которые университетская администрация сочла неуместными в годы мировой войны. Кеттелл судился с чиновниками, выиграл дело и получил астрономическую по тем временам компенсацию – 40 тысяч долларов. На эти деньги он основал Американскую психологическую корпорацию – первую издательскую фирму, специализировавшуюся на выпуске тестов. К экспериментальным исследованиям и преподаванию ученый больше не вернулся, но продолжал активную издательскую и общественную деятельность вплоть до своей смерти в 1944 г.

Таким был первый профессор психологии, который в годы господства лабораторных штудий призывал коллег «заниматься практическими проблемами и развивать специаль-

ность «прикладная психология». Сам он не очень преуспел на этой ниве, но история психологии свидетельствует: его призыв подхвачен и успешно реализуется.

Дж. М. Болдуин (1861–1934)

12 января 1861 г. родился Джеймс Марк Болдуин – выдающийся американский психолог конца XIX – начала XX в., один из первых президентов Американской Психологической Ассоциации (он был избран на этот пост в 1897 г.). В истории психологии он известен как организатор науки: им основаны такие авторитетные периодические издания, как «Психологическое обозрение», «Психологические монографии», а также (совместно с Дж. М. Кеттеллом) «Психологический бюллетень». Изданный в 1901–1905 гг. под его редакцией «Словарь философии и психологии» стал значительным научным событием того времени и неоднократно переиздавался. Научные труды Болдуина были в свое время широко известны, переводились на иностранные языки; в 1900–1910-х гг. большинство из них увидели свет и на русском языке. Однако его научная карьера нелепо оборвалась, и еще при жизни (умер Болдуин в 1934 г.) он был предан забвению. В последние годы интерес к его научному наследию возобновился. Конечно, с позиций сегодняшнего дня какие-то его воззрения кажутся наивными, но иные, напротив, позволяют некоторым исследователям даже называть его отцом американской возрастной и социальной психологии.

К психологии Болдуин пришел не сразу, начав свою карьеру преподавателем иностранных языков. Первоначально его интерес к психологии не выходил за рамки тем, интенсивно разрабатывавшихся в 80–90-е гг. прошлого века во всех психологических лабораториях мира. Болдуин и сам выступил организатором таких лабораторий в университете Торонто (1898), в Принстоне (1893) и в Университете Дж. Хопкинса (1903). Его ранние исследования посвящены оптическим иллюзиям и процессам запечатления. Однако решение конкретных эмпирических проблем все меньше удовлетворяло психологов. Уильям Джеймс публично сетовал: психологические лаборатории, которые растут, как грибы, увязают в эмпиризме и не способны решать серьезные, подлинно психологические проблемы. Под влиянием этих настроений приверженность Болдуина эмпиризму пошла на убыль. Его увлекли философский и социологический аспекты психологии – прежде всего в сфере психического развития.

В своем произведении «Духовное развитие с социологической и этической точки зрения (исследование по социальной психологии)» Болдуин отмечал, что необходим диалектический подход к анализу духовного развития, то есть изучение личности с социальной точки зрения и изучение общества с точки зрения личности. Говоря о том, что в духовном развитии переплетаются приобретенные и врожденные качества, Болдуин отмечал, что и социальная среда и наследственность определяют уровень социальных достижений человека в данном обществе, так как в процессе социализации дети обучаются одинаковым вещам, всем даются одинаковые знания, всех учат одинаковым нормам поведения, моральным законам. Индивидуальные различия заключаются не только в скорости усвоения, но и в возможности адаптации к тем нормам, которые приняты в обществе. Поэтому, отмечал ученый, индивидуальные различия должны лежать в пределах того, чему индивиды должны выучиться и что принять.

Процесс социализации, по мнению Болдуина, влияет и на формирование самооценки, так как «хороший» человек хорош, как правило, с точки зрения людей его круга, то есть в самооценке, как и в оценке окружающих, проявляется общая система ценностей, наблюдающаяся в обычаях, условностях, ритуалах, социальных учреждениях. При этом существует как бы два круга норм (санкций, по Болдуину) – более узкий, относящийся непосредственно к тому семейному кругу, в котором живет ребенок, и более широкий, относящийся к социуму, к которому ребенок принадлежит. Так как все дети данного круга и данной нации попадают примерно в одинаковые условия и учатся одному и тому же, то не существует

противоречий между личными и общественными нормами у среднего человека, подчеркивал Болдуин. Такие противоречия возникают только у выдающихся людей, которые считают возможным поставить себя выше общества и жить по собственным законам. Тут невольно возникает мысль о сверхчеловеке. Однако, в отличие от Ницше, Болдуин, как и античные мыслители, подчеркивал, что это не обязательно асоциальная личность, это может быть и человек, просто обогнавший свое время.

С позиций общественных норм и ценностей Болдуин рассматривал и такие понятия, как одаренность и гениальность. Для него в исследовании одаренности важно было не только изучить интеллектуальные различия между нормальными и одаренными, но проанализировать, насколько одаренность данного человека принимается обществом. Таким образом, гений и общество должны быть согласны относительно пригодности и правильности новых мыслей, их соответствия общественным ценностям. Исходя из такой оценки одаренности, Болдуин настаивал на необходимости общественного воспитания и обучения всех детей, в частности – обучения игре. Он одним из первых отметил социальную роль игры и рассмотрел ее не только как форму «предупражнения», но и как инструмент социализации, подчеркнув, что она подготавливает человека к жизни в условиях сложных социальных отношений.

В своем трехтомнике «Генетическая логика» Болдуин обосновал концепцию познавательного развития ребенка. Он указывал, что это развитие состоит из нескольких стадий, начинающихся с совершенствования врожденных двигательных рефлексов. Затем идут стадия развития речи и стадия логического мышления, которая завершает этот процесс. Отмечая огромное значение социального окружения, которое стимулирует формирование познавательных функций, Болдуин выделял и специальные механизмы развития мышления – ассимиляцию (интериоризацию воздействий среды) и аккомодацию (изменения организма). Эти положения оказали влияние на формирование концепции Ж. Пиаже, который обучался в Женевском университете у одного из ближайших друзей Болдуина – Э. Клапареда.

В 1908 г. Болдуин оказал протекцию Джону Уотсону, пригласив его возглавить лабораторию в Университете Дж. Хопкинса. Для рядового преподавателя Чикагского университета это было очень заманчивое предложение, и Уотсон поспешил в Балтимор, чтобы приступить к работе под началом Болдуина. Однако их совместная деятельность продолжалась всего год.

Карьера Болдуина оборвалась в одночасье в результате неожиданно разразившегося скандала. Во время полицейской облавы по злачным местам почтенный профессор был задержан в местном борделе. Болдуин неуклюже оправдывался: он якобы вовсе не намеревался предаться разврату, а случайно заглянул в сие малопочтенное заведение из чистого любопытства. Разумеется, в этот лепет никто не поверил, и психологу было указано на дверь во всех домах, где его еще вчера радушно принимали, и во всех официальных структурах, где он служил. Поверженный остракизмом, Болдуин покинул страну в надежде, что европейцы будут к нему более снисходительны. Однако его репутация была подорвана навсегда. Коллеги от него отвернулись, и последние годы жизни он провел в Париже в полной неизвестности.

Отставка Болдуина неожиданно сыграла на руку Уотсону: он получил повышение по службе и даже занял оставленный Болдуином пост редактора влиятельного журнала «Психологическое обозрение». А через 11 лет повторил судьбу своего покровителя: был принужден оставить академическую карьеру под вопли моралистов. Если бы только люди умели учиться на чужих ошибках!

Г.И. Челпанов (1862–1936)

Палитра российской психологии нового века пестрит такими несовместимыми тонами, от сочетания которых у самого экстравагантного авангардиста голова может пойти кругом. Так, в памятном сборнике «Выдающиеся психологи Москвы», увидевшем свет на рубеже веков, под одной обложкой соседствуют такие фигуры, чьи непримиримые противоречия, казалось бы, навсегда развели их по разные стороны идеологических и научных баррикад. Сборник открывает очерк об И.М. Сеченове – по традиции хвалебный. Чуть далее еще один очерк (пера того же автора!) – о Г.И. Челпанове, также сплошь окрашенный в позитивные тона. Жесткий антагонизм позиций этих ученых оказался вынесен за скобки. А чуть далее – благожелательные очерки об учениках Челпанова – Корнилове и Блонском, фактически предавших своего наставника и вытеснивших его из науки. Поистине – «Пусть расцветают все цветы!» В атмосфере такого благодушного плюрализма современному психологу очень трудно составить объективное представление об отечественной науке, путях ее развития и ее ключевых фигурах. С Челпановым, пожалуй, труднее всего. Еще не так давно его обличали как реакционера, сегодня превозносят как выдающегося мыслителя. Кем же он был на самом деле, какую роль сыграл в развитии психологической науки?

В известной книге «Развитие и современное состояние психологической науки в СССР» (1975), долгое время являвшейся одной из немногих историко-научных работ в нашей стране, ее автор А.А. Смирнов писал: «Несмотря на полную неприемлемость теоретических взглядов Челпанова, создание им этого института [*ныне – Психологический институт РАО*] составляет его бесспорную заслугу перед русской психологической наукой». В самом деле, и по прошествии трех десятилетий с момента написания этих строк, после всех идеологических кувырков и перерождений последних лет, эту организационную заслугу оспорить невозможно. А в чем же состояла та теоретическая позиция Челпанова, которая в советскую пору однозначно считалась неприемлемой, а теперь, в нашу эру подросткового негативизма считается чуть ли не программой современной психологии? Можно ли сегодня на нее опереться в формировании научного мировоззрения и на что опирался сам Челпанов в формировании своего мировоззрения?

В справочных источниках Челпанова как правило называют философом и психологом – так же, кстати, как и В.Вундта, у которого Челпанов некоторое время учился. Такая дефиниция во многом определяется тем, что во времена профессионального становления этих ученых психология еще не обрела самостоятельного статуса, развивалась преимущественно в недрах философии, а выделилась в автономную научную дисциплину благодаря именно их стараниям – Вундта в Германии, Челпанова (не в последнюю очередь) в России.

Жизненный путь и научная карьера Георгия Ивановича Челпанова вместили много противоречивых страниц. Это и свободный творческий поиск, и мучительные попытки адаптироваться к социальным катаклизмам, увлеченная научная работа на взлете карьеры и поиски куска хлеба на закате, восторженное признание со стороны крупнейших российских мыслителей и отступничество ближайших учеников.

Он родился 16 (28) апреля 1862 г. в Мариуполе. После окончания гимназии поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета (Одесса). Психологического образования как такового в ту пору еще не существовало. Историко-филологические факультеты готовили гуманитариев широкого профиля, обеспечивая им солидную подготовку по различным областям науки и культуры. Неудивительно, что из специалистов такого и рода и сформировалось первое поколение российских психологов. Это были люди

высокого культурного уровня и широчайшей эрудиции, и редкий современный психолог в этом отношении с ними сравнится. Среди прочих дисциплин студентам преподавалась и психология. В Новороссийском университете курс психологии читал Н.Я. Грот, заведовавший кафедрой философии. Именно он и оказал особое влияние на Челпанова, пробудил у него интерес к психологии. Грота, а также Вундта, у которого Челпанов также впоследствии учился, он до конца жизни считал своими главными наставниками и именно их подходы к исследованию душевной жизни принципиально исповедовал.

Научные контакты Челпанова с Гротом продолжились и в Москве. После окончания университета в Одессе Челпанов приехал в Москву, сдал в 1890 г. магистерские экзамены и занял должность приват-доцента Московского университета. Однако пребывание в Москве на сей раз было непродолжительным. В 1892 г. Челпанов переехал в Киев и начал преподавать в Университете св. Владимира, а уже в 1897 г. возглавил кафедру философии. В том же году он посетил Лейпцигскую лабораторию Вундта. Во время стажировки в Германии он также общался с К.Штумпфом и во многом под влиянием его работы «О психологическом происхождении пространственных представлений» написал свою диссертацию. Воодушевленный примером немецких ученых – основоположников экспериментальной психологии, – Челпанов по возвращении в Киев организовал психологический «семинарий», в котором студенты знакомились с психологической литературой и методами исследования душевной жизни. В этом семинарии начинали свою научную деятельность такие видные представители отечественной психологической науки, как Г.Г. Шпет, В.В. Зеньковский и П.П. Блонский.

После защиты докторской диссертации Челпанов получил предложение возглавить кафедру философии в Московском университете. С 1907 г. начался почти тридцатилетний период его московской научной деятельности, хотя по-настоящему активным и плодотворным можно считать лишь первую половину этого периода – до 1923 г. В эти годы им был опубликован ряд научных работ – «Психологические лекции» (1909), «Психология и школа» (1912), «Психологический институт» (1914), «Введение в экспериментальную психологию» (1915). Но главной его работой следует, пожалуй, назвать книгу «Мозг и душа» с характерным подзаголовком «Критика материализма и очерк современных учений о душе». Книга увидела свет в 1900 г. и при жизни автора выдержала 6 изданий; новое, седьмое, неожиданно (впрочем, чему тут удивляться в наше-то время!) увидело свет совсем недавно, в 1994 г. (перекормленные материализмом советские психологи с особым упоением предались его критике).

Во многих историко-научных и справочных источниках научное мировоззрение Челпанова совершенно справедливо определяется как идеалистическое. В советские времена такая оценка звучала приговором, ныне чуть ли не сияет нимбом. Если же не впадать в патетику, следует всего лишь отметить, что психологию Челпанов пытался построить на основе концепции «эмпирического параллелизма» души и тела. Полагая, что психология должна исследовать природу души и сознания, он считал материализм учением, непригодным для решения этих задач, поскольку, по его мнению, такие понятия, как материя и атом, являются умозрительными, а не опытными. В психике он усматривал два полюса – материю (головной мозг) с одной стороны, и субъективные переживания с другой. В работе «Мозг и душа» он писал, что «дуализм, признающий материальный и особенный духовный принцип, во всяком случае, лучше объясняет психические явления, чем монизм».

Задачи психологического исследования Челпанов видел в точном и объективном изучении отдельных элементов и фактов психической жизни, основанном как на экспериментальных данных, так и на результатах самонаблюдения. Таким образом, подход Челпанова к эксперименту вытекал из его методологических, философских позиций. Главным методом в его концепции оставалось самонаблюдение, хотя он подчеркивал необходимость дополне-

ния этого метода данными эксперимента, сравнительной и генетической психологии. Ведущая роль интроспекции, по мнению Челпанова, связана с тем, что многие факты душевной жизни трансцендентны, а потому не поддаются объективному объяснению и исследованию.

В начале XX века Челпанов был одной из центральных фигур в научной жизни Москвы, в его доме собирались многие видные представители московской научной интеллигенции. Он принимал живое участие в работе Московского психологического общества, товарищем председателя которого являлся... Многие его статьи публиковались в психологических и философских журналах.

Однако главным делом его жизни стала организация психологического института, который начал строиться в 10-х гг. на деньги известного мецената С.И. Шукина. Для ознакомления с работой психологических институтов и лабораторий он в 1910–1911 гг. неоднократно выезжал в командировки в Германию и США, по его проектам было закуплено оборудование для института, организованы различные лаборатории. Благодаря ему Московский психологический институт, первый в мире выстроенный именно как психологическое научно-исследовательское и учебное учреждение, стал одним из лучших по оснащенности оборудованием и по количеству применявшихся исследовательских технологий.

Большое значение придавал Челпанов и подбору кадров, стремясь собрать под крышей института талантливых ученых. Он пригласил в институт К.Н. Корнилова, П.П. Блонского, Н.А. Рыбникова, В.М. Экземплярского, Б.Н. Северного и других, ставших впоследствии известными психологами. Уже после революции он предложил работу в институте А.Н. Леонтьеву и А.А. Смирнову. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что Челпановым возвращена целая плеяда молодых ученых, которые стояли у истоков отечественной психологической науки.

Фактически работа в институте началась еще в 1912 г., однако официальное открытие состоялось 23 марта 1914 г. На торжествах, посвященных этому событию, Челпанов выступил с речью «О задачах Московского психологического института», в которой подчеркивал, что свою главную цель он видит в объединении всех психологических исследований под одной крышей для того, чтобы сохранить единство психологии.

В 1917 г. институт начал издавать печатный орган «Психологическое обозрение» под редакцией Челпанова и Шпета. Первый выпуск открывался программной статьей Челпанова «Об аналитическом методе в психологии», в которой он излагал свой подход к психологическому эксперименту.

Насыщенная научная и педагогическая деятельность Челпанова после революции круто оборвалась. В 1923 г. он был отстранен от работы в университете, фактически изгнан оттуда, а также из основанного им института. Инициаторами его ухода стали его бывшие ученики и сотрудники, в первую очередь Корнилов и Блонский, выступавшие за перестройку психологии на основе марксизма. Глубокий знаток философии и сам по натуре философ, Челпанов неоднократно писал, что психология, как и математика, физика и другие науки, должна быть вне любой философии. В том числе и марксистской. Для того, чтобы лишиться права на преподавание и научную деятельность в условиях новой России, этого было более чем достаточно.

Некоторое время Челпанов еще пытался продолжать научную деятельность, сотрудничая в Государственной академии художественных наук (ГАХН), вице-президентом которой был Шпет. Однако в 1930 г. академия была закрыта, и Челпанов окончательно остался без работы и фактически без средств к существованию. В одном из писем к дочери он рассказывал о том, как не смог прочитать чудом разрешенную публичную лекцию, поскольку у него не нашлось для этого приличного костюма. Из бывших учеников только Шпет пытался помочь ему, но и его собственное материальное и политическое положение было в ту пору очень сложным. В 1935 был инициирован судебный процесс над бывшими сотрудниками

ГАХНа, по приговору которого Шпет был расстрелян. Та же участь постигла сына Челпанова, Александра, также в свое время работавшего в академии. Окончательно сломленный жизненными невзгодами, Челпанов скончался 13 февраля 1936 г.

Сегодня, по прошествии лет, предпринимаются активные (и даже несколько экзальтированные) попытки восстановить справедливость в отношении нашего знаменитого соотечественника. В научных публикациях имя Челпанова встречается все чаще, причем уничижительных оценок уже не встретишь. Пожалуй, наиболее объективно на этом фоне звучат слова известного историка психологии Т.Д. Марцинковской: «Хотя Челпанов и не создал оригинальной психологической теории, отечественная психология обязана ему появлением многих значительных научных имен. Будучи видным педагогом и организатором науки, он сыграл важную роль в формировании высокой исследовательской культуры российской психологической школы». А это само по себе немало.

Г. Мюнстерберг (1863–1916)

Во многих справочных источниках по психологии Гуго⁶ Мюнстерберг назван немецко-американским психологом. Это, пожалуй, единственный случай, когда такое немного неуклюжее определение вполне оправдано и адекватно. Родившись и получив образование в Германии, Мюнстерберг сделал карьеру в Америке, явив собой один из первых впечатляющих примеров «утечки мозгов» из Европы за океан. Он искренне полюбил свою новую родину (которая не всегда отвечала ему взаимностью), отверг несколько соблазнительных профессиональных предложений из других стран. Но и к Германии он сохранил глубокую привязанность, из-за чего в свое время подвергся настоящему ostracism в Новом Свете. Может быть, именно это дало повод автору статьи о Мюнстерберге в американском биографическом справочнике «Психология» назвать его «скелетом в шкафу» американской психологической науки. А такие «скелеты», понятно, предпочитают не тревожить. Ныне во многих обзорных работах по проблемам, начало исследованию которых положено Мюнстербергом, его имя даже не упоминается. И это кажется более чем странным в отношении человека, являющегося, по признанию А. Анастаси, первым практическим психологом Америки.

Гуго Мюнстерберг родился 1 июня 1863 г. в Данциге, Восточная Пруссия (ныне польский город Гданьск). С юных лет он мечтал посвятить себя медицинской карьере и с этой целью в возрасте 19 лет покинул родной город и направился в Лейпциг, где собирался изучать медицину. Посещение нескольких лекций Вильгельма Вундта настолько воодушевило юношу, что заставило изменить профессиональные планы. Медицинских интересов он не оставил и продолжил подготовку в этой области; в 1887 г. в Гейдельбергском университете получил степень доктора медицины. Но этому предшествовало получение докторской степени по психологии (1885). Диссертацию Мюнстерберг подготовил под руководством Вундта, у которого обучался на протяжении трех лет. Еще в студенческие годы он также увлекся философией, причем весьма серьезно, что впоследствии дало основание относить его также и к философам. В своих философских воззрениях он был близок к идеям Фихте, развивал учение о ценностях. Им создана философская система «волюнтаристического идеализма», в центре которой – представление об априорных ценностях, связанных не с причинами, а с целями. Впрочем его изыскания в этой сфере известны сегодня лишь самым дотошным историкам философии и, в самом деле, не идут ни в какое сравнение по масштабам с его вкладом в психологическую науку.

В 1891 г. Мюнстерберг получил должность профессора в Фрейбургском университете, где на свои средства организовал экспериментально-психологическую лабораторию. Последний шаг был продиктован даже не столько личным бескорыстием, сколько банальным отсутствием средств у администрации университета. Как видим, проблема эта вечная. Так же как и недостаток помещений, из-за чего лабораторию профессору пришлось разместить у себя дома.

Он быстро заслужил репутацию блестящего экспериментатора и этим привлек внимание У.Джемса, мечтавшего стимулировать развитие молодой американской психологии притоком перспективных европейских кадров. По приглашению Джемса Мюнстерберг в 1892 г. переехал в США, получил профессорскую должность в Гарвардском университете. В том

⁶ Именно такова вековая традиция написания имени Мюнстерберга по-русски. В нынешнюю пору презрения к традициям (или их незнания) некоторые переводчики используют иную транскрипцию – Хьюго. Автор предпочитает придерживаться традиции, отказ от которой привел бы к изрядной путанице и заставил бы, например, автора «Отверженных» именовать Виктором Хьюго.

же 1892 году Джемс и Мюнстерберг организовали в Гарварде психологическую лабораторию, которую последний и возглавил. Весь американский период работы Мюнстерберга связан с Гарвардским университетом, для руководства которого он поначалу выступал предметом гордости, постепенно сменявшейся раздражением и недовольством. Но так или иначе Мюнстерберг до конца жизни оставался Гарвардским профессором и умер в буквальном смысле слова на кафедре – во время чтения лекции.

Неверно было бы утверждать, будто в Америку Мюнстерберг приехал одержимый идеей развивать прикладную психологию. Скорее наоборот. Поначалу он резко критиковал университетскую администрацию, которая платит научным работникам слишком мало, вынуждая их «размениваться» на прикладные исследования, популярные лекции и частные консультации. Вскоре, однако, именно в этих сферах сам Мюнстерберг преуспел настолько, что затмил всех своих коллег, а число его публикаций в популярной периодике намного превысило число научных работ. Последнее вызывало особое раздражение коллег (в большинстве случаев вызванное – насколько могу судить, побывав в подобном положении, – банальной завистью). Общественное же признание было ошеломляющим. Мюнстерберг был частым гостем Белого Дома, накоротке знаком с Теодором Рузвельтом и Уильямом Тафтом, дружбой с ним дорожили сталелитейный магнат Энрю Карнеги, философ Бертран Рассел, звезды молодого американского кино; получить его консультацию стремились многие представители деловой элиты. Не говоря уже про то, что многочисленные щедрые гонорары позволяли забыть о скудости академического жалования.

Первой прикладной областью, к которой обратился Мюнстерберг, была судебная психология. Он много писал по таким темам, как профилактика преступности, использование гипноза в практике допроса подозреваемых, психологическое тестирование с целью определения виновности. Попытки решения им последней проблемы видятся далеко не бесспорными, да и современниками в итоге они были оценены негативно. Мюнстерберг был привлечен в качестве эксперта к громкому судебному процессу над профессиональным киллером. Тот обвинялся ни много ни мало в 18 убийствах, но вину пытался переложить на заказчика злодеяний – некоего профсоюзного деятеля. Последний также был привлечен к суду, хотя его виновность представлялась крайне сомнительной. Мюнстерберг провел над киллером около ста различных тестов и по их результатам вынес заключение об истинности его показаний, то есть о виновности профсоюзного босса. Когда же суд в результате подробнейшего рассмотрения всех показаний и улик признал того невиновным, это совершенно подорвало репутацию Мюнстерберга как судебного эксперта.

Но один из аспектов его изысканий в этой области и по прошествии лет заслуживает самой позитивной оценки. Особым вниманием Мюнстерберга пользовалась проблема достоверности свидетельских показаний. Он поставил задачу экспериментально проверить, какова вероятность ошибочного воспроизведения свидетелями деталей преступления. В опытах Мюнстерберга испытуемых, выступавших в роли «свидетелей», опрашивали сразу же после того, как те наблюдали имитацию некоего инцидента. И со всей очевидностью выступил тот факт, что даже показания «по горячим следам» значительно расходятся в своих деталях. Насколько же можно доверять свидетельствам в зале суда, – вопрошал исследователь, – если их от описываемого события отделяет несколько месяцев?

Эти наблюдения были обобщены Мюнстербергом в книге о психологии свидетельских показаний, вышедшей в 1908 г. (Всего же им было написано свыше дюжины книг, пользовавшихся ввиду привлекательности тематики и доходчивого стиля огромным читательским спросом.) Впоследствии эта проблема изучалась в самых разных аспектах многими психологами, о чем, в частности, свидетельствуют обширные главы в современных учебниках по социальной психологии. Имя Мюнстерберга в них упоминается редко. И когда в 1976 г., спустя почти 70 лет после первой публикации, его книга на эту тему была переиздана, для

многих это явилось настоящим откровением. Оказалось, что многие вопросы судебной психологии, изучавшиеся на протяжении XX в., много лет назад были поставлены и даже отчасти решены Мюнстербергом.

Другой сферой его интересов выступала психотерапия. Его книга на эту тему, которая так просто и называется – «Психотерапия», вышла в 1909 г. В ту пору психотерапия понималась несколько иначе, чем теперь. Концепция Фрейда еще не получила широкого признания, хотя специалистам была уже достаточно известна. Мюнстерберг выступал ее решительным противником. «Никакого бессознательного не существует», – заявлял он. Достаточно сказать, что когда Фрейд по приглашению Г.С. Холла в 1909 г. посетил США, Мюнстерберг специально уехал за рубеж, дабы избежать встречи с ним и не вступать в конфронтацию.

Смысл психотерапии Мюнстерберг видел в том, чтобы помочь пациенту забыть негативные переживания, устранить неприятные мысли, избавить его от привычек, мешающих жить. С этой целью им, в частности, применялся гипноз, который в ту пору вызывал крайне настороженное отношение со стороны ревнителей морали (с этим в свое время столкнулся еще Месмер). Чтобы избежать сплетен и наветов, Мюнстерберг в конце концов от гипноза отказался. Однако в целом его опыт свидетельствует – опробованные им приемы в ряде случаев продемонстрировали высокую эффективность, в частности при лечении алкогольной и наркотической зависимости, фобий и сексуальных расстройств. Это лишний раз заставляет убедиться, что в психотерапии не существует единственно верной системы (каковой, например, многие пытаются представить психоанализ), и позитивные результаты в разных случаях могут быть достигнуты самыми разными методами.

Еще одной сферой интересов Мюнстерберга была педагогика, точнее – использование психологических закономерностей в школьной практике. Его книга на эту тему – «Психология и учитель» – доступна и российскому читателю. Совсем недавно, в конце 90-х, она была у нас переиздана. Поразительно, но даже сегодня рассуждения Мюнстерберга о психологии учебного процесса звучат убедительно и актуально. Но, с другой стороны, это свидетельствует и о том, что все новым поколениям педагогов приходится сталкиваться все с теми же психологическими проблемами, которые не могут быть решены раз и навсегда. И психологическое знание тут необходимо – и сто лет назад, и сегодня.

Самой, пожалуй, важной сферой интересов Мюнстерберга выступила индустриальная психология, понимавшаяся им чрезвычайно широко – в его работах на эту тему освещались проблемы профориентации (в частности, с применением психодиагностических процедур), управления персоналом, повышения трудовой мотивации и производственной дисциплины, преодоления негативного влияния монотонного труда, и т. п. Мюнстерберг доказывал, что наилучший способ повысить производительность труда – подбирать работникам должности, которые соответствуют их индивидуально-психологическим особенностям, в частности характерологическим и интеллектуальным. Результаты этих наблюдений и исследований были обобщены им в книге «Психология и эффективность производства» (1915).

Именно с индустриальной психологией принято связывать оформление в особую научно-практическую отрасль так называемой психотехники (вероятно, в связи с характерной для русского языка прямой ассоциацией «техника – промышленность»). Именно Мюнстерберга считают основоположником психотехники (наряду с В.Штерном). Но и Мюнстерберг, и Штерн понимали психотехнику шире – как прикладную отрасль, затрагивающую не только проблемы промышленного труда, но также военного и школьного дела, торговли, юриспруденции, рекламы и пр. Психотехнические изыскания выводили психологию на совершенно новый уровень, демонстрируя, что психологам не только до всего есть дело, но и почти всюду они могут быть исключительно практически полезны.

Впрочем, для самого Мюнстерберга эта ситуация оказалась не однозначно позитивной. Его стремление объять все актуальные проблемы порой ставило его, как в случае с судебной

психологией, в неловкое положение. Так, накануне принятия сухого закона он принял участие в дискуссии о целесообразности этого шага. Вопреки официальной политике он осмелился утверждать, что умеренное потребление спиртного, особенно пива, не может принести вреда и к тому же выгодно с коммерческой точки зрения, а вот всяческие запреты – это лишь стимул к злоупотреблениям (впоследствии вся история сухого закона в США подтвердила его правоту). Такая позиция привела в восторг немецких пивных магнатов, поставлявших свою продукцию в Америку, и побудила их пожертвовать крупные средства, с помощью которых Мюнстерберг мог бы и далее способствовать, как они полагали, пропаганде германских ценностей в Америке. Однако в атмосфере шпиономании, сгустившейся накануне Первой мировой войны, этот шаг был воспринят общественностью крайне подозрительно. Мюнстерберг, который и после начала войны продолжал придерживаться активной прогерманской позиции, подвергся общественному ostracism. Коллеги уже без стеснения выражали свою неприязнь, университетская администрация всерьез подумывала о его увольнении, и даже соседи пристально наблюдали, не служат ли голуби, которых кормила его дочка на заднем дворе, для передачи шпионской информации.

16 декабря 1916 г. затравленный ученый умер на глазах своих студентов от обширного инфаркта. Похороны были скромные, никто из именитых персон, когда-то дороживших дружбой с ученым, на них не появился. И добрые слова, говорившиеся впоследствии о его достижениях, уже как бы и не адресовались самому Мюнстербергу. Хотя по большому счету были им вполне заслужены. Как, например, такое высказывание Э.Торндайка: «Создать психологию для бизнеса, промышленности или армии труднее, чем создать психологию для психологов, и это требует большего таланта».

Р. Вудвортс (1869–1962)

Полвека назад, когда отечественная психология, отгородившись железным занавесом от «тлетворного буржуазного влияния», пребывала в гордой самоизоляции, издание на русском языке книги зарубежного автора, да еще и американца, было событием исторического масштаба. Таким событием стала публикация в 1950 г. книги Роберта Вудвортса «Экспериментальная психология», сразу ставшей настольной для немногочисленных советских психологов. Шли годы, железный занавес потихоньку ветшал, переводы перестали быть редкостью, но еще несколько поколений советских психологов именно с Вудвортса начинали свое образование, считая американского мэтра классиком мировой психологии. Нынешнее поколение российских психологов, избалованное книжным изобилием, поклоняется другим авторитетам и уже почти забыло, чьими трудами создана та наука, от имени которой сегодня принято торговать полезными советами на все случаи жизни. «Практически психологам» (по меткому выражению А.В. Юревича) имя Вудвортса уже ничего не говорит. Правда, остаются еще и психологи без кавычек, которым и сегодня, пожалуй, нелишне вспомнить о замечательном ученом, чья принадлежность к когорте классиков вовсе не является преувеличением. Да, сегодня мы выше наших предшественников, потому что... стоим на их плечах! Постараемся отдать себе в этом отчет, обратившись к еще одному яркому примеру.

Роберт Сессионс Вудвортс родился 17 октября 1869 года в городке Белчертаун в штате Массачусетс. В своей научной автобиографии (написанной, кстати, в 1930 г., задолго до завершения научной карьеры по просьбе Карла Мёрчисона, редактора многотомной серии «История психологии в автобиографиях») Вудвортс как истинный психолог попытался (хотя и несколько иронично) проанализировать влияние семьи на становление его личности. В ту пору как раз входили в моду фрейдистские толкования жизненного пути, и без упоминания Эдипова комплекса в автобиографии не обошлось – в том, однако, смысле, что собственная «психоистория» виделась ученому в совсем ином ракурсе, чем могла бы привидеться фрейдистам.

А семейная ситуация Роберта, непростая и запутанная, была бы находкой для психоаналитика. Когда будущий психолог появился на свет, его отцу было уже 55, и он состоял в третьем браке с женщиной на четверть века моложе себя. Роберт был их первенцем, позднее у него появилось еще двое братьев. Еще у него было четверо взрослых сводных братьев и сестер – детей отца от предыдущих браков. Ситуация очень похожая на ту, которая сложилась и в родительской семье Зигмунда Фрейда. А ведь тот сам признавал, что она внесла сильную сумятицу в его детские представления о том, кто кем кому приходится среди близких, и каково его собственное место в этом непростом раскладе. Самоанализ этих ранних переживаний во многом повлиял на становление теории Фрейда. У Вудвортса, однако, всё сложилось иначе. В зрелые годы, пытаясь примерить на себя фрейдистскую схему становления личности, он пришел к выводу о ее полной негодности – по крайней мере для себя.

Вудвортс-старший, конгрегационистский священник, потомок нескольких поколений фермеров Новой Англии, вызывал у Роберта уважение в силу своей широкой эрудиции и спокойного нрава, однако большим авторитетом не пользовался – он был уже слишком немолод, чтобы установить с младшими детьми тесные эмоциональные связи, не очень ими интересовался и практически никакого влияния на них не оказывал, не вызывал у них ни благоговения, ни трепета, то есть «эдипальным объектом» был довольно бледным. К тому же Роберт в силу непростых семейных обстоятельств изрядную часть своего детства – с 6 до 12 лет – прожил в доме сводной сестры, общаясь преимущественно с ее детьми, своими ровес-

никами, которым он непостижимым образом приходился дядей. По собственному убеждению Роберта, влияние сверстников – родных и друзей – сказалось на становлении его личности гораздо больше, чем влияние родительское. С некоторым недоумением он отмечал, что столь важный аспект социализации оказывается обойден вниманием психологов, тогда как родительское влияние явно преувеличивается. Любопытно, что уже в наши дни идеи современных английских и американских психологов о преимущественной роли сверстников в становлении личности ребенка произвели эффект настоящей научной сенсации. А ведь большинство таких сенсаций щедро рассыпаны, хотя бы в виде намеков, в суждениях классиков. Как саркастически заметил Стивен Фрай: «Оригинальная мысль? Нет ничего проще! Библиотеки переполнены ими».

Впрочем, влияние матери на Роберта нельзя недооценивать. Для своего времени она была женщиной весьма просвещенной, закончила учительскую семинарию (нечто вроде педучилища) в Массачусетсе, а потом даже сама основала подобное заведение в штате Огайо, а также учительствовала в провинциальных школах – преподавала математику. Воодушевленный ее примером, Роберт и сам вознамерился вступить на педагогическую стезю (более ранняя мальчишеская мечта стать астрономом разбилась о жесткую необходимость зарабатывать на хлеб). После окончания Колледжа Амтхерст (шт. Массачусетс) в 1891 г. он также начал работать школьным учителем математики. Но этот этап его карьеры продлился недолго – интересы юноши были гораздо шире, а амбиции выше.

Тут нелишне отметить, что наряду с математикой миссис Вудвортс преподавала и еще один предмет – «ментальную философию». Фактически это было одним из названий психологии до той поры, как она превратилась в самостоятельную науку. Большого успеха этот курс не имел – у деревенских ребятишек «ментальное философствование» не вызывало ни малейшего энтузиазма. Зато сын учительницы начатки психологических знаний почерпнул в самом юном возрасте. Этим отчасти и определилась направленность его дальнейших интересов.

Психологию Вудвортс принялся изучать в одном из немногих мест, где это в ту пору было возможно в Америке, – в Гарвардском университете, где преподавал Уильям Джемс. Степень бакалавра он получил в 1896 г., магистра – в 1897 г. А докторскую диссертацию защитил в 1899 г. уже в Колумбийском ун-те под руководством Дж. М. Кеттелла. В 1902 г. в ходе годичной стажировки в Ливерпульском ун-те (Великобритания) работал ассистентом известного английского физиолога Ч. Шеррингтона. У него молодой ученый перенял мало свойственное психологам внимание к различным проявлениям активности живого организма, а также естественно-научную четкость экспериментирования.

Еще одним результатом английской стажировки явилось знакомство с юной англичанкой Габриэлой Шот. В Америку он вернулся уже женатым человеком и прожил со своей избранницей всю оставшуюся жизнь благополучно и счастливо (как видим, сомнительный пример отца, троекратно менявшего жен, и тут влияния на него не оказал).

По возвращении на родину Вудвортс начал преподавать в Нью-Йоркском университете, но пробыл там недолго. В 1903 г. он стал профессором Колумбийского университета, где проработал последующие почти 40 лет до своей отставки. За годы своей работы Вудвортс заслужил широкое признание в профессиональном сообществе. В 1914 г. он был избран президентом Американской Психологической Ассоциации. Позднее стал членом Американской Академии Наук и Искусств. В 1956 г. Американским Психологическим Фондом была учреждена золотая медаль за выдающийся вклад в организацию психологической науки; Вудвортс первым удостоился этой почетной научной награды.

За свою более чем полувековую научную карьеру Вудвортс сумел внести вклад в разработку широкого круга психологических проблем. Ранние его исследования были выполнены совместно с его университетским товарищем Э. Торндайком и были посвящены проблеме

переноса усвоенных навыков в ходе научения. Именно эти опыты (наряду со множеством им подобных) послужили тем экспериментальным фундаментом, на котором несколько лет спустя Джоном Уотсоном была возведена твердыня американского бихевиоризма. На этом основании и Вудвортс часто причисляют к бихевиористам, что вряд ли справедливо. Ученник Джемса (который ввел в научный обиход понятие «поток сознания»), он никогда не одобрял провозглашенный бихевиористами отказ от изучения сознания и считал такой подход обедняющим психологию. В годы господства бихевиоризма в американской психологии Вудвортс выдвинул идеи о том, что объяснительная формула поведения, основополагающая для этого научного направления, – «стимул → реакция» ($S \rightarrow R$) – является ограниченной и неполной и требует введения промежуточного звена, а именно организма с присущими ему мотивационными параметрами ($S \rightarrow O \rightarrow R$). Тем самым Вудвортс предвосхитил эволюцию традиционного бихевиоризма в сторону более гибкого необихевиоризма. В 1918 г. он опубликовал книгу «Динамическая психология» (ему принадлежит сам этот термин, который он активно популяризировал), в которой развивались идеи о принципиальной важности мотивов в организации поведения.

Небезынтересно, что и Торндайк, которого также причисляют к бихевиористам, активно от этого ярлыка открещивался. Завершив цикл опытов над животными, позволивших сформулировать непреложные законы научения, Торндайк оставил эту сферу и переключился на исследования интеллекта – явления, трудно объяснимого в поведенческой парадигме. У Вудвортса с Торндайком сохранились самые добрые отношения – долгие годы они жили по соседству, дружили семьями. Однако их научные интересы больше пересекались.

В наши дни ранние работы Вудвортса, посвященные научению, представляют, пожалуй, лишь историко-научный интерес. Зато другое исследование, которое он также выполнил на заре своей карьеры, привлекло большое внимание и цитируется до сих пор. В 1904 г. в ходе работы Международной выставки в Сент-Луисе Вудвортс провел широкомасштабное психологическое обследование представителей разных народов и рас и убедительно продемонстрировал: спектр индивидуальных различий между представителями одной расы гораздо шире, чем диапазон межрасовых различий. К сожалению, объективные результаты психологических исследований имеют слишком мало влияния на общественные настроения. Более ста лет минуло с тех пор, а межнациональные отношения и поныне омрачаются предрассудками, основанными на некорректных обобщениях.

В годы I Мировой войны разработал опросник для новобранцев (так называемый Бланк личностных данных) с целью оценки эмоциональной устойчивости в боевых условиях. Ввиду скорого окончания войны этот метод не был широко использован по прямому назначению, однако послужил основой для последующей разработки подобных опросников и ныне признан первым в истории психологии личностным тестом.

Широкую известность Вудвортсу принесли написанные им учебники, руководства и монографии по экспериментальной психологии и истории психологии, многократно переизданные суммарным тиражом свыше 400 000 экземпляров. Такой успех позволил ученому жить безбедно и независимо (что, помимо содержания его книг, коллегам также можно воспринять как ценный урок).

Среди прочих хотелось бы отметить мало у нас известную книгу Вудвортса «Школы в психологии», в которой им дана трезвая и объективная оценка разнообразных научных направлений, отмечены их сильные и слабые стороны и явно прослеживается призыв к интеграции первых и компенсации вторых. Таким образом, плодотворная идея извлечения рациональных зерен из всех, пускай даже крайне противоречивых источников, – столь популярная ныне – высказана на самом деле еще полвека назад.

Жизненный путь ученого завершился 4 июля 1962 г. Его учитель Уильям Джемс когда-то сказал: «Величайшая польза, которую можно извлечь из жизни, – потратить жизнь на дело, которое переживет вас». Роберту Вудвортсу это удалось.

А. Адлер (1870–1937)

Концепция бессознательной психики, разрабатываемая З.Фрейдом, привлекла немало сторонников и последователей. Некоторые из них, однако, стремились по-своему интерпретировать идеи Фрейда и развить их в русле собственных представлений. Такие попытки, как правило, встречали со стороны отца-основателя негативную реакцию, что порой приводило не только к острым разногласиям, но и к личному разрыву с «отступниками». Первой трещиной в психоаналитическом монолите явился разрыв Фрейда с А.Адлером. Однако для Адлера отход от классического психоанализа не стал крахом. Он развил собственную концепцию, нашедшую немало сторонников. Индивидуальная психология А.Адлера выступила влиятельным течением в глубинной психологии и по сей день привлекает исследователей и практиков.

Альфред Адлер родился 7 февраля 1870 г. в Пенциге, предместье Вены, в семье еврейского торговца среднего достатка. В детстве он болел многими серьезными болезнями, в том числе – рахитом, из-за которого лишь в возрасте 4 лет сделал свои первые шаги. Еще нетвердо стоя на ногах, он несколько раз попадал в уличные аварии, оказываясь на волосок от смерти. Не будет преувеличением сказать, что смерть буквально витала над его колыбелью. Его младший брат умер в их общей постели, когда Альфреду едва исполнилось 3 года. В

5 лет, только что оправившись от рахита, Альфред заболел тяжелой пневмонией. Семейный врач считал этот случай безнадежным. Однако нашелся другой доктор, который сумел спасти мальчика. Выздоровев, Альфред принял твердое решение стать врачом.

Несмотря на слабое здоровье Альфред рос жизнерадостным и общительным ребенком, очень любил играть с соседскими детьми. Не будучи способен заниматься спортом вместе со сверстниками, он проводил много времени за чтением классики. Впоследствии умение сходу процитировать библию или греческую трагедию, Шекспира или Канта, а также блестящие ораторские способности сделали его центром внимания среди завсегдатаев известных венских кофеен. Общительный характер и чувство юмора способствовали его популярности.

Вероятно, именно в его детском опыте лежат истоки таких существенных аспектов его психологической теории, как признание важности общественного интереса и идея компенсации органической неполноценности.

В детстве свой интерес к наукам о жизни Адлер удовлетворял разведением цветов и голубей. В возрасте 18 лет он поступил в Венский университет, чтобы изучать медицину.

Тогда же обозначились его политические пристрастия. Адлер глубоко интересовался социализмом, участвовал во многих политических митингах. На одном из них он встретил свою будущую жену – Раису Эпштейн, студентку из России.

Адлеру было присуще глубокое гражданское чувство. Особо его волновали нечеловеческие условия жизни и труда венских рабочих. Его памфлет и лекции о состоянии здоровья швейников до такой степени всколыхнули общественное мнение, что даже побудили власти провести некоторые реформы социального обеспечения.

В 1895 г. Адлер получил медицинскую степень. Частную практику он начал сначала в области офтальмологии, что было в значительной мере обусловлено его обостренным вниманием к факту распространенности глазных болезней среди рабочих. Позднее он переориентировался на общую медицину, а под влиянием лекций Р.Крафт-Эббинга, президента Венского неврологического общества, заинтересовался неврологией в надежде объединить свои общественные интересы и медицинские знания.

Свою теоретическую работу Адлер начал еще до того, как встретил Фрейда. К моменту этой встречи он имел уже несколько публикаций по вопросам социальной медицины и образования. В начале века идеи Фрейда еще не приобрели широкой популярности, но уже встречали критическое отношение и негативные оценки. Адлер был едва ли не единственным, кто публично выступил в защиту взглядов Фрейда, за что удостоился расположения со стороны основателя психоанализа, а также приглашения принять участие в одной из дискуссионных сред – собрании узкого круга аналитиков, послужившем основой Венского психоаналитического общества.

В 1902 г. в возрасте 32 лет Адлер вошел в круг ближайших сподвижников Фрейда. Он был наиболее активным членом этой группы и пользовался большим уважением Фрейда, который, тем не менее, испытывал некоторые подозрения в связи с его обостренным честолюбием. Сам Адлер никогда не считал себя фрейдистом, полагая, что присоединился к Венской группе как равный. Это противоречит утверждению, содержащемуся в большинстве учебников психологии, о том, что Адлер был учеником Фрейда. С самого начала сотрудничества он исповедовал собственные взгляды, которые нашли отражение в его работе «О неполноценности органов» (1907).

В этой книге Адлер попытался объяснить, почему болезнь по-разному действует на людей. По его мнению, у каждого индивидуума одни органы несколько слабее других, что создает предрасположенность к заболеваниям именно этих органов. Вместе с тем он отмечал, что люди стремятся компенсировать эту слабость и в результате упражнений слабый орган может получить значительное развитие. Понятия компенсации и сверхкомпенсации стали центральными в теории Адлера.

«Почти у всех выдающихся людей, – писал он, – мы находим какое-либо несовершенство органов; создается впечатление, что они встретили значительное препятствие в начале жизни, но боролись и преодолели свои трудности».

Исследование неполноценности органов Адлер дополнил изучением психологического чувства неполноценности. Первоначально его внимание привлекали дети, страдавшие какими-либо физическими дефектами. Потом он распространил свои представления на всех детей, в том числе и здоровых. Он полагал, что все дети испытывают чувство неполноценности, являющееся неизбежным следствием их малого роста и недостатка сил. Сильное чувство неполноценности или «комплекс неполноценности» (это понятие введено Адлером) может затруднить позитивный рост и развитие. Однако умеренное чувство неполноценности может побудить индивидуума к конструктивным усилиям и достижениям. «Он [*ребенок*] в раннем возрасте обнаруживает, что есть другие человеческие существа, которые способны удовлетворять свои потребности более полно, лучше подготовлены к жизни... Он научается переоценивать размеры и рост, дающие возможность открыть дверь, передвинуть тяжелую вещь или право отдавать приказания и требовать подчинения им. В душе возникает желание расти, стать таким же сильным или даже сильнее других», – писал Адлер. И далее: «Чувства неполноценности сами по себе не являются ненормальными. Они – причина всех улучшений в положении человечества».

Согласно Адлеру, основным фактором развития личности следует считать наличие конфликта между комплексом неполноценности и порожденным им стремлением к превосходству. Последнее проявляется уже в первые 4–5 лет жизни ребенка в виде «цели победы», которая направляет его помыслы и действия, создает определенный «стиль жизни». Цель победы может быть как позитивной, так и негативной. Если она включает заинтересованность в благополучии других, то развивается в конструктивном направлении. Однако некоторые люди пытаются достичь ощущения превосходства посредством господства над другими, а не становясь более полезными другим. По мнению Адлера, борьба за личное превосходство – невротическое извращение, результат сильного чувства неполноценности и отсутствия социального интереса.

Очевидно, что такая трактовка развития личности, а также патологических отклонений в этом развитии далеко отстоит от теоретических представлений Фрейда. Сам Фрейд, в целом положительно оценив книгу «О неполноценности органов», не смог скрыть настороженности в связи с таким теоретическим расхождением. А это расхождение становилось все глубже. Адлер фактически игнорировал представления Фрейда о сексуальных механизмах психической жизни. Центральное понятие фрейдизма – Эдипов комплекс – он предлагал рассматривать не как стремление мальчика иметь сексуальные отношения с матерью, а как сиволическую борьбу. Чувствуя себя слабым и беззащитным, мальчик использует механизм сверхкомпенсации, чтобы добиться превосходства над отцом и подчинить себе мать. Позднее Адлер даже заявил, что «так называемый Эдипов комплекс – это не фундаментальное явление, а просто порочный и неестественный результат чрезмерного материнского баловства».

Стремясь сохранить хорошие отношения, Фрейд поначалу проявлял к Адлеру знаки повышенной благосклонности. В 1910 г. он предложил его на пост первого президента Венского психоаналитического общества. Однако к 1911 г. теоретические расхождения достигли степени, неприемлемой для Фрейда. На заседании психоаналитического общества Адлеру было предложено покинуть его ряды. Он с готовностью сложил с себя полномочия президента. Вместе с ним общество покинули еще девять членов, образовавшие собственное «Общество свободного психоанализа». Самим названием они подчеркнули презрение к замкнутому и изолированному, по их мнению, кружку Фрейда.

Горько переживая этот разрыв, Фрейд тем не менее расценивал его как научную победу. В своем письме К.Г. Юнгу от 12 октября 1911 г. он писал: «...Усталый после борьбы и победы, сообщаю Вам, что вчера я заставил всю банду Адлера выйти из Общества». Но это было лишь начало борьбы в стане аналитиков. Три года спустя последовал разрыв с Юнгом. А острые противоречия со вчерашними единомышленниками преследовали Фрейда до конца жизни.

А «банда Адлера» превратилась в Ассоциацию индивидуальной психологии, которая постепенно распространилась по всей Европе. Практические интересы Адлера сместились в сферу педагогических проблем. В 1919 г. он основал в Вене психопедиатрический центр и стал читать лекции в Педагогическом институте. Он был, вероятно, первым психиатром, применившим принципы психогигиены в школе. Мечтой Адлера было создать настоящее содружество единомышленников – педагогов, родителей и медиков, которые бы работали совместно для того, чтобы способствовать развитию мужества и социальной ответственности у детей и подростков. К 1927 г. в Вене насчитывалось 22 психопедиатрических центра и еще 20 – в других европейских странах. В 1931 г. была основана Экспериментальная школа индивидуальной психологии. Это была средняя школа для мальчиков 10–14 лет, где широко применялись психологические и педагогические принципы Адлера.

В 1928 г. Адлер побывал в США, где читал лекции в Новой Школе Социальных Исследований в Нью-Йорке. Через год он снова вернулся туда с курсом лекций. А в 1932 г. окончательно переехал в США в связи с опасностью нацизма. Умер Альфред Адлер 28 марта 1937 г. в шотландском городе Абердине во время лекционного турне по Европе.

**У. Кеннон
(1871–1945)**

Психология занимает особое место в ряду социальных и биологических наук, поскольку ее трудно уловимый предмет – душа – не только находит выражение в феноменах, обусловленных культурой и обуславливающих культуру, но и к тому же размещается в бренном теле. Поэтому нельзя недооценивать роль тех ученых мужей, которые подходили к

предмету психологии с его телесной стороны, и даже не относя себя к психологам, внесли в нашу науку неоценимый вклад. К этой когорте можно причислить Сеченова, Павлова, Ухтомского, Бернштейна, Дельгадо и еще многих других ученых, традиционно относимых к физиологам. В этом созвездии выдающихся физиологов, оказавших влияние на развитие психологический мысли, Уолтер Кеннон выступает одной из самых значительных фигур. Венцом его научных достижений явилось учение о гомеостазе (ему принадлежит сам этот термин) как о саморегуляции постоянства внутренней среды организма. Влияние этого учения не ограничилось физиологией, но распространилось далеко за ее пределы, став одной из предпосылок кибернетики и общей теории систем, новых идей в психологии и социологии.

Уолтер Бредфорд Кеннон признавался, что с возрастом среди его увлечений, не имевших прямого отношения к профессиональным занятиям, главным становилось чтение биографий. Быть может, это сыграло известную роль в том, что он наряду с научными трудами оставил нам сведения о собственной жизни и деятельности в произведении автобиографического жанра «Путь исследователя». Это знаменательный документ, запечатлевший особенности самосознания человека науки XX века, когда коренным образом изменились отношения между обществом и «людьми лаборатории», когда занятия наукой превратились в массовую профессию. Хотя книга «Путь исследователя» и насыщена автобиографической информацией, Кеннон предпринял попытку написать не столько автопортрет, сколько обобщенный портрет научного работника, нарисовать определенный социальный тип.

В предисловии к книге Кеннон напоминает об известной концепции своего учителя по Гарварду У.Джемса о социальном Я. Это Я складывается на основе представлений человека о том, как он выглядит в глазах тех групп людей, мнение которых для него небезразлично. Поскольку подобных групп (в дальнейшем их стали называть референтными) может быть несколько, то по их числу у каждого человека складывается несколько социальных Я. Эта мысль побудила Кеннона говорить о «научном Я» как особом социально-психологическом образовании, которое формируется у человека, когда он вступает в мир науки, привыкает смотреть на себя его глазами, ориентироваться на его ценности. «Путь исследователя» и есть прежде всего книга о социально-научном Я.

Кеннон писал: «Биография представляет специальный интерес, так как раскрывает влияния, от которых зависит жизнь людей, рассказывает, как они справлялись со своими проблемами». Под каким же влиянием и с какими проблемами справился на своем пути выдающийся ученый?

Предки Кеннона прошли на своих фургонах путь американских первопроходцев и обосновались в штате Висконсин в верховьях Миссисипи. Здесь Кольберт Кеннон познакомился с молодой учительницей Сарой Денио. Они поженились. Своего первенца назвали Уолтер Бредфорд. Он родился 19 октября 1871 г.

Отец Кеннона работал на железной дороге. Это был угрюмый человек, постоянно испытывавший неудовлетворенность из-за тех материальных затруднений, которые не позволили ему преуспеть в качестве фермера или врача. Интерес к сельскому хозяйству и медицине побуждал его выписывать книги и журналы по этим вопросам. Сам факт упоминания об этом в автобиографии свидетельствует, что эта литература не прошла мимо внимания мальчика. Незаурядные способности отца сказались и в том, что он, как и его брат-инженер, занимался изобретательством, конструировал различные технические приспособления. Иногда он работал в присутствии маленького Уолтера, для которого самым светлым воспоминанием детства остались минуты, когда отец учил его с помощью столярных инструментов мастерить игрушки (готовые игрушки мальчику не покупались, изготавливать их он должен был сам). И хотя Кеннон прославился впоследствии не техническими, а научными достижениями, выработанное в детстве умение делать все собственными руками оказалось очень полезным. Описывая особое состояние инсайта – творческого озарения – и отмечая,

что оно может возникнуть даже во сне, Кеннон на склоне лет вспоминал, что уже в детстве, пытаясь наладить сложную игрушку, он нередко во сне догадывался, как это сделать.

Если отец был суровым человеком, впадавшим порой в глубокую депрессию, то мать отличалась мягкостью характера и нежностью. Когда Уолтеру было 10 лет, она скончалась от пневмонии, напутствуя его словами: «Будь добрым для мира». Этот завет матери, подчеркивал Кеннон, стал для него на всю жизнь священным.

По настоянию отца, который строго придерживался религиозных убеждений (как и его предки, он был протестантом-кальвинистом), в юности Кеннон усердно штудировал труды кальвинистских теологов. Эти занятия породили у него множество сомнений, которыми он захотел поделиться с пастором, надеясь получить от него объяснения. Однако священник грубо осадил его, указав, что юноше не пристало критиковать мужей, жизнь положивших на алтарь веры. Такая реакция ввергла Уолтера в тяжелый внутренний конфликт и способствовала его разрыву с религией.

На этой почве осложнились отношения молодого Кеннона с отцом, который долго не мог смириться с происшедшим и лишь впоследствии стал терпимее относиться к атеизму Уолтера. Новая личностная позиция Кеннона имела значение для его становления как исследователя. Протестантская религия, под знаком которой его предки осваивали новый континент, поощряла опору на собственные силы, предприимчивость, изобретательность во всем, что касалось и промышленных дел, прибыли и накопления. Но она не могла допустить свободу и независимость человека по отношению к ней самой, к ее догматам. Между тем критическое отношение к любому убеждению, любой идее – необходимая предпосылка научного мышления, ничего не приемлющего без доказательств и проверки.

Эта рационально-критическая установка зародилась, как видно, у Кеннона в противовес религиозным запретам задолго до занятий наукой. Забросив теологические сочинения, он зачитывается Томасом Гексли – несравненным полемистом, противником идеалистического понимания живой природы и места человека в ней.

Кеннон увлекался и другими авторами – популяризаторами естественнонаучных идей. Он знакомится с принципами причинного объяснения мироздания, приобщается к эволюционному учению Дарвина, ставшему в дальнейшем основой его научного мышления. У него нарастает интерес к науке и желание учиться дальше – идти в колледж. Случайная встреча в одном из выпускников Гарварда склонила Кеннона поступить именно в это учебное заведение. Гарвардскую медицинскую школу он окончил в 1900 г. со степенью доктора наук.

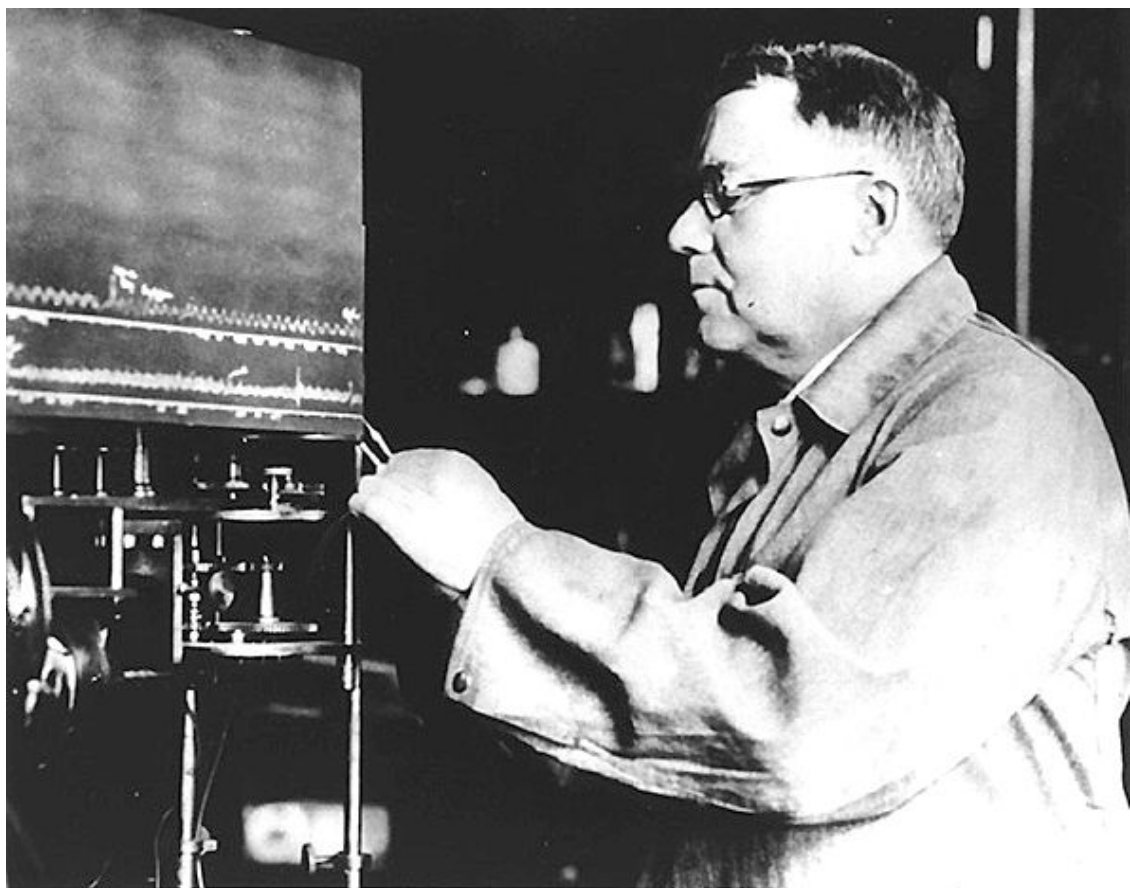
В годы учения серьезное влияние на будущего исследователя оказал Уильям Джемс. Некогда он преподавал физиологию, затем занялся психологией, став в Соединенных Штатах лидером этого нового направления исследований. В 1890 г. вышел приобретший огромную популярность первый том его «Основ психологии».

Джемс выступал против господствовавшего в Западной Европе структурализма в психологии. Разрабатывавший это направление В.Вундт и его последователи считали, что задача новой науки состоит в том, чтобы с помощью метода интроспекции выделить исходные психические элементы и способы их сочетания в сознании. Джемс считал эту позицию искусственной, игнорирующей реальные функции сознания, которые, согласно его учению, состоят в том, чтобы обеспечить приспособление организма к среде.

Функциональный подход и принцип адаптации целостного организма к условиям существования переносился тем самым из биологии, развивавшейся под знаком эволюционного учения, в психологию. Этот общий подход, несомненно, оказал влияние на Кеннона, когда он перешел к изучению таких интегральных приспособительных реакций живых существ, как эмоции. Вместе с тем впоследствии, в 20-х годах, Кеннон выступил с критикой теории эмоций Джемса именно потому, что в ней, по его мнению, недостаточно учитывается адаптивный смысл этих психологических явлений.

В годы, когда Кеннон стал студентом в Гарварде, Джемс со все меньшим энтузиазмом относился к психологии, увлекшись философскими проблемами. Влияние блестящих лекций Джемса на молодого Кеннона было столь значительным, что студент решил посвятить себя философии. Он вспоминал, как однажды, сопровождая возвращавшегося домой Джемса, советовался с ним по этому поводу. Однако профессор порекомендовал ему «наполнить свои паруса другим ветром». Кеннон последовал этому совету и отправился к профессору физиологии Генри Боудичу. Под его руководством он проработал много лет и впоследствии сменил его на посту заведующего лаборатории физиологии Гарвардской медицинской школы.

В этой лаборатории Кеннон проработал несколько десятилетий и выполнил свои новаторские исследования, снискавшие ему всемирную известность. Спектр его научных интересов был чрезвычайно широк, и на протяжении своей карьеры он обращался к нескольким, казалось бы, независимым темам, которые на самом деле были объединены общей логикой научного исследования. Первые работы Кеннона были сугубо физиологическими. Они были посвящены двигательной функции пищеварительного тракта, и почти невозможно усмотреть их связь с психологической проблематикой. В то же время сам исследователь в своей научной автобиографии отмечал: «Ранние наблюдения над моторной деятельностью пищеварительного тракта обнаружили его заметную чувствительность к эмоциональному возбуждению. Приостановка этой деятельности при возбуждении привела к изучению других телесных изменений, связанных с сильными эмоциями».

Всю профессиональную жизнь ученый провел в своей экспериментальной лаборатории

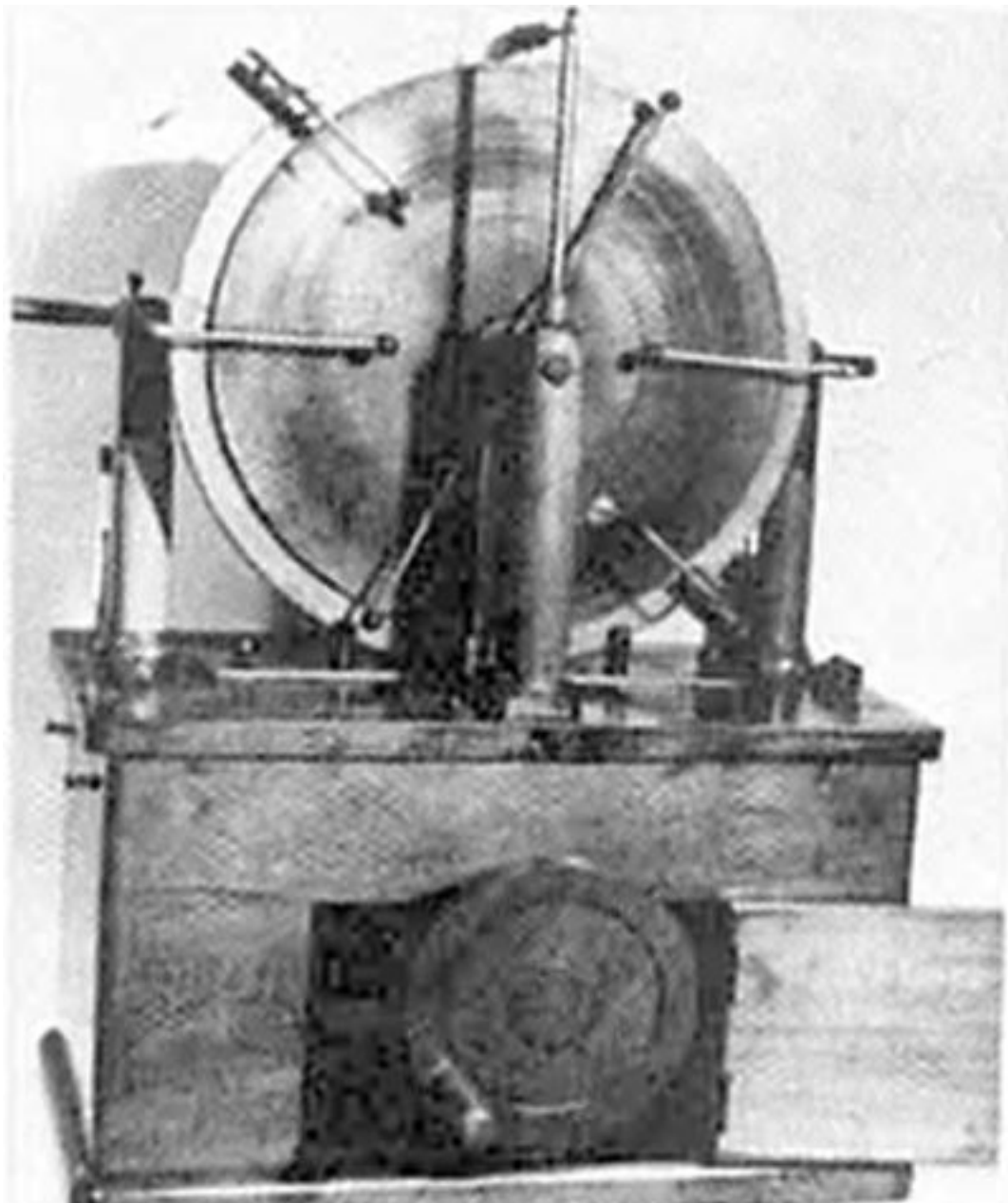
В ту пору (10-е гг. XX в.) самой влиятельной теорией эмоций была теория Джемса-Ланге, трактовавшая эмоциональное переживание как отражение соматических изменений.

«Я совершенно не могут представить себе, что за эмоция страха останется в нашем сознании, если устранить из него чувства, связанные с сильным сердцебиением, коротким дыханием, дрожью губ, с расслаблением членов и с возбуждениями во внутренностях», – писал Джемс. Кеннон, ученик Джемса, конечно же, был хорошо знаком с этой теорией. В то же время он отдавал себе отчет, что эта теория не имела никакой опоры к экспериментально проверяемым физиологическим фактам. Ее авторы соотносили свои предположения с воображаемыми, а не реальными экспериментами. Давайте, предлагали они, устраним из картины эмоций внутрителесные модификации, и тогда эта картина сразу же испарится. Кеннон предпринял проверку этой гипотезы, исходя не из умозрительных рассуждений, а из того, что подсказывал физиологический опыт. В эксперименте (при рассечении нервных путей между внутренними органами и корой головного мозга) им было установлено, что при исключении физиологических проявлений субъективное переживание все равно сохранялось. При этом Кеннон отметил два существенных обстоятельства. Во-первых, физиологические сдвиги, возникающие при разных эмоциях, бывают весьма похожи друг на друга и не отражают их качественное своеобразие. Во-вторых, эти физиологические изменения развертываются довольно медленно, в то время как эмоциональные переживания возникают быстро, то есть предшествуют физиологической реакции. Кеннону также удалось показать, что искусственно вызванные физиологические изменения, характерные для определенных сильных эмоций, не всегда вызывают ожидаемое эмоциональное поведение. Все это позволило ему заключить, что эмоции возникают вследствие специфической реакции центральной нервной системы и в частности – таламуса.

Таким образом, по Кеннону, схема этапов возникновения эмоций и сопутствующих ей физиологических сдвигов выглядит так:

раздражитель → возбуждение таламуса → эмоция → физиологические
изменения

В более поздних исследованиях, выполненных в середине 30-х П.Бардом, было показано, что эмоциональные переживания и физиологические сдвиги, им сопутствующие, возникают почти одновременно. С этим уточнением такая трактовка эмоционального переживания получила название теории Кеннона-Барда и в качестве альтернативы теории Джемса-Ланге сегодня представлена во всех источниках по психологии эмоций и чувств.

Рентгеновская установка, которую Кеннон использовал в своих экспериментах, сегодня выглядит настоящим музейным экспонатом

Еще одним важным вкладом американского физиолога в психологию явилось разработанное им учение о гомеостазе – постоянстве внутренней среды организма, достигаемом за счет гибкого приспособления к меняющимся условиям внешней среды. Кенноновское учение о гомеостазе – детище 20-х годов. Изложенное в физиологических и медицинских журналах, оно было обращено первоначально к специальной научной аудитории. Благодаря книге «Мудрость тела», понимание которой не требовало специальной подготовки, оно вызвало широкий интерес и резонанс далеко за пределами научного сообщества. Объяснялось это не только популярностью изложения. На обложке книги было сказано, что она представляет «первое детальное изложение способа, благодаря которому наши тела, вопреки многим возмущающим силам, сохраняют свою стабильность; оно подсказывает, как проблемы, извлеченные из мудрости тела, могут быть применены к проблемам социальной и экономической стабилизации».

Модель организма как саморегулирующейся системы оказалась востребована многими направлениями психологии и была перенесена в них для объяснения взаимодействия с окружающей средой. Такой перенос характерен, в частности, для необихевиоризма, считающего, что новая двигательная реакция закрепляется благодаря освобождению организма от потребности, нарушившей его гомеостаз; для концепции Ж.Пиаже, признающей, что умственное развитие происходит в процессе уравнивания организма со средой; для теории поля К.Левина, согласно которой мотивация возникает в неравновесной «системе напряжений»; для гештальтпсихологии, отмечающей, что в случае нарушения баланса между компонентами психической системы она стремится к его восстановлению.

В то же время гомеостатическая модель с самого начала породила оживленную дискуссию в научных кругах. Еще в 1934 г. Курт Гольдштейн в своем главном труде «Организм» показал недостаточность понятия гомеостаза для объяснения жизнедеятельности организмов. Тем самым было инициировано зарождение многих идей гуманистической психологии, в частности – концепции Маслоу о насыщаемых и ненасыщаемых потребностях.

Так что неудивительно, что ссылками на Кеннона пестрят психологические работы самых разных направлений, и эта ситуация не меняется вот уже на протяжении более полувека. Классика!

Заслуги Кеннона еще при его жизни были отмечены очень широко. Он был почетным доктором Гарвардского, Йельского, Виттенбергского, Бостонского, Вашингтонского, Льежского, Страсбургского, Парижского, Мадридского и Барселонского университетов. Кеннон являлся членом стольких научных обществ, что ни в одном списке его регалий их перечень не приводится полностью ввиду непомерной громоздкости.

Кеннон совершил первое восхождение на эту гору, впоследствии названную его именем

Выйдя на пенсию, Кеннон оставил Гарвард и принял приглашение занять должность профессора-консультанта в Нью-Йоркском университете. Затем он на некоторое время выехал в Институт кардиологии в Мексику, где совместно со своим учеником А.Розенблютом приступил к серии исследований по электрофизиологии головного мозга. Он предвидел большую перспективность этого нового направления, но разрабатывать его оставил другим. Возвратившись из Мексики домой, Кеннон по совету друзей взялся за книгу «Путь исследователя». Однако силы его покидали, и он скончался во Франклине (шт. Нью-Хемпшир) от лейкемии, осложненной пневмонией, 1 октября 1945 г.

А.Ф. Лазурский (1874–1917)

Александр Федорович Лазурский – яркая фигура в истории науки, один из пионеров российской психологии. В первой четверти XX века его труды неоднократно переиздавались в нашей стране и за рубежом, снискали ему широкую известность и признание. Лазурский по праву может быть назван одним из основоположников отечественной дифференциальной психологии (сам он, однако, полемизируя с В. Штерном, предлагал отдать предпочтение иному названию – «индивидуальная психология»; одноименная адлеровская теория в ту пору еще не была широко признана). Однако, умерший незадолго до Октябрьской революции, Лазурский, естественно, не мог предвидеть, какими путями пойдет оформление советской психологической мысли на основе марксистско-ленинской доктрины. Вероятно, вследствие такой «недальновидности» о нем с годами вспоминали все реже, и в советской

психологической литературе упоминания о нем как правило ограничивались несколькими скупыми строчками. В середине 90-х одна из его книг была переиздана в серии «Памятники психологической мысли», но не привлекла широкого внимания и фактически затерялась в половодье переводных бестселлеров. Сегодня, когда постепенно пробуждается интерес новых поколений психологов к отечественным научным традициям, следует отдать дань одному из видных представителей российской психологии, стоявшему у ее истоков.

Александр Федорович Лазурский родился 12 апреля (31 марта по старому стилю) 1874 г. в городе Переяславе Полтавской губернии (ныне – Переяслав-Хмельницкий Киевской области Украины). Через несколько лет после его рождения его отец, священнослужитель, получил приход в уездном городке Лубны. Здесь Лазурский поступил в мужскую гимназию, с отличием ее окончил, а в 1891 г. уехал отсюда в Петербург, где поступил в Военно-Медицинскую Академию. В Петербурге судьба свела его с крупнейшим ученым того времени, одним из основоположников целостного человекознания в отечественной науке, В.М. Бехтеревым, под руководством которого в возглавляемой им анатомо-физиологической лаборатории при клинике душевных и нервных болезней Лазурский, будучи третьекурсником, сделал свои первые шаги на нелегком пути научного познания. Наверное, именно царившая в лаборатории атмосфера научного поиска обусловила жизненный выбор Лазурского – его ориентацию не на медицинскую практику, а на исследовательскую деятельность.

На раннем этапе научной деятельности интересы молодого ученого были сосредоточены в сфере анатомии мозга. Этому были посвящены его первые научные работы, выполненные в студенческие годы и опубликованные в издававшемся в Казани журнале «Неврологический вестник».

В ноябре 1896 г. на заседании Собрания врачей Санкт-Петербургской клиники душевных и нервных болезней студенты Лазурский и Акопенко представили на обсуждение результаты выполненного ими психофизиологического исследования «О влиянии мышечных движений (ходьба) на скорость психических процессов». В работе рассматривалась динамика протекания психических процессов (простой реакции, процессов различения, выбора, счета чисел и подбора рифм) до мышечной нагрузки и после нее. Авторы пришли к выводу, что мышечные движения «ускоряющим образом» влияют на психические процессы, хотя указанный эффект проявляется применительно к конкретным исследуемым явлениям по-разному. Обращает на себя внимание высказанная уже в этой ранней работе мысль, что при анализе соотношения психических и физиологических процессов необходимо «считаться с индивидуальностью».

С самого начала творческой деятельности Лазурский активно участвовал в жизни научного сообщества. В журнале «Обозрение психиатрии» неоднократно публиковались его отчеты о научных дискуссиях той поры, в которых он сам принимал участие. Своеобразным признанием молодого ученого явилось его избрание в 1899 г. действительным членом Петербургского Общества психиатров и невропатологов.

После окончания академии с отличием в 1897 г. Лазурский был оставлен в клинике для продолжения исследований и «научного усовершенствования». Научную деятельность он совмещал с лечебной практикой, работая в доме призрения душевнобольных, а также в школе для детей с нервно-психическими отклонениями.

Уже в ранних работах Лазурского закладывались основы объективного, естественно-научного подхода к пониманию человека и исследованию его психики. Ученый был глубоко убежден, что прогресс в развитии психологического знания обусловлен его связью с естественнонаучной методологией, с исследованиями природных основ психической деятельности, он подчеркивал невозможность разработки проблем психологии без опоры на знания в области анатомии и физиологии центральной нервной системы. Следуя традиции клини-

ческой школы Бехтерева, Лазурский большое значение придавал также изучению психопатологии, рассматривая последнюю в качестве важного условия углубления познания механизмов функционирования психики в норме.

Постепенно интересы Лазурского переключились с анатомии и физиологии ума на собственно психологические исследования. В немалой степени этому способствовало открытие в 1895 г. Бехтеревым в клинике душевных и нервных болезней специальной Психологической лаборатории. В 1897 г. именно Лазурскому Бехтерев поручил руководство этой лабораторией.

Еще более укрепилась психологическая ориентация ученого под влиянием зарубежной командировки, в которую он был направлен по решению академии «на казенный счет» с ежегодным содержанием в 3500 рублей на два года (1901–1902 гг.) «для усовершенствования» после получения степени доктора медицины. Во время своего пребывания за границей Лазурский посетил наиболее важные центры мировой психологической науки того времени. Он практиковался в Психологическом институте В. Вундта в Лейпциге, работал в лаборатории экспериментальной психологии Э. Крепелина в Гейдельберге, слушал лекции К. Штумпфа в Берлине.

Первые психологические работы Лазурского появились в 90-е гг. XIX в. Приступая к разработке психологических проблем, молодой ученый учитывал сложившиеся в данной области традиции, но они становились предметом серьезного критического осмысления, глубокой творческой переработки. Главным критерием истинности вывода, основным способом получения научной фактологии Лазурский однозначно признавал опыт. Опытная стратегия исследования психической активности в работах самого ученого, его учеников и сотрудников Психологической лаборатории оставалась неизменно доминирующей. И поэтому естественным являлось обращение Лазурского к эксперименту в поисках наиболее точного объективного изучения психической реальности. В своих экспериментальных исследованиях он отдавал дань традиционным для того времени проблемам психологии – изучению объема сознания (памяти), процесса образования ассоциаций.

Уже ранние психологические работы Лазурского привлекли к себе внимание научной общественности. Так, после доклада о методе наблюдения (1898 г.) в собрании врачей психиатрической клиники состоялась беседа ученого с репортером «Петербургской газеты», а его доклад «О взаимной связи душевных свойств и способах ее изучения» на одном из заседаний Санкт-Петербургского Философского Общества под председательством А.И. Введенского в марте 1890 г. обсуждался с 9 утра до полуночи. Такой интерес к работам Лазурского был вызван не только актуальностью, новизной и оригинальностью развиваемых им идей, но и четко обозначенной естественнонаучной методологической позицией. Именно поэтому, встречая позитивные в целом отклики в среде врачей, психиатров и других ученых, разделявших позиции объективного подхода к психике человека, научные сообщения и статьи Лазурского вместе с тем подвергались критике сторонниками традиционной метафизической психологии. Так, уже упомянутый доклад в Философском Обществе, по оценке самого Лазурского, потерпел «торжественный провал». Это было следствием развернувшейся в этот период в русской психологии борьбы между принципиально различными подходами в познании психической реальности, водоразделом между которыми явилось понимание роли эксперимента и интроспекции в психологических исследованиях. Лазурский, оказавшийся одним из участников этих достаточно жестких и нелицеприятных дискуссий, тяжело переживал сложившуюся ситуацию и едва не забросил свои изыскания в психологии. Тем не менее, очевидно, не без помощи своего учителя Бехтерева и других, близких по духу коллег, он преодолел этот «творческий кризис» и продолжил работу в области психологии.

Более того, решаемые им задачи становились все более сложными, оригинальными. Он встал на путь, который до него еще никем в отечественной науке не был пройден.

Наряду с традиционными для той поры научными проблемами, его чрезвычайно привлекла задача изучения не отдельных психических процессов, а целостной личности. Именно к этому вопросу ученый обратился в первом опубликованном им в 1897 г. психологическом труде «Современное состояние индивидуальной психологии» (заметим: двадцатисемилетний Альфред Адлер в это время только вынашивал свои теоретические идеи). Вероятно, именно подготовка этой статьи, содержащей обзор фактически всех ключевых в то время мировых и отечественных исследований по изучению характера и темперамента, определила сферу будущих научных интересов Лазурского – разработка проблем индивидуальной психологии, точнее – психологии индивидуальности. Цель ее он видел в рассмотрении того, «как видоизменяются душевные свойства у различных людей и какие типы создают они в своих сочетаниях».

Уже в этой работе четко обозначена перспектива научных исследований Лазурского, которая приведет его к созданию нового самостоятельного направления психологической науки – «научной характерологии». Именно она и стала фундаментальным вкладом Лазурского в сокровищницу отечественной психологической науки. При этом важно отметить, что «индивидуальная психология» полностью отождествлялась им с характерологией, то есть русский ученый выдвинул на передний план решение типологических задач путем выявления наиболее обобщенных типов характеров. Тем самым он противопоставлял свой подход взглядам В. Штерна, который ограничивал задачи дифференциальной психологии лишь анализом индивидуально-психологических различий, не ставя задачей этой области изучение целостной личности.

В 1906 г. тиражом 1000 экземпляров вышел в свет первый крупный труд Лазурского – «Очерк науки о характерах». Как отмечает автор, «две мысли положены в основу этой книги: во-первых, возможность сознательного, научного изучения человеческих характеров; во-вторых – необходимость пользоваться для этой цели понятием склонности или душевного качества». Основой книги послужил авторский курс лекций по характерологии, прочитанный в Петербурге на педологических курсах при экспериментально-педагогической лаборатории А.П. Нечаева, о котором Лазурский с гордостью писал брату: «Смело могу сказать, что это первый и единственный на сегодня на земном шаре систематический курс характерологии, основанной на современных данных». Именно с этого сочинения начинается известность Лазурского как специалиста по индивидуальной психологии.

Большое внимание ученый уделял поиску и исследованию интегральных личностных образований, которые в наибольшей степени отражали бы специфику индивидуальности человека. В этом контексте особый интерес представляет учение Лазурского о способностях, поскольку понятия «склонность», «склонность», «способность», «душевное качество» занимают центральное место в его концепции личности.

В феврале 1913 г. на заседании Петербургского Философского Общества он сделал доклад, изложив свою «новую классификацию личностей». До последних дней жизни именно эта проблема оставалась центральной в его творчестве.

Исходя из идеи целостности, функционального единства нервно-психической организации личности и стремясь реализовать ее в конкретном эмпирическом исследовании, Лазурский обращается к поиску адекватного данному подходу метода. Направление и смысл методических поисков Лазурского в это время достаточно точно выражают следующие его высказывания: «Чем выше и сложнее исследуемое явление, тем проще и ближе к жизни должен быть применяемый метод», «общий ход развития экспериментальной психологии неизбежно ведет к тому, что мы постепенно будем расширять область применения эксперимента, но в связи с этим будем расширять также и само понятие эксперимента».

В декабре 1910 г. на I съезде экспериментальной педагогики он выступил с докладом о «естественном эксперименте», в котором изложил суть нового метода, подчеркивая его

«несомненные преимущества» по сравнению с наблюдением и лабораторным экспериментом. Суть данного метода состоит в том, что любой вид реальной деятельности рассматривается с точки зрения того, какая группа личностных характеристик выступает в нем ярче всего. И исследователь, предлагая человеку или группе лиц этот вид деятельности в реальной, конкретной жизненной ситуации, фиксирует степень выраженности изучаемой характеристики. Особую ценность этого метода Лазурский видел в его применении в школьной практике для составления целостной характеристики школьника, так как он давал возможность педагогу «глубже заглянуть в психическую жизнь своих питомцев с помощью тех средств, которые всегда находятся в руках». Таким образом, можно сказать. Что Лазурский фактически одним из первых в отечественной психологии осуществил конкретно-эмпирическое исследование психики ребенка в условиях деятельности, заложив тем самым «первые кирпичики» в будущую психологическую теорию деятельности, получившую развитие в последующих трудах советских психологов. С.Л. Рубинштейн подчеркивал высокую ценность и значимость предложенного Лазурским метода естественного эксперимента, развивая этот метод с позиций субъектно-деятельностного подхода.

Занимаясь разработкой острейших для своего времени вопросов психологии, Лазурский постоянно сталкивался с негативным отношением к себе со стороны как метафизических психологов, так и некоторых психиатров, которые находили его психологические исследования надуманно-умозрительными. Вследствие назревшего конфликта в 1913 г. он увольняется из Военно-медицинской Академии и устраивается штатным клиническим ассистентом по психиатрии в Женский Медицинский институт.

Безвременная кончина Лазурского в марте 1917 г. не позволила завершить большие творческие планы. В частности, осталась незаконченной книга, над которой он работал в последние годы «Классификация личностей». Подготовить эту разработку к изданию по инициативе товарищей и учеников было предложено ближайшему его сотруднику В.Н. Мясичеву. Книга была опубликована в 1921 г.

Похороны состоялись 16 марта (по старому стилю) 1917 г. на Смоленском кладбище в Петрограде. Обнаружить его могилу к настоящему времени не удалось...

По мнению близко знавших его людей, Лазурский, « всю свою жизнь отдавший изучению личности человека, сам был глубоко гармоничной, светлой, высокоморальной личностью. Необыкновенно скромный и миролюбивый, он не имел врагов; чуждый рисовки и стремления к популярности, он завоевал широкую известность. Мягкий, чуткий и деликатный, щепетильно честный и добрый, он привлекал к себе сердца окружающих, и смерть его в расцвете сил и таланта кажется такой несправедливой!»

Э. Торндайк (1874–1949)

Эдвард Ли Торндайк – сын озабоченных спасением души благочестивых родителей, который перевел «науку о душе» в плоскость изучения рефлексов; крупнейший специалист по научению, за всю жизнь так и не выучившийся водить автомобиль; создатель теории, название которой сохранилось лишь в учебниках по истории психологии (так называемый коннекционизм), но которая фактически предвосхитила содержание огромного пласта психологической науки XX столетия. Таков Э. Торндайк – одна из самых ярких и противоречивых фигур в истории психологической мысли.

Он родился 31 августа 1874 г. в городке Вильямсбург, штат Массачусетс, в семье методистского священника. Семья вела аскетичный образ жизни, сыновей (их было трое) воспитывали в строгости, прививая им привычку к упорному труду и самоотверженному следованию нравственным заповедям. С современных позиций гуманистической педагогики такой стиль воспитания может показаться слишком суровым, однако его позитивные плоды налицо: все трое братьев Торндайк поступили в Университет Уэсли и впоследствии стали крупными учеными.

В университете Торндайк прослушал курс психологии, основанный на учебнике англичанина Джеймса Селли «Очерки психологии». Особого интереса этот предмет у него не вызывал – до той поры, пока он по собственной инициативе не прочитал «Принципы психологии» У. Джемса. Воодушевленный идеями Джемса, Торндайк перевелся в Гарвардский университет и здесь прослушал его курс.

Собственные научные исследования он намеревался провести в сиротском приюте. Им был задуман и частично осуществлен интересный эксперимент. Экспериментатор мысленно представлял различные слова, объекты, числа. Сидящий против него ребенок должен был угадать, о каких вещах думает экспериментатор. В случае успеха ребенок получал конфету.

Схема опыта не была досужей игрой торндайковского ума. Она отражала новые веяния в психологии. В те годы представление о непосредственной связи мысли и слова стало общепризнанным. Слово является также и моторным актом. Из этого следовало, что в случае мышления «про себя» должны происходить почти незаметные изменения мышц речевого аппарата. Обычно они не осознаются самим субъектом и не воспринимаются окружающими. Но нельзя ли повысить чувствительность к ним других людей с целью «прочтения» речевых микродвижений, а тем самым и соответствующих мыслей? В качестве средства усиления чувствительности к этим микродвижениям Торндайк избрал такой рычаг, как заинтересованность в отгадке, создаваемая подкреплением. Вместе с тем он предполагал, что чувствительность в ходе опытов постепенно обостряется (впоследствии обучаемость восприятию была названа «перцептивным научением»).

Для схемы этих опытов молодого Торндайка существенно то, что, во-первых, исключалось обращение к сознанию (ведь реакции экспериментатора, а именно изменения в мышцах его лица при думании «про себя», возникают непреднамеренно, и испытуемый, отгадывающий эти реакции, не знает, какими признаками он руководствуется, пытаясь их различить); во-вторых, исследовалось научение, приобретение опыта; в-третьих, вводился фактор положительного подкрепления. Все эти моменты определили в дальнейшем экспериментальные изыскания Торндайка. Опыты над детьми ему пришлось прервать: администрация университета их запретила по не зависевшим от него причинам. Тогда Торндайк занялся опытами над животными. Он стал обучать цыплят навыкам прохождения лабиринта. Цыплят негде было держать, и Торндайк по предложению Джемса, который к нему явно благоволил, устроил импровизированную лабораторию в подвале его дома. Фактически это была первая в мире экспериментальная лаборатория экспериментальной зоопсихологии. Вскоре, захватив корзину с двумя дрессированными цыплятами, он переехал в Колумбийский университет к Дж. М. Кеттеллу – горячему приверженцу объективного метода в психологии. Здесь Торндайк продолжал исследования над кошками и собаками и изобрел специальный аппарат – «проблемный ящик», в который помещались подопытные животные. Попав в ящик, они могли из него выйти и получить подкормку лишь тогда, когда приводили в действие специальное устройство (нажимали на пружину, тянули за петлю и т. п.).

Поведение животных было однотипным. Они совершали множество движений: бросались в разные стороны, царапали ящик, кусали его и т. п., пока одно из движений случайно не оказывалось удачным. При последующих пробах число бесполезных движений уменьшалось, животному требовалось меньше времени, чтобы найти выход, пока наконец оно не научалось действовать безошибочно.

Ход опытов и результаты изображались графически в виде кривых, где на оси абсцисс отмечались повторные пробы, на оси ординат – затраченное время (в минутах). Характер кривой («кривой научения») дал Торндайку основание утверждать, что животное действует методом «проб и ошибок», случайно добиваясь успеха. Резких падений кривой, которые свидетельствовали бы о том, что животное внезапно поняло смысл задачи, почти не наблюдалось. Напротив, иногда кривая резко подскакивала вверх, то есть при последующих про-

бах затрачивалось больше времени, чем при предыдущих. Произведя однажды правильное действие, животное в дальнейшем совершало множество ошибочных.

Свои факты и выводы Торндайк изложил в 1898 г. в докторской диссертации «Интеллект животных. Экспериментальное исследование ассоциативных процессов у животных». Термины Торндайк употреблял традиционные – «интеллект», «ассоциативные процессы», но содержанием они наполнялись новым.

То, что интеллект имеет ассоциативную природу, было известно со времен Гоббса. То, что интеллект обеспечивает успешное приспособление животного к среде, стало общепринятым после Спенсера. Но впервые именно опытами Торндайка было показано, что природа интеллекта и его функция могут быть изучены и оценены без обращения к идеям или другим явлениям сознания. Ассоциация означала уже связь не между идеями или между идеями или движениями, как в предшествующих ассоциативных теориях, а между движениями и ситуациями.

Свои наблюдения Торндайк обобщил в нескольких законах:

закон упражнения, согласно которому при прочих равных условиях реакция на ситуацию связывается с ней пропорционально частоте повторений связей и их силе. Этот закон совпадал с принципом частоты повторений в ассоциативной психологии;

закон готовности: упражнения изменяют готовность организма к проведению нервных импульсов;

закон ассоциативного сдвига: если при одновременном действии раздражителей один из них вызывает реакцию, то другие приобретают способность вызывать ту же самую реакцию.

Торндайк не собирался посвятить всю жизнь экспериментам с проблемными ящиками. Целеустремленный и амбициозный, он в свое время писал невесте: «Я решил за пять лет достигнуть самых вершин психологии, потом буду преподавать еще десять лет, а затем уйду из науки». В области зоопсихологии он проработал недолго. Он занимался этими вопросами лишь для того, чтобы написать докторскую диссертацию и создать себе имя.

В 1899 г. Торндайк стал преподавателем психологии в педагогическом колледже Колумбийского университета. Там он продолжил экспериментальные исследования, перенеся методы изучения поведения животных на людей. Вся его дальнейшая работа была посвящена проблемам обучения людей, а также таким близким отраслям, как тестирование интеллекта. Торндайк, как и намеревался, действительно достиг вершин: в 1912 г. он был избран президентом Американской психологической ассоциации. За полвека работы в Колумбийском университете им было написано свыше 500 научных работ, многие из которых пользовались немалым спросом на книжном рынке. На издании своих книг и тестов он сумел составить себе состояние. Так, в 1924 г. его годовой доход составил почти 70 тысяч долларов, что по тем временам было просто огромной суммой. В 1939 г. Торндайк ушел в отставку, но продолжал научную деятельность до самой смерти (он умер в 1949 г.).

Исследования Торндайка в области научения стали эпохальным явлением в психологии. Его работы стимулировали подъем теории научения в американской науке, а тот дух объективности, которого он строго придерживался, нашел воплощение в теории бихевиоризма. Основатель бихевиоризма Джон Уотсон писал, что исследования Торндайка стали краеугольным камнем его учения. Дань уважения Торндайку отдал и Павлов. Он писал: «Через несколько лет после начала работы с моим новым методом я узнал, что подобные опыты проделаны в Америке, причем не физиологами, а психологами. С тех пор я начал внимательно изучать американские публикации, и должен был признать, что честь сделать первый шаг по этой дороге принадлежит Э.Л. Торндайку. Его эксперименты опережали наши примерно на два или три года, а его книгу можно считать классической, как по смелому подходу к гигантской работе, так и по точности результатов».

И.Д. Ермаков (1875–1942)

История отечественной психологии долгие годы трактовалась весьма прямолинейно и упрощенно: борьба материалистических и идеалистических идей в дореволюционной науке, возобладание материалистической тенденции после 1917 г., ее полная победа в 20–30-е годы и дальнейшее поступательное шествие советской психологии под знаменем диалектического материализма. В такой трактовке совершенно не оставалось места психоаналитической концепции, которую ее создатель З.Фрейд сам затруднялся однозначно определить как материалистическую либо идеалистическую. А психоанализ в России имеет богатую историю. Первым иностранным языком, на который переведены труды Фрейда, был русский. Сам Фрейд Москву считал третьим мировым психоаналитическим центром после Вены и Берлина. Интерес к психоанализу проявлял В.М. Бехтерев, на разных этапах своего научного творчества идеи Фрейда разделяли А.Б. Залкинд, П.П. Блонский, А.Р. Лурия и многие другие видные ученые. Но главенствующей фигурой в русском психоанализе выступал И.Д. Ермаков.

Биографические сведения об этом человеке весьма скупы и почерпнуты главным образом из лаконичных, скорее справочных материалов, опубликованных в последние годы дочерью Ермакова М.И. Давыдовой.

Иван Дмитриевич Ермаков родился 6 октября 1875 г. в Константинополе. В 1896 г. окончил Тифлисскую классическую гимназию. Медицинское образование он получил в

Московском университете, после окончания которого в 1902 г. был оставлен для работы в должности врача-психиатра в университетской клинике. Уже в эти годы проявился интерес Ермакова к психологическим проблемам художественного творчества. В автобиографии, написанной в 1926 г., он отмечает, что еще студентом наблюдал и пользовался в клинике М.А. Врубеля и на основании своих наблюдений впоследствии написал очерк о личности и творчестве великого художника.

В 1904 г. в связи с началом русско-японской войны И.Д. Ермаков был призван на военную службу и исполнял обязанности психиатра в госпиталях Харбина и Москвы. Первые его научные работы, опубликованные в Журнале невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, отразили опыт и наблюдения психиатра. Столкнувшегося в своей практике с психопатологическими последствиями военных действий.

После демобилизации И.Д. Ермаков вернулся к преподавательской и клинической деятельности в Московском университете. В 1906 г. стал действительным членом Общества невропатологов и психиатров. В университетских стенах он проработал до 1921 г., пройдя путь от ординатора до заведующего психиатрической клиникой. Остался он в университетской клинике и в 1911 году, когда ее покинули его учитель В.П. Сербский и еще один видный деятель психоаналитического движения Н.Е. Осипов. Сербский и Осипов таким образом выразили свой протест против политики министра просвещения Л.А. Кассо, стремившегося ограничить студенческие свободы. С этого момента пути Ермакова и Осипова разошлись все дальше, а отношения становились все более неприязненными, что, впрочем, характерно для личных взаимоотношений многих видных представителей психоаналитического движения.

И.Д. Ермаков успешно сочетал общественную и научную деятельность. В 1910–1917 гг. он был казначеем Благотворительного общества им. С.С. Корсакова. С научными командировками посетил Париж (в 1913 г. избран членом Парижского общества невропатологов и психиатров), Берлин, Берн, Цюрих, Мюнхен.

21 сентября 1913 г. И.Д. Ермаков выступил перед коллегами в университетской клинике с докладом об учении З.Фрейда. С этого времени большинство его работ, увидевших свет, связаны с пропагандой психоаналитических идей. Его активность на этом поприще была такова, что впоследствии (в 1929 г.) журнал «Под знаменем марксизма», обличая в идеализме видных русских мыслителей, писал: «Разве неизвестно, что по-русски Гуссерль читается Шпет, Фрейд, скажем, Ермаков, а Бергсон – Лосев?»

Накануне февральской революции 1917 г. в журнале «Психоневрологический вестник» появилась статья Ермакова «О белой горячке». Интересно, что в работе на такую казалось бы специальную психиатрическую тему прозвучали патетические слова, ставшие по сути своей кредо будущих советских психоаналитиков:

Мы живем накануне новой эпохи в развитии нашего общества. Не уходить от действительности, не одурманивать себя призваны мы, – но расширить зрачки наши, постараться понять и разобраться в том, что нас окружает, и отдать все силы для того светлого будущего, которое (мы верим) ждет нашу страну.

В послереволюционные годы И.Д. Ермаков стал членом Совета психоневрологического музея-лаборатории и библиотеки профессора Ф.Е. Рыбакова, преобразованного вскоре в Государственный психоневрологический институт, при котором он организовал и возглавил отдел психологии. При этом отделе в 1921 г. был создан детский дом-лаборатория, где подопечные дети изучались с точки зрения проявлений бессознательных влечений. Детский дом располагался в красивом здании по адресу Малая Никитская, 6, известным москвичам как особняк Рябушинского. В 1922 г. шефство над этим учреждением принял союз герман-

ских горнорабочих «Унион», в результате чего детский дом стал называться «Международная солидарность». Контингент его воспитанников (весьма немногочисленный) составляли дети крупных советских и партийных руководителей, в том числе сын И.В. Сталина Василий. По признанию А.Р. Лурии, бывшего в ту пору секретарем психоаналитического общества, «большого воспитательного эффекта работа наша не дала, но возможность заниматься интереснейшими проблемами науки в идеальных условиях мы на какое-то время получили».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.